ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ,

издаваемый

Михайломъ Каченовскимъ.

ЧАСТЬ XXXV.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1807.

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

СЕНТЯБРЬ, 1807.

№ 17.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Елисавета Г.*

Елисавета Г*, молодая и богатая вдова, жила въ городкѣ Р**, въ Швабіи. Весьма трудно было отгадать нравъ ея и склонности: ибо госпожа Г* никогда не была тѣмъ, чѣмъ казалась; и на оборотъ, всегда казалась иною, нежели какою была въ самомъ дѣлѣ.

Пока жилъ въ городкѣ одинъ Совѣтникъ, великой охотникъ читать любовныя повѣсти, до тѣхъ поръ Елисавета наша сказокъ изъ рукъ не выпускала. Совѣтникъ умеръ. Явился Докторъ медицины, которой любилъ проводить время на пирушкахъ и вечеринкахъ; госпожа Г*, бросивши книги, принялась за танцы и наряды. Наконецъ когда владѣтельный Князь прислалъ одного смиреннаго Суперинтендента въ городокъ Р**,

въ которомъ прежде не было сихъ пастырей духовныхъ; тогда Елисавета вдругъ сдѣлалась набожною, и домъ ея превратился въ обитель благочестія.

Различны были мнѣнія ученыхъ особъ о такой нечаянной перемѣнѣ въ жизни Елисаветы. Ректоръ училища, человѣкъ остроумной и сотрудникъ издателей одного пріятнаго журнала, не долго колебался; онъ рѣшительно объявилъ, что госпожа Г* не имѣетъ никакого постояннаго нрава, и что не можетъ служить образцомъ ни для повѣсти, ни для театральнаго сочиненія.

Суперинтендентъ и другія духовныя особы — которымъ не было нужды ни до повѣстей, ни до театральныхъ сочиненій — говорили, что съ госпожею Г* случилось то, что бываетъ обыкновенно съ чадами сего міра. Читая соблазнительныя книги, она грѣшила въ тайнѣ своего сердца; потомъ, очутившись далѣе на пути разврата, явно предалась пляскѣ; теперь, когда сила благодати коснулась ее, госпожа Г* обратилась на путь правый.

Докторъ, которой по званію своему замѣчалъ перемѣны тѣла, вовсе не смотря на душу ни съ критической стороны, ни съ ѳеологической, увѣрялъ, что здоровье госпо-

жи Г* повредилось сперва отъ прилѣжнаго чтенія, потомъ отъ вечеринокъ и танцовъ; что кровь у нее сгустилась; что кровопусканіе, весна и нѣкоторыя лѣкарства совершенно поправятъ ее.

У каждаго изъ сихъ господъ была своя система, то есть каждой изъ нихъ смотрѣлъ въ особливыя очки, которыя по своему свойству представляли вещи не въ настоящемъ ихъ видѣ. Какъ прочіе жители, не полагаясь на собственные глаза свои, имѣли великое довѣріе къ очкамъ упомянутыхъ господъ; то каждой изъ нихъ присталъ ко мнѣнію, какое лучше ему нравилось, или какое болѣе соотвѣтствовало его обстоятельствамъ.

Переплетчикъ, которому духовныя книги въ листъ, въ полъ-листа и въ четвертую долю доставляли много работы и денегъ, радовался благочестію госпожи Г*, и сердечно желалъ ей счастія на новомъ поприщѣ.

Портной, которой прежде много работалъ для госпожи Г*, и которому она уже не заказывала шить платье, присталъ къ невыгодному мнѣнію Доктора. Склонность Елисаветы къ задумчивости называлъ онъ совершеннымъ дурачествомъ, съумасшествіемъ.

Башмачникъ, котораго доходъ поубавился только половиною, принялъ умѣренное мнѣніе Ректора, и сожалѣлъ, что такая добрая барыня, какова госпожа Г*, непостоянна и сама не знаетъ, чего ей хочется.

Въ цѣломъ городкѣ одинъ только холщевникъ смотрѣлъ хорошо, и не испортилъ природнаго зрѣнія своего очками. Онъ не имѣлъ никакого дѣла до госпожи Г*, которая обыкновенно выписывала себѣ полотна изъ Голландіи; судилъ правильнѣе всѣхъ, и съ перваго разу попалъ на истину.

Въ одинъ воскресной день, по Нѣмецкому обычаю, случилось ему быть въ питейномъ домѣ вмѣстѣ съ прочими согражданами. Переплетчикъ, вздохнувши съ благоговѣніемъ, сказалъ: какія чудеса творитъ благодать надъ душею почтенной госпожи Г*! Холщевникъ отвѣчалъ ему на отрѣзъ, что благодать вовсе къ ней не прикасалась. Равнымъ образомъ противурѣчилъ онъ портному, которой почиталъ ее съумасшедшею, и башмачнику, который твердилъ свое, то есть, что госпожа Г* сама не вѣдаетъ, чего хочетъ и что дѣлаетъ.

„Госпожа Г* — сказалъ холщевникъ — очень знаетъ, чего ей хочется; и вы, доб-

рые люди, также знали бы, еслибъ не было у васъ по бѣльму въ глазахъ. Вспомните, когда покойной Совѣтникъ жилъ еще на свѣтѣ, кто былъ первой человѣкъ въ городѣ? Совѣтникъ! Когда, по смерти его, пріѣхалъ къ намъ Докторъ, кому кланялись мы низко? Доктору! Когда Князь прислалъ въ нашъ городъ Суперинтендента, кто сталъ у насъ почетнѣе всѣхъ? Суперинтендентъ! Теперь подумайте хорошенько, и увидите, что я говорю правду."

Всѣ засмѣялись. Догадливъ! говорили одни; умная голова! говорили другіе. Холщевникъ былъ очень доволенъ, что слова его признаны справедливыми. „Теперь умри Суперинтендентъ! — продолжалъ онъ, ударивъ кулакомъ по своей ладони — отвѣчаю головою, что госпожа Г* опять станетъ плясать по дудкѣ Доктора, ежели только не пріѣдетъ кто другой на мѣсто Суперинтендента!"

Вышло почти тоже. Владѣтельный Князь призвалъ Суперинтендента ко двору, и пожаловалъ его духовникомъ своимъ. Скоро потомъ пришелъ въ городокъ батальйонъ солдатъ подъ начальствомъ Майора, человѣка ловкаго и собою виднаго. Недѣли черезъ двѣ Майоръ и госпожа Г* сдѣлались короткими пріятелями. Всѣ жители съ удоволь-

ствіемъ смотрѣли на Майоршу, (удивлялись ея прекрасному виду и стройной осанкѣ, когда она выѣзжала на лошади въ амазонскомъ платьѣ. Госпожа Г*, зная что и у нее видъ и осанка также не дурны, тотчасъ достала себѣ верховую лошадь, и явилась подлѣ Майорши въ щегольскомъ амазонскомъ платьѣ.

„Я говорю, что у нее нѣтъ вовсе никакого нрава!“ торжественно воскликнулъ Ректоръ, когда госпожа Г* ѣхала мимо училища. — „Несчастная! она лишилась благодати!“ сказалъ Пасторъ идучи отъ больнаго. — „Она теперь гуляетъ послѣ діэты; хорошо! нѣтъ никакой опасности!“ сказалъ Докторъ, которой стоя у дверей докуривалъ утреннюю свою трубку.

У каждаго изъ сихъ господъ сидѣла въ головѣ система, которая мѣшала имъ судить здраво; что должно было бы отвести отъ прежнихъ мыслей, то еще болѣе ввело ихъ въ заблужденіе. — Холщевникъ опять отгадалъ истину; повстрѣчавшись съ госпожею Г*, онъ покачалъ головою и сказалъ самъ себѣ: „О легкомысліе! чего ты не дѣлаешь!“

*

Смѣйтесь надъ моею повѣстію, сколько угодно! Она тѣмъ хороша, что вопервыхъ

справедлива, вовторыхъ можете примѣнить ее къ разнымъ случаямъ.

(*Изъ Свѣт. Фил.*)

II.

Извлеченіе изъ Путешествія г-на Олиевье.

(*Окончаніе.*)

Хотя въ царствованіе Софіевъ Персія не была населена по мѣрѣ своего пространства; хотя питала въ себѣ сѣмена раздоровъ; хотя вся была составлена изъ частей разнородныхъ и несовмѣстныхъ: однакожь она, по свидѣтельству путешественниковъ, все еще извнѣ казалась величественною, а внутри, отчасти наслаждалась благоденствіемъ. Сосѣди уважали ее; правители областей и начальники племенъ боялись ее и слушались. Предѣлы ея были обширны. Отъ Индуса до Тигра, отъ Каспійскаго моря до Персидскаго залива все повиновалось безпредѣльной власти монарха.

„Города Персидскіе не уступали Европейскимъ ни въ красивой наружности, ни въ многолюдствѣ жителей, ни въ пространствѣ. Земледѣліе, сей главной источникъ благоденствія народнаго, находилось

въ цвѣтущемъ состоянiи, и многоразличными плодами награждало селянина. Персы не щадили ни трудовъ, ни издержекъ, чтобъ усовершенствовать искуственныя пособiя, и напитать влагою равнины. Многiя ремесла, изъ самыхъ необходимыхъ въ общежитiи, доведены до послѣдняго совершенства; другiя, прежде совсемъ неизвѣстныя или едва извѣстныя въ Персiи, оказали быстрые успѣхи въ царствованiе попечительнаго Шаха Аббаса I и нѣкоторыхъ изъ его преемниковъ. Торговля, покровительствуемая Аббасомъ, получила знатное приращенiе. Сей монархъ ссужалъ деньгами и товарами Армянскiя семейства, которыя поселилъ въ предмѣстiяхъ Испаганскихъ. Правда, что Персы въ военномъ искуствѣ отъ насъ далеко отстали; за то они превзошли или по крайней мѣрѣ сравнились съ окрестными народами, которые безпокоили ихъ набѣгами. Мореходство было почти неуважено; люди бѣдные, непросвѣщенные занимались имъ; привычка служила для нихъ вмѣсто науки; не было никакихъ правилъ, накакихъ соображенiй: однакожь и такое мореходство подкрѣпляло торговлю, держало въ страхѣ Аравитянъ, и угрожало имъ опасностiю, еслибъ они дерзнули нарушить спокойство южныхъ провинцiй. Сiе государство могло надѣяться, что, посредствомъ связей съ Европою, въ нѣдрѣ его созрѣютъ нѣкогда промы-

шленность, всѣ полезныя искуства и самыя науки, — науки, которыя дѣлаютъ человѣка совершеннѣйшимъ по уму и по сердцу — которыя предохраняютъ его отъ множества злоключенїй, отъ изчадїй невѣжества, суевѣрїя, предразсудковъ, — которыя исправляютъ даже несовершенства правительствъ и по неволѣ утверждаютъ ихъ на прочномъ основанїи."

Въ такомъ состоянїи — по свидѣтельству г-на Оливье — была Персїя въ 1694 году, когда двадцати-четырехъ-лѣтнїй Шахъ Гуссейнъ началъ царствовать. Приятное лице, кроткой нравъ, а особливо отвращенїе отъ свирѣпыхъ поступковъ отца его Сулеймана, преклонили на его сторону сердца всѣхъ подданныхъ. Первые годы царствованїя были ознаменованы нѣкоторыми дѣянїями справедливости, человѣколюбїя и благочестїя; но, къ несчастїю, время очень скоро показало, чего ожидать было должно отъ такого государя, которой дни и ночи просиживалъ въ своемъ гаремѣ. Государствомъ управляли министры, ненавидѣвшїе другъ друга; пользуясь слабостїю Гуссейна, они старались утвердить собственное могущество и копить сокровища. Совѣтъ государственный, состоявшїй изъ первыхъ евнуховъ сераля, управлялъ всѣми дѣлами, или, лучше сказать,

препятствовалъ отправленію оныхъ. Начальникъ евнуховъ, человѣкъ гордый, честолюбивый и скудоумный, овладѣвъ довѣріемъ государя, по волѣ своей отдалялъ отъ участія въ правительствѣ всѣхъ тѣхъ людей, кои по дарованіямъ своимъ и заслугамъ казались ему подозрительными. Насильства, жестокіе поступки, грабежи производимы были чаще нежели при Сулейманѣ. Правосудіе сдѣлалось продажнымъ; мѣста и должности отдаваемы были за деньги; дворъ, при которомъ господствовали двѣ противныя стороны, старающіяся взаимно истребить одна другую, сдѣлался средоточіемъ сплетней, отъ которыхъ добрые погибали, народъ изнемогалъ, и которыми враги Персіи старались воспользоваться, чтобы свергнуть съ себя иго зависимости, и снова приняться за разбой.

Шахъ-Гуссейнъ, неспособенъ будучи къ благородной рѣшительности, и не могши предвидѣть пагубныхъ слѣдствій безпечности, не заботился о дѣлахъ, сидѣлъ въ своемъ гаремѣ, и думалъ только объ удовольствіяхъ. Нѣкоторые отважные люди, вѣрные слуги его, тщетно подавали благоразумные совѣты, тщетно старались открыть ему предстоящую опасность. Гуссейнъ не хотѣлъ слушать ихъ, пресыщался утѣхами, ни о чемъ не заботился, и на

представленія министровъ отвѣтствовалъ: „Это ваше дѣло; войско у васъ въ рукахъ; „распоряжайте!“

Между тѣмъ какъ государству грозила конечная опасность, Шахъ-Гуссейнъ становился часъ отъ часу безпечнѣе, и наконецъ вздумалъ расточать золото подданныхъ своихъ на сооруженіе великолѣпныхъ чертоговъ въ Ферабатѣ, въ двухъ миляхъ отъ Испаганя. Подати были недостаточны для издержекъ на сіе огромное зданіе; надлежало снова обременить народъ налогами, ограбить богачей, наложить подать на вельможъ, употреблять разныя домогательства, обижать, мучить.

Дѣла не могутъ долго быть въ такомъ состояніи. Черезъ нѣсколько лѣтъ мятежи оказались во всѣхъ провинціяхъ; прежде поднято знамя возмущенія въ Кандагарѣ, обитаемомъ Авганами. Магмудъ, одинъ изъ начальниковъ ихъ, давно уже негодующій на правленіе Софіевъ, видя благопріятной случай, собираетъ 25,000 опытныхъ воиновъ, ведетъ ихъ черезъ пустыни сухія и знойныя, оставляетъ за собою города, которые сопротивляются ему, приходитъ въ Кулнабатъ, село лежащее въ трехъ миляхъ отъ Испаганя, Марта 8 дня 1722 года, побѣждаетъ многолюдное

Персидское войско, приближается къ Ферабашу, занимаетъ одно предмѣстїе Испаганя, и угрожаетъ столицѣ нападенїемъ.

Персы, хотя имѣя надъ собою робкихъ начальниковъ, были столь многочисленны, городъ былъ столь обширенъ, число жителей его, почти вообще воинственныхъ, было столь велико, что Магмудъ, испуганный дерзкимъ своимъ предпрїятїемъ, обѣщался Гуссейну отступить, ежели Шахъ дастъ въ супружество одну изъ дочерей своихъ, и дозволитъ ему быть самодержавнымъ государемъ въ Кандагарѣ. Шахъ-Гуссейнъ, надѣясь на скорую помощь намѣстниковъ, не принялъ Магмудовыхъ предложенїй.

Магмудъ зналъ, что зашелъ очень далеко, и что отступивъ назадъ былъ бы долженъ обороняться отъ преслѣдующихъ непрїятелей, а можетъ быть еще и потерять сраженїе; онъ зналъ также, что съ малымъ войскомъ не льзя овладѣть столицею Персїи, и рѣшился голодомъ принудить ее къ сдачѣ. Для сего приказываетъ опустошать поля, разорять селенїя, уводить жителей; укрѣпляетъ станъ свой окопомъ въ Ферабатѣ, и спокойно ожидаетъ, пока сами обстоятельства подадутъ ему благопрїятной случай дѣйствовать съ успѣхомъ.

Между тѣмъ Гуссейнъ, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, одного сына своего Тахмаса Мурзу посылаетъ въ провинціи собрать и привести войско, въ которомъ была крайняя нужда, и котораго давно ожидали нетерпѣливо. Молодой Князь, имѣя при себѣ триста или четыреста хорошо вооруженныхъ всадниковъ, выѣхавши изъ города, счастливо пробился сквозь рядъ осаждавшихъ непріятелей. Гуссейнъ не хотѣлъ начинать сраженія до тѣхъ поръ, пока возвратится сынъ его и приведетъ съ собою войско; но жители, томимые голодомъ, вопреки власти государя, собрались въ Іюлѣ мѣсяцѣ, и рѣшились идти противъ непріятеля. Они были совершенно разбиты; Магмудъ успѣлъ задобрить подарками и обѣщаніями одного намѣстника, которой велъ къ столицѣ 10,000 человѣкъ войска; измѣнникъ взялъ сторону непріятеля, и помогъ ему одержать побѣду. Несчастный Шахъ-Гуссейнъ, потерявши свою надежду на ожидаемую помощь, рѣшился принять первыя предложенія; но Магмудъ, возгордившійся успѣхомъ, отвѣчалъ, что уже не время, что онъ самъ есть государь Персіи, и что требуетъ отъ Гуссейна всего королевства и дочери въ супружество. Однакожъ послѣ сего отвѣта рѣшительнаго Магмудъ дозволилъ Гуссейну льстить себя малою надеждою, для того чтобы государь сей не

торопился начинать договора. Магмудъ понимал, что Испагань не перестанетъ быть опаснымъ до тѣхъ поръ, пока многолюдство жителей превышаетъ число войскъ его; и потому онъ желалъ, чтобы нужда и голодъ опустошили столицу.

„Голодъ — повѣствуетъ Г. Оливье — похитилъ уже три четверти жителей, а оставшихся превратилъ въ лотоядныхъ животныхъ, когда Гуссейнъ сложилъ съ себя вѣнецъ, котораго носить былъ не въ силахъ. Согласившись на всѣ требованія Магмудовы, 21 Октября 1722, онъ вышелъ изъ чертоговъ своихъ въ печальной одеждѣ, со слезами на глазахъ; ходилъ по большимъ улицамъ Испаганскимъ, оплакивая несчастное свое царствованіе, обвиняя себя въ слабости, приписывая всѣ ошибки министрамъ своимъ и совѣтникамъ, и увѣщевая жителей, чтобы терпѣливо несли новое иго. На другой день подписалъ бумагу, по содержанію коея онъ отрекся отъ престола, навсегда уступилъ государство Магмуду и его наслѣдникамъ, и отдалъ во власть побѣдителя себя, семейство свое, весь домъ, всѣхъ чиновниковъ двора своего.“

Магмудъ, возсѣвши на престолѣ Софіевъ, нѣсколько дней былъ весьма добрымъ государемъ; постарался снабдить жителей

Испаганскихъ большимъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ; привелъ дѣла въ порядокъ; возстановилъ правосудїе; заставилъ подданныхъ своихъ забыть, что онъ хищникъ чужаго престола. Скоро потомъ, движимый жестокою политикою и корыстолюбїемъ, Магмудъ лишилъ жизни многихъ вельможъ Персидскихъ, и присвоилъ себѣ ихъ сокровища, будто бы за то, что они измѣнили прежнему своему государю, и худо защищали Гуссейна. Когда войска его, спустя потомъ нѣсколько времени — въ Иракскомъ городѣ Касбинѣ, въ которомъ Тахмасъ-Мурза, сынъ Гуссейновъ, провозгласилъ себя государемъ — были разбиты, Магмудъ боясь, чтобъ не началось возмущенїе въ столицѣ, приказалъ умертвить министровъ, вельможъ и лучшихъ жителей, которыхъ пригласилъ къ себѣ на пиршество. Двѣсти молодыхъ дворянъ знатнѣйшаго рода взяты изъ училища, въ которомъ они воспитывались, и умерщвлены безчеловѣчно! триста человѣкъ изъ войска Гуссейнова, которыхъ Магмудъ принялъ въ свою службу, подверглись такой же участи, равно какъ всѣ тѣ, которые получая жалованье считались его солдатами. Потомъ онъ излилъ ярость свою на всѣхъ жителей; тѣмъ, кои спаслись отъ ужаснаго сего побоища (ибо наконецъ убїйцы утомились), велѣно выдти изъ города, и въ странахъ далекихъ оплакивать потерю

своихъ родныхъ, друзей, имущества. Средство, которое Магмудъ употребилъ для населенія города вмѣсто убитыхъ гражданъ, было не менѣе жестоко, какъ и самое убійство. Трудолюбивое и воздержное племя Дергвизиновъ, разсѣянное между Касбиномъ и Амаданомъ, лишено полей и жилищь своихъ; Магмудъ принудилъ сихъ людей переселиться въ Испагань; нѣкоторая часть ихъ записана въ войско. Онъ болѣе на нихъ полагался, нежели на Персовъ, потому что Дергвизины исповѣдовали одну съ нимъ вѣру.

Магмудъ, овладѣвъ столицею, не могъ покорить всѣхъ областей, и еще менѣе былъ въ силахъ противиться успѣхамъ Россіянъ и Турковъ, которыхъ Тахмасъ-Мурза по неосторожности призвалъ къ себѣ въ помощь. Кромѣ другихъ, западныя области явно возстали противъ Магмуда; часть войска его, противъ нихъ посланная, была побита на голову; самъ онъ, послѣ безполезныхъ покушеній, принужденъ былъ отступить со всѣмъ своимъ войскомъ. Магмудъ хотѣлъ было удовлетворить гнѣвъ свой покореніемъ города Езда, въ которомъ имѣлъ себѣ доброхотовъ между Гебрами; но и сіе намѣреніе осталось безъ успѣха. Тогда-то объятый яростію, которая скоро потомъ довела его до совершеннаго бѣшенства и ужаснѣйшаго недуга, Магмудъ своими руками умер-

твилъ дѣтей и родственниковъ Шаха-Гуссейна, коихъ было тридцать одинъ человѣкъ; самъ Шахъ-Гуссейнъ получилъ рану, когда хотѣлъ спасти отъ меча одного пятилѣтняго своего сына.

Когда Магмудъ впалъ въ опасную болѣзнь и не могъ управлять государствомъ, военные начальники, въ 22 день Апрѣля 1725, посадили на престолѣ одного родственника его Эшерефа, котораго недовѣрчивый хищникъ держалъ въ темницѣ. Магмудъ лишенъ жизни, и голова его принесена къ Эшерефу, которой на семъ только условіи согласился возложить на себя вѣнецъ Персидскій. Такимъ образомъ истребитель поколѣнія Софіевъ окончилъ жизнь свою, на 27 году отъ рожденія, по двухлѣтнемъ царствованіи.

Эшерефъ, свирѣпый по природѣ, вышедшій изъ темницы своей, тотчасъ велѣлъ умертвить всѣхъ тѣлохранителей Магмуда, всѣхъ министровъ его, наперсниковъ, даже самыхъ начальниковъ военныхъ, которые помогли ему сѣсть на престолѣ, чтобы они и другому не оказали равной услуги. Единственной сынъ Магмуда и мать его также лишены жизни. Эшерефъ приказалъ выколоть глаза собственному своему брату, которой ужасалъ его своею дѣятельностію

и дарованіями; онъ велѣлъ умертвить всѣхъ Авгановъ и всѣхъ Персовъ, которые казались ему опасными; словомъ сказать, истребилъ всѣхъ тѣхъ людей, коихъ боялся, или коихъ сокровища хотѣлъ себѣ присвоить, оправдывая тиранскіе поступки то мнимыми умыслами противъ своей особы, то тайными сношеніями съ сыномъ Шаха-Гуссейна.

Между тѣмъ Эшерефъ велъ переговоры съ Турками; онъ обѣщался уступить навсегда покоренныя ими области, ежели они помогутъ ему выгнать Авгановъ изъ столицы и изъ государства. Турки, желая удержать за собою провинціи, рѣшились послать сильную помощь противъ Авгановъ. Тогда Эшерефъ, отрубивъ голову Гуссейну, котораго держалъ въ заключеніи, пошелъ противъ непріятелей, и поразилъ ихъ при Шеркердѣ. Послѣ сей побѣды онъ заключилъ миръ съ Турками, уступивъ всѣ области, ими покоренныя.

У Шаха-Тахмаса осталась одна только провинція, Мазандеранъ. Будучи безъ войска, безъ денегъ, безъ довѣрія, безъ усердныхъ друзей, которые могли бы дать ему полезные совѣты, онъ совершенно лишился надежды выгнать Авгановъ, покорить мятежныя области и возсѣсть на родительскомъ

престолѣ. Однакожь это сдѣлалось противъ чаянія. Не онъ произвелъ столь чудесную перемѣну, но другой подъ его именемъ, то есть Надиръ-Кулы-Бегъ, извѣстный въ Европѣ названіемъ Тахмаса-Кулы-Хана.

Надиръ-Кулы-Бегъ родился въ 1688 году въ Абивердѣ. Онъ былъ одинъ изъ числа знатныхъ владѣльцовъ племени Кирклу, отъ поколѣнія Туркомановъ. Еще въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ онъ полюбилъ военное искуство; сражался съ своими сосѣдами за принадлежность какого-нибудь замка, за начальство надъ какимъ набудь округомъ, за доходы съ какихъ-нибудь городовъ. Одерживая побѣды, проигрывая сраженія, онъ всегда господствовалъ надъ счастьемъ, всегда готовъ былъ выдумывать новыя средства, всегда готовъ былъ снова сражаться. Воинственныя племена сѣверной и сѣверо-западной части Корассана столько полюбили его отважность и благоразуміе, что охотно согласились служить подъ его знаменами. Такимъ образомъ въ самое короткое время онъ собралъ многолюдное войско, готовое повсюду за нимъ слѣдовать и подвергаться всѣмъ опасностямъ.

Въ сіе время онъ предложилъ услуги свои Тахмасу. Въ первой походъ приобрѣлъ себѣ преимущество передъ Эшерефомъ, и никогда не терялъ его. Слава имени его наполняла свѣжими людьми войско Тахмаса, ко-

торой пожаловалъ его верховнымъ начальникомъ. Тогда онъ сталъ называться Тахмасъ-Кулы (рабомъ Тахмаса), а потомъ уже принялъ имя Тахмаса-Кулы-Хана, какъ вообще называютъ его въ Европѣ. Въ три похода онъ покорилъ для Тахмаса всѣ земли, которыми въ Персіи владѣли Авганы. Онъ прогналъ ихъ въ разоренныя области, въ которыхъ не могли они достать ни рекрутъ, ни съѣстныхъ припасовъ. Эшерефъ предложилъ ему всѣ сокровища, полученныя по смерти Магмуда; но Тахмасъ-Кулы-Ханъ не хотѣлъ слышать о примиреніи. Несчастный Эшерефъ съ малымъ числомъ людей бѣжалъ въ Кандагаръ, и былъ убитъ отъ своихъ подчиненныхъ.

Такимъ образомъ Персія опять досталась Софіямъ, бывъ шесть лѣтъ подъ правленіемъ Авгановъ. Кулы-Ханъ пошелъ потомъ противъ Турковъ, и отнялъ пограничныя земли, которыми они завладѣли во время смятеній. Онъ не хотѣлъ имъ ничего уступать, равно какъ и Авганамъ; но Тахмасъ, между тѣмъ какъ Надиръ находился при осадѣ Герата, безъ его вѣдома заключилъ миръ съ Турками, и отдалъ имъ Керманшагъ съ девятью округами.

Надиръ крайне разсердился, услышавъ о семъ мирѣ; началъ ругать министровъ

Шаха - Тахмаса, и въ жару негодованія называлъ его самаго слабымъ государемъ; жаловался, для чего отдана часть Персидской области, которую можно было удержать за собою; напомнилъ войску, что въ договорѣ ничего не сказано о плѣнныхъ Персахъ; наконецъ не скрылъ своего намѣренія нарушить договоръ и идти противъ Турковъ.

Казалось, что Надиръ былъ самодержавный государь Персіи, а Шахъ - Тахмасъ только простой чиновникъ, вышедшій за предѣлы даннаго полномочія. Надиръ ни у кого не спросясь послалъ объявить Пашамъ Багдадскому и Эриванскому, чтобы непремѣнно вывели Турецкія войска изъ крѣпостей Персидскихъ, или въ противномъ случаѣ готовились бы къ оборонѣ. Онъ въ то же время разослалъ по всѣмъ провинціямъ отъ себя манифестъ, въ которомъ напоминалъ о побѣдахъ, подъ его начальствомъ одержанныхъ Персами надъ Абдалисами, Авганами и Турками. Онъ жаловался, что хотятъ остановить его побѣды, и что раздѣляютъ на части государство по слѣдствію одного сраженія, которое очень легко можно поправить; объявилъ, что небо всегда споспѣшествуетъ его намѣреніямъ, что онъ никакъ не согласится признать дѣйствительнымъ договоръ столь постыдный и вредный для государства, и что, побуждаемъ буду чи сими

причинами, идетъ съ побѣдоноснымъ войскомъ своимъ выгнать изъ Персіи гордаго непріятеля.

Слова, въ которыхъ оказывалась любовь къ отечеству, понравились войску. Надиръ съ семьюдесятью тысячами вѣрныхъ солдатъ отправился къ Испаганю. Пришедши къ столицѣ (въ Августѣ 1732), является предъ лице Шаха, и увѣряетъ, что министры обманули его, точно какъ отецъ его Шахъ-Гуссейнъ обманутъ былъ своими совѣтниками. Тахмасъ не противорѣчитъ; но Надиръ видя, что Шахъ не горячо принимается наказывать виновныхъ, боится чтобы самому не сдѣлаться жертвою, и для того рѣшается употребить средства осторожности вмѣстѣ съ своими военачальниками. Онъ приглашаетъ Шаха на смотръ, оттуда на пиршество; отдаетъ его подъ стражу, низвергаетъ съ престола, и отсылаетъ въ Мещедъ подъ крѣпкимъ присмотромъ; возводитъ на престолъ осмимѣсячнаго сына Тахмасова, и объявляетъ себя правителемъ государства. Все сіе сдѣлано безъ малѣйшаго сопротивленія; никто не роптал ни въ войскѣ, ни въ городѣ.

Послѣ сего достопамятнаго произшествія Надиръ пошелъ противъ Турковъ, разбилъ ихъ, осадилъ Багдадъ и получилъ обратно

всѣ провинцїи, которыя они себѣ присвоили. Тогда-то все собранїе вельможъ государства, начальниковъ племенъ и правителей областей единодушно провозгласило Надира Шахомъ. Надиръ согласился быть государемъ на слѣдующихъ трехъ условїяхъ: 1. чтобы всѣ присягнули ему и потомству его въ вѣрности и повиновенїи; 2. чтобы никто не бралъ стороны прежняго дома Шаховъ; 3. чтобы не помѣшали ему сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ вѣрѣ, имъ предполагаемыя.

Послѣдняя статья надѣлала довольно хлопотъ; Моллаги въ продолженїе многихъ засѣданїй упорно стояли въ томъ, что принять ее никакъ не могутъ. Надиръ, не ожидавшїй такого сопротивленїя, и не могши склонить ихъ ни подарками, ни обѣщанїями на свою сторону, призналъ нужнымъ употребить власть свою. Онъ приказалъ палачамъ въ самомъ собранїи задушить первосвященника, когда сей говорилъ сильно, съ должнымъ уваженїемъ, и когда по званїю своему смѣло и ревностно защищалъ вѣру. Поступокъ сей и послѣдовавшее за нимъ отнятїе имѣнїй у духовенства сдѣлали столь сильное впечатлѣнїе въ членахъ собранїяхъ, что всѣ безмолвно покорились волѣ Надира.

Овладѣвши престоломъ Софїевъ, Надиръ отправился воевать противъ Могола. Расхи-

щенїе города Дели, въ которомъ убито болѣе 200,000 человѣкъ безъ разбору пола и возраста, останется навсегда ненавистнымъ памятникомъ сего похода, не смотря на военную славу Надирову. Онъ вывезъ изъ сей несчастной разоренной страны несметныя сокровища, которыхъ однакожь малая часть у него осталась, и которыя на возвратномъ пути отняли у него Маратты и покрали его собственные воины. Изъ Индостана онъ отправился для покоренїя Татаръ Узбекскихъ. Счастїе не поблагопрїятствовало ему въ войнѣ противъ Татаръ Дагистанскихъ, которыхъ области нашелъ онъ неприступными. Надиръ много разъ поражалъ Турковъ; однакожь не могъ овладѣть Багдадомъ. Онъ царствовалъ деспотически въ Персїи съ помощїю войска, которое всегда при себѣ держалъ. Онъ предположилъ себѣ за правило поселить ужасъ во всѣхъ подданныхъ мучительными казнями. Черезъ нѣсколько лѣтъ тиранство его — а особливо когда онъ, захотѣвши ввести Магометанскую вѣру вмѣсто Персидской, повѣсилъ главныхъ жрецовъ, которые противились его намѣренїю — сдѣлалось такъ ненавистнымъ, что его почли съумасшедшимъ, и умыслили на жизнь его. Онъ убитъ 1747 года съ 19 на 20 число Іюня.

По смерти его, войско раздѣлилось, и насталъ страшной безпорядокъ. Военачаль-

ники, желая достигнуть престола и завладѣть награбленными добычами, нападали одинъ на другаго. Не мѣсто здѣсь подробно описывать всѣ перемѣны и смятенія, терзавшія несчастную Персію до правленія Херима-Хана. Во все время сіе междоусобная война свирѣпствовала въ государствѣ; крамолы гнѣздились въ разныхъ областяхъ, и каждая старалась присвоить себѣ могущество и независимость; земля обагрялась кровію, совершались ужасныя злодѣйства. Все государство, начиная отъ Гомрома до предѣловъ Россійскихъ, представляетъ признаки бѣдствій послѣдовавшихъ за мятежами, о которыхъ пространно повѣствуетъ г. Оливье. Мы упомянемъ только имена главныхъ искателей, дѣйствовавшихъ съ оружіемъ въ рукахъ, прежде возстановленія спокойствія: Адель-Шахъ, Ибрагимъ братъ его, Шарокъ, Ахметъ-Шахъ, Юссифъ-Али, Мыръ-Алимъ, Джаферъ, Алы-Мерданъ, Магометъ-Ассанъ. Всѣ они погибли отъ рукъ или соперниковъ, или собственныхъ своихъ солдатъ, которые оставляли однихъ начальниковъ, и переходили къ другимъ.

Херимъ-Ханъ, явившійся послѣ всѣхъ соискателей, счастливо успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Онъ былъ одинъ изъ числа любимѣйшихъ начальниковъ Надира, и въ послѣднее время царствованія его на-

ходился со знатною частїю войска въ южныхъ провинцїяхъ. Ширасъ и другїе города пристали къ нему; послѣ многихъ сраженїй онъ одержалъ верхъ надъ всѣми соперниками, и сдѣлался обладателемъ Персїи. Его царствованїе продолжалось тридцать лѣтъ; въ послѣднїе уже годы онъ принялъ имя правителя, однакожь никогда не хотѣлъ называться Шахомъ. Херимъ перенесъ столицу свою въ Ширасъ, въ воздаянїе жителямъ за ихъ усердїе. Онъ умеръ въ 1779 году, будучи 80 лѣтъ отъ роду; всѣ подданные почитали его, и оплакивали свою потерю. Сей государь соорудилъ великолѣпныя зданїя общественныя, и такъ строго смотрѣлъ за благочинїемъ, что во все время его царствованїя ни одинъ разъ не было въ Ширасѣ кровопролитной драки. Многими превосходными качествами души своей онъ заслужилъ любовь народную и уваженїе правительствъ чужестранныхъ. Херимъ ненавидѣлъ жестокїя казни, былъ привѣтливъ и щедръ къ бѣднымъ, терпѣлъ разныя вѣроисповѣданїя, ободрялъ торговлю, науки и художества.

По смерти Херима-Хана настали новыя смятенїя. Зеки-Ханъ, братъ его, хотѣлъ присвоить себѣ вожди правленїя, въ обиду сына Херимова; но былъ разбитъ и лишенъ жизни зятемъ своимъ Али-Мурадъ-Ха-

номъ. Сей послѣднїй, будто бы желая возвратить свободу законному наслѣднику, овладѣлъ Ширасомъ послѣ девятимѣсячной осады; потомъ убилъ Херимова сына, и провозгласилъ себя государемъ Испаганя и нѣкоторыхъ другихъ областей.

Безпокойно было Мурадово правленїе, и Персїя снова была терзаема всѣми ужасами войны междоусобной. Али-Мегеметъ-Ханъ, котораго предки управляли Манзандераномъ, сдѣланъ былъ евнухомъ въ младенческихъ лѣтахъ по повелѣнїю Шаха Измаила, которой поступкомъ симъ захотѣлъ отмстить отцу Мегеметову, жестокому своему непрїятелю. Достигши 70 лѣтъ и будучи подкрѣпляемъ четырью своими братьями, Мегеметъ-Ханъ не согласился Али-Мурадъ-Хана признать государемъ. Али-Мурадъ послалъ противъ него съ 30,000 человѣкъ сына своего Шеикъ-Вейсса, которой одержалъ многїя побѣды надъ Мегеметомъ. Али-Мурадъ, не сомнѣваясь, что присутствїемъ своимъ успѣетъ сдѣлать еще болѣе, въ Іюлѣ 1784 года выступилъ изъ столицы съ шестидесяти-тысячнымъ войскомъ. Но Мегеметъ, собравши новыя силы, до пришествїя Мурада, совершенно разбилъ Шеикъ-Вейсса, и прогналъ его. Въ сїе время Джаферъ-Ханъ, одинъ изъ Мурадовыхъ братьевъ, поднялъ знамя возмущенїя.

Али-Мурадъ, оставивъ часть войска противъ Мегемета, съ другою поспѣшно отправился назадъ защищать столицу отъ нашествія мятежниковъ, и дорогою умеръ 1785 года. Солдаты его, расторгши узы повиновенія, разграбили казну, предались неистовству; и пошли къ Испагану, куда начальникъ города не пустилъ ихъ, вздумавши объявить себя государемъ. Сопротивленіе начальника увеличило безпорядокъ; войско разсыпалось по деревнямъ и опустошило оныя. Нѣкоторые чиновники пристали къ Джаферъ-Хану, которому черезъ нѣсколько времени потомъ удалось пройти въ Испаганъ и тамъ укрѣпиться.

Мегеметъ Ханъ, увеличивъ силы свои, шелъ къ Испагану и побивалъ на голову всѣхъ, кто ни противился ему на пути. Онъ былъ уже въ разстояніи двухъ дней отъ столицы, какъ Джаферъ-Ханъ, устрашенный неудачами своихъ сообщниковъ, съ малымъ войскомъ бѣжалъ въ Ширасъ, унесши съ собою братнія сокровища.

Мегеметъ, болѣе не встрѣчая препятства, вошелъ въ Испаганъ 6 Мая 1785 года. Все войско его расположилось въ городѣ, отданномъ на расхищеніе. Никогда, ниже во время грабительства Авгановъ, Испаганъ не видѣлъ подобныхъ ужасовъ; вой-

ско, въ которомъ было множество Татаръ, дѣлало всякія безчинства и въ бѣшенствѣ ничего не щадило.

Мегеметъ долго велъ войну съ Джаферомъ, и многократно былъ побѣждаемъ. По смерти Джафера, убитаго заговорщиками въ Январѣ 1789 года, сынъ его Лутфъ-Али принялъ начальство надъ войскомъ, и въ 1794 году преданъ измѣною Мегемету, которой лишилъ его жизни. Съ того времени престарѣлый сей Евнухъ спокойно царствовалъ въ Персіи, покоривъ себѣ всѣ области одну за другою. Въ послѣдовавшій годъ онъ пошелъ противъ Русскихъ, для отнятія Ширванской провинціи, — пишетъ г. Оливье — и городовъ, которыми завладѣли они по смерти Надира. Одинъ чиновникъ, по имени Питшъ-Геретъ, убилъ его въ станѣ 14 Мая 1797 года, отмщая смерть брата своего, которому за годъ передъ тѣмъ Мегеметъ велѣлъ отрубить голову.

По смерти Мегемета, войско раздѣлилось; одна часть возвратилась въ Испаганъ, или оставила службу, другая стала подъ знаменами Баба-Хана. Этотъ Баба-Ханъ есть сынъ старшаго брата прежняго Шаха. Онъ тотчасъ объявилъ себя Шахомъ Персидскимъ, и принялъ названіе Феталъ-Али-

Хана. „Кажется, что онъ — пишетъ г. „Оливье — до сихъ поръ царствовалъ пра„восудно въ Персіи, и какъ внутри, такъ „и внѣ дѣйствовалъ со всею неутомимостію, „какой требуютъ его обстоятельства.“

Здѣсь помѣщено самое краткое извлеченіе изъ Путешествія г-на Оливье. Желающіе знать подробности произшествій минувшаго столѣтія найдутъ ихъ въ подлинникѣ. Издатель Вѣстника выписалъ статью сію тѣмъ охотнѣе, что новѣйшая Исторія Персіи намъ почти вовсе неизвѣстна; а здѣсь по крайней мѣрѣ можно получить нѣкоторое свѣдѣніе о главныхъ событіяхъ прошлаго вѣка.

III.

Голубка и сорока.

Голубка дворъ объ дворъ съ сорокою жила,
Сокровищемъ, а не сосѣдкой.
Въ гнѣздѣ одной любовь цвѣла;
У той напротивъ день безъ шума рѣдкой,
Битье яицъ, ворчанье, споръ!
Лишь только пьяной мужъ сороку поколотитъ,
Она тотчасъ летѣть къ сосѣдушкѣ на дворъ,
Щебечетъ, крехчетъ, вопитъ:
Охъ! горьку, мать моя, пришлось мнѣ чашу пить!

Ужь видно такъ и вѣкъ прожить!
Далъ Богъ мнѣ муженька! мучитель окаянной!
Житья нѣтъ! бьетъ меня безпошлинно, безданно!
Ревнивецъ! а какъ самъ таскаться за совой! —
Голубка слушала, качая головой.
И ты, примолвила, сосѣдка не святая! —
То такъ не безъ грѣха! случается и мнѣ
И лишнее сказать, и спорить, и въ винѣ
Признаться не хотѣть, неправду утверждая;
Но это все пустякъ! — „И, нѣтъ! какой пустякъ?
Напротивъ, мой совѣтъ: когда не любишь дракъ,
Исправь себя!" — А въ чемъ прикажете исправить?
Исправь! совѣтница! смѣшна съ своимъ умомъ!
Взялась другихъ учить, собой не смысля править!
Сиди-ка надъ гнѣздомъ!

В. Ж — ій.

IV.

Объ освобожденіи Москвы отъ Поляковъ.

Трагедія *Пожарской* даетъ случай вспомнить объ ужасныхъ бѣдствіяхъ, терзавшихъ Россію въ смутное время междуцарствія. Коварства и жестокости враговъ, измѣнническіе поступки своихъ, поруганіе святыни, кровь рѣками проливаемая, представляютъ мрачную картину, отъ которой надлежало бы отвратить взоры, еслибъ не сіяли на ней великіе подвиги, незабвенные примѣры Патріарха Ермогена, Митрополита Филарета, Архимандрита Діонисія, Келаря Авраамія, Боярина Князя Дмитрія Михаиловича Пожарскаго, Думнаго Дворянина Минина, и другихъ мужей, живущихъ въ памяти благодарнаго потомства.

Несчастный Царь Василій Іоанновичь Шуйскій (1610) низведенъ съ престола. Вельможи государства, несогласные во мнѣніяхъ и склонностяхъ, одни держались Польши; другіе преданы были обманщику второму Лже-Димитрію, находившемуся близь Москвы въ Тушинскомъ своемъ станѣ; наконецъ третьи, вѣрные сыны отечества, желали чтобы на царство избранъ былъ мужъ отъ рода Россійскаго. Между тѣмъ

надлежало предотвратить безначалїе; Бояре, члены царскаго Совѣта, взяли бразды правленїя.

Польскїй Гетманъ Желковскїй, узнавъ о наставшей перемѣнѣ, двигнулся изъ Можайска, и расположилъ войско свое подъ Москвою на лугахъ Хорошевскихъ, будто бы съ тѣмъ единственно намѣренїемъ, чтобы предупредить могущее произойти волненїе въ народѣ. Пока въ Москвѣ царствовалъ Василїй Іоанновичь; до тѣхъ поръ Поляки подкрѣпляли самозванца, выдавая его за истиннаго Димитрїя, будто бы спасшагося отъ смерти: но когда престолъ царскїй сдѣлался празднымъ; въ то время родились въ нихъ другїя мысли и намѣренїя. День ото дня увеличивалось въ Москвѣ число людей преданныхъ Желковскому, которой имѣлъ съ ними сношенїя, задобривалъ ихъ обѣщанїями, и наконецъ объявилъ имъ, что для прекращенїя всѣхъ несчастїй не осталось другаго способа, какъ просить Короля Сигизмунда, стоявшаго тогда подъ Смоленскомъ, чтобы сыну своему Владиславу дозволилъ быть Царемъ Всероссїйскимъ.

Бояре вступили въ переговоры съ Желковскимъ. Кромѣ прочихъ условїй, положено было признать Владислава Царемъ, съ тѣмъ чтобъ онъ принялъ Греческую вѣру, чтобы не отмѣнялъ прежняго устройства

государственнаго, чтобы мѣстъ и должностей не ввѣрялъ Полякамъ и Литовцамъ, чтобы содержалъ всѣхъ Россіянъ въ милости и не перемѣнялъ прежнихъ обычаевъ, чтобы до прибытія Королевича войско Желковскаго оставалось внѣ Москвы, чтобы Гетмана Сапѣгу отозвалъ отъ Лже-Димитрія. Статьи договора подписаны съ обѣихъ сторонъ и размѣнены; духовенство и граждане поклялись въ вѣрности Владиславу, а Гетманъ цѣловалъ крестъ, что всѣ статьи будутъ исполнены въ точности.

По общему согласію Патріарха Ермогена и Бояръ, отправлено къ Сигизмунду подъ Смоленскъ великое посольство для окончанія дѣла о возведеніи Владислава на Престолъ Всероссійскій. Митрополитъ Филаретъ и Бояринъ Князь Василій Васильевичь Голицынъ, со многими духовными и свѣтскими особами, получивъ наставленіе отъ Патріарха и Совѣта, отправились въ путь 9 Сентября 1610 года. Король сперва принялъ ихъ ласково. Начались переговоры между послами и Польскими министрами. Сигизмундъ требовалъ, чтобы послы велѣли Шеину, храброму и вѣрному начальнику въ Смоленскѣ, сдать городъ. „Когда сынъ „вашъ — отвѣчалъ Филаретъ — сядетъ „на престолѣ; тогда не только Смоленскъ, „но и вся Россія будетъ въ его власти.

„Вамъ неприлично раздѣлять на части „его государство.“ Отвѣтъ сей не полюбился Сигизмунду, которой скоро потомъ обнаружилъ намѣренїе свое не только не посылать въ Москву Владислава, но покорить себѣ всю Россїю, или по крайней мѣрѣ присоединить лучшїя области къ Польшѣ. Знаменитые послы, по седми-мѣсячныхъ безполезныхъ сношенїяхъ и переговорахъ, задержаны подъ стражею.

Поляки стояли смирно подъ Москвою, и не давали никакой причины на себя жаловаться. Но скромность ихъ была притворная. Злые граждане, подкупленные Поляками, искали случая впустить ихъ въ городъ. Они разглашали, будто народъ хочетъ отдаться обманщику, и доказывали, что надобно просить помощи у Желковскаго, которому, говорили они, долгъ велитъ беречь Россїю, принадлежащую Королевичу Владиславу.

Многїе ослѣпленные граждане добровольно подклоняли выю подъ чуждое иго. Бояринъ Михайло Салтыковъ-Кривой былъ главнымъ начальникомъ стороны Полякамъ преданной. Сей человѣкъ, дерзкой и коварной, умѣлъ къ стати употреблять ласки и угрозы, сплетни и насильство. Онъ довелъ до того, что сами же Бояре Москов-

скіе, не смотря на слезы и прещеніе Патріарха Ермогена, поѣхали въ станъ къ Гетману съ прозьбою, чтобы онъ вошелъ въ Москву съ войскомъ. Желковскій въ Октябрѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ въ Кремль, остановился на старомъ дворѣ Царя Бориса Годунова, у всѣхъ воротъ поставилъ свои караулы, взялъ къ себѣ ключи Кремлевскіе, уничтожилъ прежнее правленіе, и овладѣлъ всѣми сокровищами царскими.

Въ Москвѣ оставалась часть Россійскаго войска, которое страшило Желковского. Салтыковъ постарался избавить его отъ сего безпокойства. Онъ выслалъ все войско изъ Москвы противъ Шведовъ, которые, по его словамъ, взяли Великіе Луки и шли уже къ Новугороду. Тогда Желковскій совершенно открылъ гнусные свои умыслы; заграбивъ царскія сокровища, одну половину употребилъ онъ для удовлетворенія жадности своей и своихъ сообщниковъ, другую отдалъ присланному отъ Короля казначею, измѣннику Андронову, которой, по свидѣтельству Лѣтописцовъ, сдѣлалъ болѣе зла Московскимъ жителямъ, нежели Поляки.

Жестокой и вѣроломной сей Гетманъ, укрѣпивши Кремль и Китай, и оставивши по себѣ начальство надъ войскомъ и надъ Москвою Старостѣ Гасевскому, отправился подъ

Смоленскъ въ станъ Сигизмундовъ, куда привезъ съ собою несчастнаго Царя Василія Іоанновича и двухъ его братьевъ. Они умореныі въ Варшавѣ, спустя потомъ три года.

Лже-Димитрій, находившійся въ селѣ Коломенскомъ подъ Москвою, видя что Поляки овладѣли столицею, и что уже никакой надежды не остается, отправился въ Калугу. При немъ были Козаки, Татаре и Русскіе. Поляки не заботились преслѣдовать самозванца, для того чтобъ не дать усилиться сторонѣ вѣрныхъ сыновъ отечества; но злодѣй погибъ отъ руки Князя Урусова. Марина, жена перваго Лже-Димитрія, съ отцемъ своимъ, воеводою Сендомирскимъ, по договору еще при Царѣ Василіѣ Іоанновичѣ Шуйскомъ, отпущена была изъ Москвы; она приѣхала въ село Тушино къ обманщику, признала его ея мужемъ, и съ тѣхъ поръ при немъ находилась. Скоро по смерти мнимаго мужа своего она родила сына. Сообщники Лже-Димитрія еще до рожденія младенца присягнули служить ему вѣрно. *Заруцкой* начальникъ Донскихъ козаковъ при семъ случаѣ показалъ особливое усердіе, болѣе думая о своихъ честолюбивыхъ затѣяхъ, нежели о выгодахъ Марины.

Смерть обманщика не прекратила несчастій въ Россіи. Враги опаснѣйшіе гнѣздились въ самой столицѣ и на предѣлахъ государства. Многіе первостепенные люди,

вмѣсто того чтобы содѣйствовать усердію вѣрныхъ сыновъ отечества, спѣшили въ станъ Сигизмунда съ подарками и поздравленіями, добивались чиновъ, просили деревень — и Сигизмундъ съ царскою щедростію удовлетворялъ ихъ прозьбы. Онъ раздавалъ имъ то, чего и самъ еще не имѣлъ въ своей власти! Между тѣмъ жители Московскіе страдали: имущество, жены, дочери принадлежали уже врагамъ, а не гражданамъ. Поляки и сообщники ихъ требовали, чтобы Патріархъ написалъ къ Сигизмунду, что *во всемъ* полагается на его волю. Добродѣтельный Пастырь негодуя отвергъ требованіе, не смотря на угрозы Салтыкова, которой дерзнулъ поднять ножъ на Патріарха. Утѣснители отечества ненавидѣли Ермогена. Онъ проникалъ всѣ ихъ намѣренія, поселялъ бодрость въ народѣ, укрѣплялъ его въ вѣрѣ и въ посылаемыхъ грамотахъ открывалъ вражескіе умыслы.

Злодѣи согласились убить Патріарха въ недѣлю ваій, когда онъ пойдетъ съ вербою; положено не щадить и народа: но умыселъ открытъ; Патріархъ не выходилъ съ вербою, и жители сидѣли запершись въ домахъ своихъ. Раздраженные Поляки отложили мщеніе свое до вторника страстной седмицы. Въ сей-то несчастной день (19 Марта 1611) Москва была ужаснѣйшимъ позо-

рищемъ. Всѣ улицы, всѣ площади обагрились кровїю. Поляки и сообщники ихъ, пылая бѣшенствомъ, повсюду искали жертвъ своихъ. Духовенство прежде всѣхъ подпало мечу изверговъ. Ни красота юношества, ни безсилїе старости, ни слабость младенчества, ни что не спасало невинныхъ. Костры мертвыхъ и умирающихъ лежали по улицамъ; церкви и монастыри поруганы и расхищены; погибли многїе Бояре, въ числѣ коихъ и Князь Голицынъ, братъ Посланника. Безсмертный Князь Пожарскїй сражался съ Поляками на Стрѣтенской улицѣ, и прогнавши ихъ къ городу сдѣлалъ острогъ у церкви Введенїя, чтобы сколько-нибудь защититься отъ лютыхъ разбойниковъ. Бутурлинъ и Колтовской храбро сопротивлялись, одинъ у Яузскихъ воротъ, другой за Москвою рѣкою. Злодѣи, тѣмъ еще болѣе распалившїеся, начали жечь зданїя; Салтыковъ, чтобы дать примѣръ другимъ, зажегъ собственной дворъ свой. Все разстоянїе отъ Тверскихъ воротъ до Калужскихъ обращено въ пепелъ. Князь Пожарскїй долго держался въ острожкѣ своемъ, и не пускалъ Поляковъ за Каменной городъ; но сражавшись болѣе сутокъ, наконецъ получилъ многїя раны, въ безпамятствѣ вынесенъ за городъ, и отвезенъ въ Свято-Троицкую Сергїевскую обитель. Судьбы Вышняго сохранили жизнь Пожарскаго для спасенїя отечества.

Король Сигизмундъ наградилъ подаркомъ вѣстника, донесшаго о семъ ненавистномъ побоищѣ. Поляки старались оправдать передъ свѣтомъ неслыханное свое безчеловѣчіе; они говорили, что принуждены были къ тому самыми Россіянами, которые въ разныхъ мѣстахъ сбирались для освобожденія столицы.

Войско дѣйствительно въ разныхъ мѣстахъ собиралось. Изъ Москвы Патріархъ Ермогенъ, а изъ Троицкаго Сергіева монастыря Архимандритъ Діонисій и Келарь Авраамій Палицынъ разослали по городамъ свои грамоты, коими увѣщевали и молили всѣхъ объ избавленіи вѣры и отечества. Думной Дворянинъ Прокофій Ляпуновъ, одинъ изъ главныхъ виновниковъ низверженія Царя Василія Іоанновича, или движимъ будучи силою честолюбія, или желая загладить вину свою, или болѣзнуя о несчастіи Москвы и Россіи, прежде всѣхъ началъ собирать войско въ Рязани. Къ нему присоединились Калужане, Владимірцы, Суздальцы, Ярославцы и многіе другіе. Въ концѣ весны предводители были уже подъ Москвою и расположились: Ляпуновъ съ Рязанцами у Яузскихъ воротъ; Князь Дмитрій Трубецкой съ Калужанами противъ Воронцовскаго поля; Князь Федоръ Волконской съ Костромичами, Иванъ Волынской съ Ярославцами, Князь

Федоръ Козловской у Покровскихъ и Стрѣтенскихъ воротъ, Арщемій Измайловъ и Князь Василій Мосальской со Владимірцами у Тверскихъ воротъ. Кромѣ другихъ пришелъ подъ Москву и Заруцкой съ козаками. Архимандритъ Діонисій и Келарь Авраамій прислали отъ себя 200 стрѣльцовъ и 50 слугъ монастырскихъ. Сіи войска немедленно по прибытіи оказали на дѣлѣ мужество свое и усердіе. Они храбро встрѣтили Поляковъ за Яузскимъ мостомъ, прогнали ихъ съ урономъ въ Кремль, овладѣли Яузскими, потомъ Покровскими, Флоровскими, Стрѣтенскими, Петровскими и Тверскими воротами, побивъ множество Поляковъ и Нѣмцовъ. Келарь Авраамій кропилъ ратниковъ освященною водою, увѣщевая ихъ мужественно подвизаться за отечество.

Несогласіе между воеводами и неповиновеніе остановило успѣхи; надлежало избрать главныхъ начальниковъ. Жребій палъ на Ляпунова, Князя Трубецкаго и Заруцкаго. Козацкой начальникъ ненавидѣлъ Поляковъ, которые, какъ сказано выше, приняли намѣреніе, противное выгодамъ самозванца и Марины; слѣдственно услуги его не могли казаться подозрительными.

Гасевскій и Салтыковъ много разъ принуждали Ермогена писать къ собирающимъ

войско, чтобы оставили свое намѣренїе. Непоколебимая твердость сего Патрїарха и любовь къ отечеству страшили непрїятелей. По приказанїю Сигизмунда онъ лишенъ Святительскаго сана, и заключенъ въ Чудовѣ. На престолъ Патрїаршїй опять возведенъ бывшїй любимецъ Лже-Димитрїя, Игнатїй, Епископъ Кипрскїй, которой по освобожденїи Москвы бѣжалъ въ Польшу и тамъ умеръ.

Король Сигизмудъ, раздраженный непреклонностїю пословъ Россїйскихъ, которые не хотѣли отступить отъ даннаго имъ наставленїя, вопреки народному праву отослалъ ихъ въ Польшу подъ крѣпкою стражею. Въ Смоленскѣ свирѣпствовала цынготная болѣзнь отъ недостатка въ здоровой пищѣ; множество осажденныхъ погибло; не смотря на то Шеинъ защищался мужественно, и Король былъ бы принужденъ снять осаду, еслибъ измѣнникъ Дѣдихинъ не открылъ непрїятелю средства овладѣть крѣпостїю.

Между тѣмъ подмосковное войско оставалось въ бездѣйствїи. Начальники, чувствуя потребность въ Государѣ, вздумали у Шведскаго Короля Карла IX просить одного сына. Несогласїе часъ отъ часу усиливалось между ними, ибо каждому хотѣлось быть старшимъ. Трубецкаго не уважали какъ чело-

вѣка недѣятельнаго и любящаго свои выгоды. Ляпуновъ безпрестанно досаждалъ Боярамъ гордыми поступками. Заруцкій дозволялъ козакамъ своимъ обижать прочихъ ратниковъ. Сверхъ того онъ не могъ быть согласенъ съ товарищами своими въ разсужденіи выбора на царство; не таилъ любви своей къ Маринѣ, и хотѣлъ малолѣтнаго сына ея посадить на престолѣ.

Ляпуновъ поссорившись съ Заруцкимъ былъ убитъ козаками. Исторія сохранила имя Ржевскаго единственно для того, чтобы заставить потомство удивляться великодушному его подвигу и достопамятной смерти. Будучи врагомъ Ляпунова, онъ вступился за праваго, оборонялъ его, и погибъ съ нимъ вмѣстѣ.

Понтусъ де ла Гардій со Шведами пришелъ подъ Новгородъ. Бояринъ Князь Одоевской, Воевода Бутурлинъ и жители Новгородскіе ничего не подозрѣвали, думая что Шведы, по содержанію прежняго договора, идутъ на помощь къ войску подмосковному. Одинъ предатель, изъ плѣнныхъ Россіянъ, ночью вводитъ Шведовъ. Жители узнали о несчастіи своемъ, когда услышали крикъ побиваемой стражи. Бутурлинъ, вмѣсто того чтобъ отражать непріятеля, грабитъ купеческія лавки и уходитъ изъ города. Только

Стрѣлецкой голова съ четырью десятками козаковъ и нѣкоторыми гражданами исполнили долгъ вѣрныхъ сыновъ отечества. Они погибли съ оружіемъ въ рукахъ; погибъ и Софійскій Протопопъ Амосъ, которой храбро защищался въ домѣ своемъ противъ Шведовъ, и лучше захотѣлъ сгорѣть, нежели отдаться непріятелю.

Послѣ того какъ Протопопъ сражался и умеръ за отечество, какъ Воевода Бутурлинъ бѣжалъ изъ города, ограбивъ лавки; Князь Одоевскій и Митрополитъ Исидоръ договорились о принятіи Шведскаго Королевича Филиппа на престолъ Новгородскій, и сдали городъ Понтусу, которой немедленно заключилъ ихъ подъ стражу, ограбилъ всѣ монастыри, церкви, домы, и отправилъ въ Швецію даже колокола и свѣчи мѣстныя.

При столь бѣдственныхъ обстоятельствахъ явился во Псковѣ новой обманщикъ Сидоръ, называвшій себя Царемъ Димитріемъ, будто бы спасшимся отъ умысловъ Годунова, отъ заговора Шуйскаго и отъ меча Урусова. Въ подмосковномъ войскѣ козаки и другіе уже признали его за государя. По счастію обманъ скоро обнаруженъ; самозванецъ схваченъ, привезенъ подъ Москву, и повѣшенъ на деревѣ.

Казнь злодѣя сего не помогла Россіи, уже на краю пропасти находившейся. Архимандритъ Діонисій и Келарь Авраамій доставляли порохъ и свинецъ въ станъ подмосковной, а между тѣмъ опять разослали по городамъ убѣдительнѣйшія грамоты объ избавленіи отечества. Много было усердныхъ Россіянъ, готовыхъ устремиться на пораженіе сопостатовъ; но не было главнаго орудія общей воли. Козма Мининъ Сухорукой, Нижегородской купецъ, промышлявшій мясным торгомъ, предприемлетъ великій подвигъ избавить Россію, назначаетъ въ мысляхъ своихъ Военачальникомъ Стольника Князя Пожарскаго, летитъ къ нему въ Нижегородскую деревню, гдѣ сей знаменитый мужъ лѣчился отъ ранъ, предлагаетъ ему свое намѣреніе, совѣтуется о распоряженіяхъ. Возвратясь въ городъ, именемъ вѣры и отечества убѣждаетъ согражданъ отдать все имѣніе на жалованье ратнымъ людямъ, продать домы, если нужно, заложить женъ и дѣтей, и выбрать достойнаго предводителя.

Восторгъ овладѣлъ сердцами. Граждане, составивъ общую казну, немедленно отправили посольство къ Пожарскому. Князь требуетъ, чтобы Минину, какъ человѣку служилому, говоритъ лѣтопись, поручена была важная должность сбирать казну, раздавать и беречь ее. Разнеслась молва о предпріятіи

спасителей отечества; жители Дорогобужа, Вязьмы и Смольяне, поселившіеся въ Арзамасѣ (Смоленскъ былъ тогда въ рукахъ Сигизмунда), первые прислали съ прозьбою о принятіи ихъ въ соединеніе; многіе города предложили денежныя пособія; стрѣльцы и козаки стекались подъ знамена Пожарскаго. Въ сіе-то время Поляки и сообщники ихъ уморили голодомъ (1612 Февраля) томимаго въ заключеніи Патріарха Ермогена, потому что онъ отрекся писать къ Пожарскому. Святитель погребенъ въ Чудовѣ.

Пожарскій повелъ войско свое въ Ярославль. Заруцкой, боясь чтобы сей военачальникъ не разрушилъ надежды его, посылаетъ козаковъ покорить упомянутой городъ; но Князь предупредивъ умыселъ, отражаетъ непріятелей съ урономъ. Онъ вознамѣрился не прежде идти къ Москвѣ, какъ разсыпавъ отряды козаковъ и мятежниковъ, опустошавшихъ разныя области. Заруцкой явно женился на Маринѣ. Разбойникъ сей, обагренный невинною кровію гражданъ, которыхъ онъ принесъ въ жертву или мщенію своему или сребролюбію, страшился приближенія Князя Пожарскаго. Подущенные козаки искали случая лишить его жизни. Одному едва не удалось исполнить злодѣйское препорученіе, въ толпѣ народа, когда Князь шелъ осматривать пушки.

Въ подмосковномъ станѣ получено извѣстіе, что Гетманъ Хоткѣевичь ведетъ въ Россію многолюдное войско. Пожарской двигнулся поспѣшно изъ Ярославля. Передовые полки его укрѣпились одинъ у Петровскихъ воротъ, другой у Тверскихъ. Въ слѣдъ за ними пришелъ Пожарскій съ Мининымъ и Келаремъ Авраамiемъ. Трубецкой съ почестію встрѣтивъ Пожарскаго, просилъ его соединить оба войска; но сей расположился у Арбатскихъ воротъ особо, можетъ быть для того чтобъ не быть подъ начальствомъ у старшаго себя, или же чтобъ не дать случая войску своему познакомиться съ козаками. Поступокъ сей поселилъ несогласіе между военачальниками. — Заруцкій, еще до прибытія Князя Пожарскаго, съ половиною козаковъ своихъ бѣжалъ въ Коломну, а оттуда въ Михайловъ.

Хоткѣевичь, переправясь черезъ Москву рѣку 22 Августа, расположился подъ монастыремъ Новодѣвичьимъ. Пожарскій отрядилъ пять сотень лучшей конницы своей къ Трубецкому, которой самъ вызвался ударить на непріятеля съ боку изъ за Москвы рѣки. Начинается сраженіе. Поляки тѣснятъ Русскихъ; Пожарской приказываетъ своимъ слѣдовать; но Трубецкой остается въ бездѣйствіи. Отряженныя къ нему сотни съ нѣкоторыми усердными козаками самовольно ле-

тятъ къ мѣсту сраженія, и помогаютъ Пожарскому одержать побѣду. Гетманъ прогнанъ къ Поклонной горѣ, оставивъ множество убитыхъ.

Въ 24 день Августа оба полководца расположились подъ Донскимъ монастыремъ, и приготовились къ рѣшительному бою. Чтобы помѣшать сообщенію между войскомъ Хоткѣевича и Поляками въ Кремлѣ находившимися, на Пятницкой улицѣ подлѣ церкви Св. Климента сдѣлана была крѣпостца, въ которую введены козаки Трубецкаго. Гетманъ со всею конницею ударилъ на Русскихъ; Трубецкой, не выдержавъ перваго нападенія, отправился обратно въ укрѣпленной станъ свой. Конные полки Пожарскаго прогнаны и, какъ говоритъ лѣтопись, втоптаны въ рѣку Москву. Князь удержавъ непріятеля пѣхотою, тщетно требуетъ помощи у Трубецкаго. Келарь Авраамій проситъ козаковъ не оставить отечества въ рукахъ иноземцовъ, и обѣщаетъ имъ всю казну монастырскую въ награжденіе. Козаки склоняются, и участвуютъ въ битвѣ. Мининъ, выпросивъ себѣ у Князя три дворянскія роты, скачетъ съ ними за рѣку Москву. Всѣ вмѣстѣ гонятъ Поляковъ до самаго стана, которой съ обозомъ и пушками достается побѣдителямъ. Гетманъ, потерявъ множество своихъ, переправился за рѣку, и всю ночь простоялъ на

горахъ Воробьевыхъ. На другой день рано побѣжалъ онъ въ Польшу.

Оставалось выгнать Поляковъ изъ Кремля и Китая. Русскіе Полководцы, которыхъ наконецъ успѣлъ примирить Келарь Авраамій, занялись устроеніемъ внутренняго порядка и разными приготовленіями. Первымъ плодомъ согласія ихъ было взятіе приступомъ Китая (22 Октября). Спасшіеся отъ смерти Поляки ушли въ Кремль, гдѣ недостатокъ хлѣба сдѣлался еще мучительнѣе. Въ осажденномъ Іерусалимѣ одна женщина ѣла мясо своего собственнаго дитяти; Парижскіе жители дѣлали изъ костей человѣческихъ муку, и питались приготовленнымъ изъ нее хлѣбомъ; въ городѣ Китаѣ Русскіе нашли чаны съ насоленнымъ человѣческимъ мясомъ! Многія лѣтописи предаютъ извѣстіе намъ о сей ужасной крайности.

Теперь въ Кремлѣ не живутъ частные люди; но тогда онъ былъ наполненъ домами и подворьями. Томимые голодомъ Поляки вздумали выслать изъ Кремля всѣхъ женщинъ. Пожарской встрѣтилъ Боярынь, роздалъ ихъ по рукамъ пріятелей и родственниковъ, и надѣлилъ всѣмъ нужнымъ. Осажденные Бояре не безъ причины писали къ Пожарскому и Минину, а не къ Трубецкому, *чтобы приняли женъ ихъ безъ позору*: козаки Трубецкаго хотѣли убить

Князя Дмитрія Михайловича *за то*, говоритъ лѣтопись, *что не далъ имъ грабить барынь.* Предосторожность Поляковъ была безполезна; голодъ усилился до того, что ѣли кошекъ, мышей, собакъ и даже мертвечину; наконецъ надлежало сдаться. Поляки просили *вопервыхъ* не лишать ихъ жизни, *вовторыхъ* принять ихъ въ полки Пожарскаго, а не Трубецкаго. Боязнь не напрасная; ибо часть Польскаго войска, доставшаяся Трубецкому, почти вся побита козаками; напротивъ того плѣнники, приведенные въ станъ Пожарскаго, разосланы по городамъ, и даже не ограблены. Бояре и другіе вѣрные Россіяне, содержанные въ неволѣ у Поляковъ, также предпочли покровительство Пожарскаго. Въ числѣ ихъ находился знаменитой юноша Михаилъ Ѳеодоровичь, которому по судьбамъ Вышняго предназначено было осчастливить Россію. Онъ и мать его Инокиня Мареа въ тотъ же день отправились въ Кострому.

Измѣнникъ Салтыковъ нашелъ средство убѣжать къ покровителю своему Сигизмунду. Осажденные жители, и въ томъ числѣ единомышленники Поляковъ, сухіе, блѣдные, изнемогающіе отъ голода, покрытые рубищами, заслуживали болѣе состраданіе, нежели мщеніе; они и тѣмъ уже были несчастны, что терпѣли бѣдствія не за отечество.

Военачальники, БояринЪ Князь Трубецкой и СтольникЪ Князь Пожарской, торжественно вошли вЪ Кремль разными воротами.

Радость Москвичей прервана была новымЪ страхомЪ. Польскїй Король, овладѣвши Вязьмою, осадилЪ ВолокЪ-Ламской, а между тѣмЪ послалЪ подЪ Москву сильной отрядЪ сЪ молодымЪ ЖелковскимЪ, которой, по безуспѣшныхЪ сшибкахЪ сЪ Русскими, отступилЪ обратно. — НаконецЪ и самЪ Король, потерявЪ множество людей, поспѣшно удалился вЪ Польшу. — Посланнику Генерала де ла Гардїя Бояре сказали, что Шведской Королевичь на престолЪ Московской принятЪ не будетЪ; а приплывшихЪ кЪ городу Архангельску на помощь АнгличанЪ поблагодарили за усердїе, и объявили, что вЪ нихЪ уже нѣтЪ надобности.

Чины государственные согласно приговорили возвести Князя Пожарскаго вЪ достоинство Боярина, назначили ему великїя вотчины изЪ казенныхЪ волостей, и вручили жалованную грамоту, которая потомЪ подтверждена избраннымЪ ЦаремЪ МихаиломЪ ѲеодоровичемЪ. Козма МининЪ именовался просто *выборнымЪ человѣкомЪ отЪ всея земли*; признательный МонархЪ пожаловалЪ его ДумнымЪ ДворяниномЪ.

Выше сказано, что Заруцкой, еще до прибытія подъ Москву Князя Пожарскаго, убѣжалъ съ Мариною. Бывъ разбитъ воеводою Бутурлинымъ подъ Переславлемъ Рязанскимъ, онъ пошелъ въ Украинскіе города, ограбилъ Воронежъ, разорилъ Астрахань; наконецъ пойманъ и привезенъ въ Москву съ Мариною и малолѣтнымъ ея сыномъ, котораго безразсудная мать сама назначила быть жертвою своего честолюбія. Сей несчастный младенецъ повѣшенъ (1613); Заруцкой посаженъ на колъ; Марина умерла въ темницѣ.

V.

Смѣсь.

Въ началѣ нынѣшняго года, извѣстный Физикъ Франсисъ Муръ выдалъ въ Лондонѣ книжку подъ названіемъ: Vox ſtellarum or Royal Almanch for the year of human redemtion 1807, т. е. *Гласъ звѣздъ, или Королевской календарь, на 1807 годъ отъ искупленія человѣческаго рода.* Подъ 26 числомъ Апрѣля издатель положилъ *пророческое* свое замѣчаніе въ слѣдующихъ словахъ: „Около сего времени умретъ Султанъ Ту„рецкій. Возникнетъ мятежъ въ народѣ „его. Пусть спасаетъ онъ жизнь свою, еже-

„ли можетъ. Я дружески его предостере-„гаю.“ — Г. Муръ ошибся однимъ мѣсяцомъ. Мятежъ начался въ Константинополѣ 26, а Султанъ сверженъ 29 Мая. Сїе предвѣщанїе помѣщено въ Январской книжкѣ Нѣмецкаго политическаго журнала и въ разныхъ листкахъ еженедѣльныхъ. Нѣтъ сомнѣнїя, что въ наше время Г. Муръ не получитъ диплома на достоинство пророка; однакожь не льзя не подивиться, какимъ образомъ пришло ему въ голову предсказывать кончину Султана!

*

Ученой издатель одного Французскаго журнала, почитая Гренландїю Шведскимъ владѣнїемъ, мѣсяца за четыре передъ симъ увѣдомлялъ своихъ читателей, что Шведской Королъ отдаетъ *островъ* Гренландїю Мальтїйскимъ Кавалерамъ, съ тѣмъ чтобъ они туда переселились!!

*

Въ одномъ Нѣмецкомъ журналѣ помѣщено стихотворное описанїе Французскаго народа, взятое изъ листковъ Парижскихъ. Стихи презабавные! Только нельзя думать, чтобы Нѣмцамъ они полюбились. Еслижь кто-нибудь изъ нихъ и смѣялся; то вѣрно не отъ чистаго сердца, а такъ какъ смѣется Волдыревъ, когда Болтай разсказываетъ ему о своихъ любовныхъ удачахъ. Вотъ двѣ строфы:

Le Français pour la musique
N'eſt pas ſans prétention ;
On dit même qu'il ſe pique
De donner partout le ton.
Je le crois
Quand je vois
Les peuples de Germanie
Former une autre harmonie
Pour n'obeir qu'à ſa voix.

Le Français a pour la dance
Un irresiſtible attrait,
Et de tout mettre en cadence
Il a, dit-on, le ſecret.
Je le crois
Quand je vois
Ce grand conquerant du monde
Faire danſer à la ronde
Et les peuples et les rois.

ПОЛИТИКА.

I.

Область Ла-Плата, или Парагвай и Тукуманъ.

Корыстолюбіе учреждаетъ новыя селенія въ отдаленныхъ краяхъ свѣта; но средства, употребляемыя для приобрѣтенія отъ нихъ выгодъ, средства, коими старается оно сдѣлать прочными свои заведенія, мало по малу споспѣшествуютъ образованію государства независимаго. Селеніе увеличивается, познаетъ свои собственныя выгоды, и свергаетъ съ себя долгъ повиновенія. Въ большихъ обществахъ людей, равно какъ въ каждомъ человѣкѣ особенно, законъ природы дѣйствуетъ; дѣти, приближаяся къ зрѣлому возрасту, укрѣпляются въ силахъ, между тѣмъ какъ родители изнемогаютъ. Государство, получая выгоды и богатства изъ селеній своихъ, слабѣетъ отъ пресыщенія; напротивъ того селеніе созрѣваетъ, усиливается отъ дѣятельности, и становится соперникомъ, а иногда и повелителемъ прежняго своего властелина.

Вмѣстѣ съ гражданскимъ устройствомъ нравственность, науки и искуства перехо-

дятъ отъ родоначальниковъ къ поколѣніямъ; хотя и то справедливо, что просвѣщеніе, точно какъ пересаженное на другую землю дерево, лишается прежняго свойства и доброты. Особливыя нужды и отношенія новаго народа открываютъ для него особливой путь. Послѣ двухъ или трехъ столѣтій юное поколѣніе почитаетъ уже полуварварами своихъ праотцовъ, которые остались на прежней степени, между тѣмъ какъ оно, побуждаемо будучи обстоятельствами, оказало чрезвычайные успѣхи.

Таковъ *непремѣнной* ходъ всѣхъ переселяемыхъ народовъ, покровительствуемыхъ судьбою. Таковъ былъ ходъ обществъ, во времена глубокой древности переселенныхъ изъ Азіи въ Африку, равно и тѣхъ, кои изъ Египта и Карѳагены перешли въ Грецію и въ другія страны южной Европы. Въ новѣйшія времена сѣверная Америка уже достигла половины своего пути, и конечно пойдетъ далѣе. Судьба по видимому готовитъ новую образованность для сѣверныхъ Американцевъ, для любимыхъ чадъ своихъ. Между тѣмъ какъ племена Германскія и Латинскія приближаются къ темнотѣ среднихъ вѣковъ, или можетъ быть еще ко мраку непроницаемому; между тѣмъ какъ многолюдные сонмы народовъ, составляющіе Китайскую Имперію, неподвижно пребываютъ

на степени образованности — тамъ, въ сѣверной Америкѣ проясняется свѣтъ новой, доселѣ неизвѣстной. Мы не знаемъ, каковъ нѣкогда будетъ блескъ его въ полномъ величіи лучезарности; ибо древніе также не имѣли понятія о просвѣщеніи нашего времени.

Южная Америка обѣщаетъ гораздо болѣе, нежели сѣверная. Тамъ племена дѣятельныя и трудолюбивыя приняли многіе обычаи Европейскіе; здѣсь Испанцы и Португальцы, обезопасивъ свои владѣнія, старались болѣе приспособляться къ обычаямъ природныхъ жителей, нежели вводить новые. Тамъ всѣ богатства земли уже открыты и неутомимо истощаются; здѣсь, при чрезвычайномъ изобиліи, многое остается до сихъ поръ еще неизвѣстнымъ, до многихъ источниковъ безпечные поселенцы еще не прикасались, довольствуясь только золотомъ (*), которое представляетъ собою всѣ вещи, всѣ издѣлія. Тамъ природные жители почти совсемъ перевелись, а оставшіеся скоро должны будутъ принять Европейскіе обычаи; напротивъ того здѣсь обитаютъ дикіе, свободные, многолюдные и воинственные народы, которые,

(*) Въ Перу еще и теперь болѣе рудокопень, нежели фабрикъ.

перенявши многое у слабыхъ сосѣдовъ своихъ, не заразились ихъ пороками и не покорились ихъ законамъ. Если перемѣнятся обстоятельства южной Америки въ разсужденіи отношеній ея къ Европѣ; то она явится новою страною: отъ нее, отъ ея участія зависѣть будутъ образованность, торговля и могущество прочихъ частей свѣта.

Перемѣна сія по видимому скоро настанетъ. Читателямъ извѣстно, что Англичане въ прошломъ году завоевали Буэносъ-Айресъ; что природные Испанцы, жители Ла-Платской области, отняли обратно главной городъ; что Англичане, овладѣвши важною крѣпостію Монте-Видео, снова готовились сдѣлать нападеніе. Жители Буэносъ-Айреса послали къ нимъ объявить, что „они рѣшились на будущія времена остаться народомъ независимымъ, и что если Англичане признаютъ ихъ вольными, то дружески будутъ приняты жителями какъ союзники; въ противномъ случаѣ они намѣрены защищаться до послѣдней капли крови.“ Изъ новѣйшихъ извѣстій видно, что Англійскія войска дѣйствительно нападали на Буэносъ-Айресъ, и отбиты съ великимъ урономъ. Пишутъ даже, что они потеряли и Монте-Видео.

Какой бы ни взяли дѣла оборотъ, по крайней мѣрѣ предвидѣть можно, что Англїя лучше согласится оставить важное селенїе сїе въ прежнихъ рукахъ и отказаться отъ чаемыхъ выгодъ, нежели допустить, чтобы оно сдѣлалось независимымъ, и одушевляясь свѣжимъ чувствомъ свободы, вознеслось на степень могущества и величїя. Такъ! оно конечно сдѣлалось бы скоро если не страшною, то по крайней мѣрѣ значительною соперницею Англїи во многихъ городахъ торговыхъ, а черезъ сто лѣтъ можетъ быть стало бы оспоривать у нее господство надъ морями.

Область Ла-Плата, въ которой Буэносъ-Айресъ есть, и — судя по мѣстоположенїю, кажется — всегда будетъ главнымъ городомъ, содержитъ въ себѣ 40,000 квадратныхъ миль земли; слѣдственно она пространнѣе Германїи, Францїи, Великобританїи съ Ирландїею, Голландїи, Италїи и Венгрїи, взятыхъ вмѣстѣ; сверхъ того она всѣхъ ихъ плодоноснѣе.

Іезуитъ Добрицгоферъ, жившїй осмнадцать лѣтъ въ сей области и обозрѣвшїй почти всѣ части ея, пишетъ, что на одной полосѣ, простирающейся на 200 миль, путешественникъ находитъ поля безводныя; на другой — высокїя покрытыя лѣсами горы;

на одномъ мѣстѣ видитъ плоскую землянную пошву, на другомъ длинные ряды скалъ каменистыхъ. Въ одной части ѣдешь нѣсколько дней, не видя ни капли воды; въ другой ежедневно переправляешься черезъ широкія рѣки, озера и болота. „Такимъ образомъ — продолжаетъ Іезуитъ — одному путешественнику Парагвай можетъ показаться обширною равниною (*), другому гористою землею, третьему страною покрытою лѣсомъ, орошаемою рѣками и озерами, — и каждой изъ нихъ будетъ говорить правду.“

Три великія рѣки, Парагвай, Парана и Урагвай, пересѣкаютъ Ла-Платскую область по разнымъ направленіямъ, и соединившись составляютъ текущее море, то есть рѣку Ла-Плату, которая при устьѣ своемъ широтою равняется сорока Нѣмецкимъ милямъ, и которая во время прилива, когда вѣтеръ дуетъ съ южной стороны, поднимается до ста морскихъ миль вверхъ по теченію. Берега изобилуютъ бухтами и пристанями; къ тремъ изъ нихъ, къ Монте-Видео, Малдонадо, а особливо къ Буэносъ-Айресу, пристаютъ корабли купеческіе.

Неизмѣримыя равнины, гдѣ нѣтъ ни деревъ ни кустовъ, вообще необитаемы. Трава на нихъ выростаетъ такая высокая, что

(*) Англійской Офицеръ точно сдѣлалъ сію ошибку. Его донесеніе напечатано во многихъ Вѣдомостяхъ.

безчисленныя стада дикаго рогатаго скота и лошадей, и даже Американскіе шестифутовые страусы ходятъ въ ней, и покоятся подъ тѣнью. Земля, гдѣ она воздѣлывается, за одно даетъ семьдесять зеренъ пшеницы и шесть сотъ маиса. Гористая часть Ла-Платской области содержитъ 110 рудокопень, изъ коихъ въ тридцати достаютъ золото, а въ двадцати семи серебро. Въ другихъ частяхъ равнины покрыты селитрою и столь обильными ключами соли, что половина Европы могла бы ими довольствоваться.

Къ числу прозябеній сей неистощимой земли принадлежатъ почти всѣ пряные коренья, лѣкарственныя вещества и произведенія для роскоши служащія, вывозимыя изъ другихъ частей Америки въ большомъ количествѣ; ванилья, хина, копайва-бальзамъ, какао, и алгорава (сладкіе рожки), употребляемая въ пищу жителями. Кедры и другія сего рода деревья, также пальмы, составляющія цѣлые лѣса, ожидаютъ только рукъ человѣческихъ. Но самое важное произведеніе для торговли есть Парагвайской чай, которой бальзамическою силою и благоуханіемъ не уступаетъ Восточно-Индійскому, и котораго ежегодно вывозится въ Перу около 15 милліоновъ фунтовъ. Въ Европѣ онъ до сихъ поръ еще не введенъ въ употребленіе. Утверждаютъ, что онъ портится во время перевоза: но это вѣроятно или умышленная

выдумка Англичанъ, которые боятся подрыву въ Восточно-Индїйской своей торговлѣ; или же Испанцы по нерадѣнїю своему до сихъ поръ еще не заботились о способахъ сохранно перевозить Парагвайской чай въ Европу. Есть дерево, приносящее вкусные финики, изъ которыхъ можно доставать прекрасное масло; есть множество другихъ произведенїй земли, которыя разсчетистому человѣку обѣщаютъ великїя выгоды, а испытателю природы — новыя удовольствїя.

Царство животныхъ въ области Ла-Платской столь же богато, какъ ископаемыхъ и прозябенїй. Сказано выше, что ходятъ тамъ безчисленныя стада лошадей и рогатой скотины. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ держатъ по сту тысячь быковъ и коровъ; самой обыкновенной торговецъ пригоняетъ по двѣ тысячи лошадей на рынокъ, и отдаетъ ихъ за нѣсколько штукъ матерїи. Мясо рогатаго скота, убитаго на ловлѣ, оставляется на снѣденїе дикимъ собакамъ, которыя также стадами бродятъ по пустынямъ; охотники берутъ съ собою кожи только, а иногда и сало. Овцы равнымъ образомъ плодятся такъ хорошо, что можно видѣть стада по 30,000 животныхъ, пасущїяся на лугу какого-нибудь Индїйца. Сїи животныя перевезены туда изъ Европы; но тамошнїя природныя суть —

дикїе ослы, свиньи, олени и серны, тапиры и тигры. Кажется, природа хотѣла предпочтить одну точку всѣмъ частямъ древняго міра; ибо кромѣ пчелъ, которыя приготовляютъ воскъ, тамъ есть еще особливая порода муравьевъ; сїи трудолюбивыя насѣкомыя плодятся на сучьяхъ нѣкотораго дерева, и покрываютъ ихъ душистымъ воскомъ.

Между многими племенами жителей особливое примѣчанїе заслуживаютъ Гвараносы, Абипоны и Паякасы. Послѣднихъ почти можно назвать *водяными* людьми; ибо они проводятъ большую половину жизни на водѣ и подъ водою, нежели на сушѣ. Люди сїи дѣлаютъ себѣ изъ выдолбленнаго дерева лодки, въ коихъ помѣщается до 40 человѣкъ, и на которыхъ они плаваютъ по рѣкамъ, пристаютъ въ разныхъ мѣстахъ, и разоряютъ Испанскїя деревни; иногда удается имъ одолѣвать суда Европейскїя. Ежели лодка опрокинулась, то плаватели садятся на нее верьхомъ, и продолжаютъ путь свой. Во время бури они плаваютъ по волнамъ, шутовски разнымъ образомъ кривляясь; ныряютъ на дно за рыбою, ѣдятъ ее, и хохочутъ высунувъ изъ воды голову. Абипоны почитаются первыми изъ народовъ, умѣющихъ на лошадяхъ ѣздить, и — по обыкновенїю простыхъ дѣтей природы, которыя рѣдко наблюдаютъ умѣренность — почти

безпрестанно сидятъ на лошадяхъ, равно какъ Паякасы почти безпрестанно сидятъ въ водѣ. Девятидесятилѣтній старикъ прыгаетъ на дикую лошадь съ удивительною легкостїю, и держится крѣпко стоя на ногахъ, между тѣмъ какъ она бѣжитъ изо всей силы. Народъ сей образомъ жизни, храбростїю и нравами походитъ на древнихъ Германцовъ, описанныхъ Тацитомъ. Они были опасными врагами Европейцовъ; однакожь Испанцамъ наконецъ удалось усмирить какъ ихъ, такъ равно и Паякасовъ; многїе изъ нихъ теперь обработываютъ землю, и повинуются законамъ.

Важнѣйшїе для Европейскихъ селенїй суть Гваранисы, которыхъ Іезуиты сто лѣтъ приучали къ устройству и порядку общежитїя. Всѣ они приняли Христїянскую вѣру; живутъ въ деревняхъ, воздѣлываютъ поля, работаютъ на фабрикахъ и проч. Племя сїе столь многочисленно и воинственно, что во время войны между Испанцами и разными соединенными народами Гваранисы первымъ прислали въ помощь 8000 человѣкъ, выученныхъ военному искуству по Европейски.

Такова сїя неизмѣримая страна, съ ея чрезвычайнымъ плодородїемъ, съ ея могуществомъ ежедневно возрастающимъ! Такова страна за Буэносъ-Айресомъ, лежащимъ близъ устья великой рѣки Ла-Платы, ко-

торая протекаетъ почти всю область! И сей-то городъ, вмѣщающій въ себѣ 40,000 жителей, на всемъ земномъ шарѣ можетъ быть богатѣйшій средствами могущества, объявилъ себя независимымъ! Какое исполинское государство можетъ вырасти изъ такого зародыша!

(*Съ Нѣмецкаго.*)

II.

Мирныя Статьи договора между Франціею и Пруссіею.

I. Со дня размѣна ратификацій сего договора будетъ совершенный миръ и дружество между Его Величествомъ Императоромъ Французовъ, Королемъ Италіи, и Его Величествомъ Королемъ Пруссіи.

II. Часть Герцогства Магдебургскаго, на правой сторонѣ Эльбы лежащая, Маркъ-Пригницъ, Укер-Маркъ, Миттель-Маркъ и Ней-Маркъ Брандебургскіе; за исключеніемъ Котбускаго округа въ нижнемъ Лаузицѣ; Герцогство Померанское; верхняя, нижняя и новая Шлезія съ графствомъ Глацъ; часть Нецскаго округа, лежащая на сѣверной сторонѣ дороги отъ Дризена до Шнейдемиля, и на той же сторонѣ черты, простирающейся отъ Шнейдемиля черезъ Валдау до Вис-

лы и до Бромбергскаго округа; Померелія; островъ Ногатъ; земля на правомъ берегу рѣки Вислы и Ногата въ западной части старой Пруссіи и въ сѣверной Кульмскаго округа; Вармія; наконецъ Королевство Прусское въ такомъ состояніи, въ какомъ находилось оно до 1 Января 1772 года, будутъ обратно отданы Е. В. Королю Прусскому, съ крѣпостями Шпандау, Штеттиномъ, Кистриномъ, Глогавомъ, Бреславлемъ, Швейдницомъ, Нейссе, Бригомъ, Козелемъ, и вообще всѣми крѣпостями, цитаделями, замками и укрѣпленіями упомянутыхъ областей, въ такомъ состояніи, въ какомъ оныя крѣпости, цитадели, замки и укрѣпленія нынѣ находятся.

Городъ и цитадель Грауденцъ съ деревнями Нейдорфомъ, Паршкеномъ и Швиркочиномъ также будутъ отданы обратно Е. В. Королю Прусскому.

III. Е. В. Король Прусскій признаетъ Е. В. Короля Неапольскаго Іосифа-Наполеона, и Е. В. Короля Голландскаго Лудовика-Наполеона.

IV. Е. В. Король Прусскій съ своей стороны признаетъ Рейнскій Союзъ и нынѣшнія владѣнія каждаго изъ составляющихъ оной государей, также титла данныя имъ, какъ по договору Союза, такъ и по другимъ договорамъ же Князей послѣ присоединившихся.

Е. В. обѣщается также признавать государей, которые впредь сдѣлаются членами упомянутаго Союза, и титла, которыя даваны имъ будутъ по договорамъ присоединенія.

V. Настоящій мирный и дружественный договоръ долженъ имѣть силу свою вообще для Е. В. Короля Неапольскаго Іосифа-Наполеона; для Е. В. Короля Голландскаго Лудовика-Наполеона, и для Рейнскихъ союзниковъ Е. В. Императора Наполеона.

VI. Е. В. Король Прусскій равнымъ образомъ признаетъ Е. И. Высочество Князя Іеронима-Наполеона Королемъ Вестфальскимъ.

VII. Е. В. Король Прусскій уступаетъ въ полное владѣніе Королямъ, Великимъ Герцогамъ, Герцогамъ и Князьямъ, которыхъ Е. В. Императоръ Французовъ, Король Италіи назначитъ, всѣ Герцогства, Маркграфства, Княжества, Графства и области, и вообще всѣ округи и части, лежащія между Рейномъ и Эльбою, и принадлежавшія Ему подъ какими бы то ни было названіями прежде начатія послѣдней войны.

VIII. Королевство Вестфальское составится изъ уступаемыхъ Е. В. Королемъ Прусскимъ провинцій и другихъ земель, находящихся нынѣ во власти Е. В. Императора Наполеона.

IX. Распоряженія, которыя сдѣлаетъ Е. В. Императоръ Наполеонъ въ земляхъ, означенныхъ въ двухъ предъидущихъ статьяхъ, и принадлежность оныхъ тѣмъ государямъ, въ пользу коихъ сдѣланы будутъ упомянутыя распоряженія, Е. В. Король Прусскій обѣщается признать, точно какъ бы все то было уже упомянуто въ семъ договорѣ.

X. Е. В. Король Прусскій за себя и за наслѣдниковъ своихъ и преемниковъ отрицается отъ всѣхъ дѣйствительныхъ правъ, и такихъ, на которыя впредь онъ могъ бы ссылаться, какъ-то:

1) Отъ правъ на всѣ области безъ изъятія, находящіяся между Эльбою и Рейномъ, и вообще на всѣ области, въ седьмой статьѣ неупомянутыя;

2) Отъ правъ на всѣ Е. В. Короля Саксонскаго и Дома Ангальтскаго владѣнія, лежащія на правомъ берегу Эльбы.

Равномѣрно всѣ дѣйствительныя находящихся между Эльбою и Рейномъ государствъ и будущія права и притязанія на владѣнія Е. В. Короля Прусскаго, въ нынѣшнемъ договорѣ означенныя, навсегда уничтожаются.

XI. Всѣ договоры и союзныя постановленія, явно или тайно между Пруссіею и какимъ-либо государствомъ на лѣвомъ берегу Эльбы лежащимъ заключенныя и послѣднею войною непрерванныя, должны ос-

таваться недѣйствительными, точно какъ ихъ вовсе бы не было.

XII. Е. В. Король Прусскій уступаетъ Котбусской округъ, что въ нижнемъ Лаузицѣ, въ полное владѣніе Е. В. Королю Саксонскому.

XIII. Е. В. Король Прусскій навсегда отрекается отъ владѣнія всѣми провинціями, составлявщими нѣкогда Польское Королевство, и послѣ 1 Января 1772 года въ разныя времена присоединенными къ Пруссіи, исключая Вармію и проч. (см. выше статью II), которыя остаются въ полномъ обладаніи Е. В. Короля Прусскаго.

XIV. Е. В. Король Прусскій равнымъ образомъ на вѣчныя времена отрицается отъ обладанія городомъ Данцигомъ.

XV. Провинціи, отъ которыхъ Е. В. Король Прусскій отрицается по содержанію XIII статьи, будутъ, кромѣ означенныхъ въ XVIII статьѣ, отданы въ полное владѣніе Е. В. Королю Саксонскому, подъ названіемъ Варшавскаго Герцогства, и получатъ уложеніе, сообразное съ данными преимуществами народу сего Герцогства и со спокойствіемъ государствъ сосѣдственныхъ.

XVI. Для сообщенія между Саксонскимъ Королевствомъ и Варшавскимъ Герцогствомъ Е. В. Королю Саксонскому предоставленъ будетъ военной путь черезъ владѣнія Е. В. Короля Прусскаго. О семъ пути, о числѣ

войскъ, которому въ одно время проходить, и о мѣстахъ, гдѣ учредить складку съѣстныхъ припасовъ, Ихъ Величества сдѣлаютъ между собою условія, при посредничествѣ Франціи.

XVII. Плаваніе по рѣкѣ Нецу и по Бромбергскому каналу отъ Дризена до Вислы и обратно не должно подлежать никакимъ пошлинамъ.

XXVIII. Чтобы по возможности установить естественныя границы между Россіею и Герцогствомъ Варшавскимъ, область, окруженная частію настоящихъ границъ Россійскихъ, простирающеюся отъ Буга до устья Лоссосны, и чертою идущею отъ помянутаго устья и слѣдующею по Талвегу сей рѣки, по Талвегу Бобры до ея устья, по Талвегу Нарева отъ упомянутаго мѣста до Суратца, по Талвегу Лисы до ея исходища близъ деревни Міенъ, по Талвегу протока, впадающаго въ Нурчекъ, подлѣ той же деревни выходящаго до его устья выше Нурра, и наконецъ по Толвегу Буга вверхъ до настоящихъ границъ Россійскихъ, присоединяется на вѣчныя времена къ Имперіи Россійской.

XIX. Городъ Данцигъ съ уѣздомъ, на двѣ мили вокругъ простирающимся, получитъ независимость по прежнему; онъ будетъ состоять подъ защитою Ихъ В. Короля Прусскаго и Короля Саксонскаго, и

управляться тѣми законами, которые существовали во время его свободы.

XX. Ни Е. В. Король Прусскій, ни Е. В. Король Саксонскій, ни городъ Данцигъ не будутъ препятствовать свободному плаванію по Вислѣ издаваемыми запрещеніями, или налагаемыми пошлинами, повинностями и податями.

XXI. Городъ, пристань и округъ Данцигскіе въ продолженіе нынѣшней войны на морѣ будутъ заперты для Англійской торговли и мореплаванія.

XXII. Никакое лицо, какого бы ни было оно чина или званія, имѣющее домъ свой или собственность въ провинціяхъ нѣкогда Королевству Польскому принадлежавшихъ, и нынѣ во владѣніи Короля Прусскаго остающихся, — также, никакое лицо, жительствующее въ Герцогствѣ Варшавскомъ или въ округѣ, присоединяемомъ къ Россіи, имѣющее въ Пруссіи маетности, доходы и пенсіоны, какъ въ разсужденіи особы своей, маетностей и доходовъ, такъ въ разсужденіи чина и достоинства не подвергается ни взысканію, ни изслѣдованію за участіе политическое или военное въ послѣднихъ произшествіяхъ.

XXIII. Равнымъ образомъ никакое лицо родившееся, жительствующее или поселившееся въ земляхъ, принадлежавшихъ Прусскому Королю до 1 Января 1772 года, и нынѣ

возвращаемыхъ ему по силѣ второй статьи сего договора, а особливо никто изъ составлявшихъ Берлинскую гражданскую гвардїю и корпусъ жандармовъ, и записавшихся въ службу для охраненїя общественной безопасности, за какое-либо участїе въ произшествїяхъ послѣдней войны не будетъ подверженъ наказанїю, ни изслѣдованїю какъ относительно особы своей, имѣнїя, доходовъ и пенсїоновъ, такъ и въ разсужденїи чина и достоинства.

XXIV. Обязательства, долги и повинности, какого бы рода ни были, которыя принялъ на себя Е. В. Король Прусскїй до начатїя нынѣшней войны, въ качествѣ владѣльца земель, областей, округовъ и волостей, отъ которыхъ Е. В. нынѣ отрицается, переходятъ на новыхъ владѣтелей, которые постараются исполнить должное безъ всякаго изъятїя, ограниченїя или уменьшенїя.

XXV. Денежные вклады и капиталы частныхъ людей, также духовныхъ, гражданскихъ и военныхъ заведенїй, принадлежащихъ землямъ, отъ которыхъ Е. В. Король Прусскїй нынѣ отрицается — (гдѣ бы ни хранились теперь сїи капиталы, въ Берлинскомъ ли банкѣ, или въ казначействѣ морскаго общества, или въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ, Е. В. Королю Прусскому принадлежащемъ) — не должны быть взяты

въ казну, ни описаны; напротивъ того хозяева упомянутыхъ вкладовъ и капиталовъ имѣютъ полную свободу распоряжать ими, и пользоваться процентами.

Тоже самое взаимно будетъ наблюдено въ разсужденіи вкладовъ и капиталовъ, принадлежащихъ подданнымъ и обществамъ Прусской монархіи, и хранящихся въ тѣхъ земляхъ, отъ которыхъ Е. В. Король Прусской отрицается по силѣ настоящаго договора.

XXVI. Архивы, въ которыхъ сохраняются письменные документы и вообще бумаги, относящіяся до земель, областей, округовъ и волостей нынѣ уступаемыхъ Е. В. Королемъ Прусскимъ, также карты и планы укрѣпленныхъ городовъ, цитаделей, замковъ и окоповъ, которыя въ упомянутыхъ земляхъ находятся, будутъ отданы повѣреннымъ Ихъ Величествъ черезъ три мѣсяца по утвержденіи и размѣнѣ сего договора, а именно:

Повѣреннымъ Е. В. Императора Наполеона бумаги и планы касающіеся до земель, находящихся на лѣвомъ берегу Эльбы;

Повѣреннымъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА Всероссійскаго, Е. В. Короля Саксонскаго и города Данцига бумаги и планы касающіяся до земель, которыя отдаются Ихъ Величествамъ и городу Данцигу.

XXVII. До размѣна будущаго окончательнаго мирнаго договора между Францїею и Англїею безъ изъятїя всѣ владѣнїя Е. В. Короля Прусскаго будутъ заперты для Англїйскихъ кораблей и торговли.

Между пристанями Е. В. Короля Прусскаго и островами Великобриттанскими не будетъ никакого сообщенїя, равнымъ образомъ никакой корабль, приплывшїй изъ Англїи или изъ ея селенїй, не будетъ впущенъ.

XXVIII. Немедленно сдѣлано будетъ взаимное сношенїе для приведенїя въ порядокъ всего того, что касается до срока и способа сдачи крѣпостей, возвращаемыхъ Е. В. Королю Прусскому, и до подробностей гражданскаго и военнаго управленїя земель равномѣрно возвращаемыхъ.

XXIX. Плѣнные съ обѣихъ сторонъ безъ размѣну всѣ вмѣстѣ будутъ отданы обратно, какъ только время дозволитъ сїе исполнить.

XXX. Настоящїй договоръ будетъ подтвержденъ Е. В. Императоромъ Французовъ, Королемъ Италїи, и Е. В. Королемъ Прусскимъ и размѣненъ въ Кенигсбергѣ черезъ шесть дней, или еще скорѣе, если можно.

Писанъ и подписанъ въ Тильзитѣ, 9 Іюля 1807 года.

На подлинномъ: К. Маврицїй Талейранъ, Князь Беневентскїй.
Фельдмаршалъ Графъ Калкрейтъ.
Августъ Графъ Гольцъ.

Сей договоръ подтвержденъ и размѣненъ въ Кенигсбергѣ 12 Іюля 1807 года.

(*Съ Нѣмецкаго.*)

III.

Извѣстія и замѣчанія.

Торжественное перенесеніе шпаги Фридриха II въ Инвалидной домъ было пріятнѣйшимъ, восхитительнымъ зрѣлищемъ для Парижскихъ жителей, великихъ охотниковъ до новизны и пышныхъ явленій. Трудолюбивые сочинители ежедневныхъ, еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ листковъ одинъ передъ другимъ старались краснѣе описать сіе знаменитое празднество. Все окончилось благополучно и повидимому ничего уже не осталось говорить о Фридриховой шпагѣ. Нѣтъ! брошено яблоко раздора, и начинается пря немаловажная! Прусскій Генералъ-Майоръ фонъ Гинрихсъ объявляетъ въ публичныхъ листкахъ, что *шпага, которую Парижскіе инвалиды почитаютъ принадлежавшею Фридриху Великому, есть вовсе не та*, и что *сей Монархъ никогда не носилъ ее.* Г. фонъ Гинрихсъ объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: во время погребенія Короля Фридриха, Штабъ-Офицеры стояли у гроба по очереди. Полковникъ гвардейскаго баталіона фонъ Ганефельдтъ,

которой потомъ умеръ въ Шлезіи Генералъ-Поручикомъ, отстоявши часы свои, по дружбѣ за тайну объявилъ фонъ Гинрихсу, что служивши Королю вѣрно пятьдесятъ лѣтъ, наконецъ *обокралъ его*, то есть взялъ съ гроба шпагу, положивъ свою на ея мѣстѣ. Гинрихсъ вызываетъ того изъ наслѣдниковъ Ганефельдта, или изъ Адъютантовъ, которому досталась шпага покойника, и проситъ представить оную Е. В. Королю Прусскому. — Одна изъ двухъ шпагъ есть конечно подложная. Любопытно знать, перестанутъ ли въ Парижѣ покланяться мнимой драгоцѣнности? Не думаемъ! вѣроятнѣе, что тихонько станутъ смѣяться надъ своею ошибкою; но вслухъ будутъ спорить, что шпага точно принадлежала Фридриху Великому. Статься можетъ, что найдутся еще свидѣтели и очевидцы, подобные тѣмъ, кои увѣряютъ, что на сраженіи подъ Фридландомъ Русскіе потеряли 17,500 убитыми и 40,000 человѣкъ въ плѣнъ доставшимися (*), между тѣмъ какъ достовѣрно извѣстно, что кромѣ больныхъ, лежавшихъ въ Фридландѣ, непріятелю ни одинъ человѣкъ не достался, и что Французы цѣлой день будучи храбро отражаемы, потеряли также не менѣе 10,000.

(*) См. 87 бюллетинъ Французскаго войска.

Англїйскїя войска точно оставили Египетъ, и возвращаются не въ Сицилїю, но прямо въ Англїю. Кажется, что Данїя теперь въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ недавно была Турцїя. Въ газетѣ Великобриттанской написано: „Датскому правительству сказано отъ Францїи, что она почтетъ объявленїемъ войны, если Данїя пропуститъ черезъ Зундъ Англїйскїй флотъ военный. Датское правительство послало нарочнаго къ Англїйскимъ Министрамъ съ увѣдомленїемъ и прозьбою.“ По письмамъ же изъ Гамбурга видно, что Бриттанской кабинетъ потребовалъ отъ Данїи рѣшительнаго отвѣта: „какую она сторону принять намѣрена, Англїи, или Францїи? Въ послѣднемъ случаѣ Англїйскїе флоты и сухопутныя войска тотчасъ овладѣютъ Зееландомъ“ — то есть, надлежало бы сказать: *попытаются* овладѣть. Надобно думать, что отвѣтъ, ежели онъ уже полученъ, не полюбился Англичанамъ; ибо войска Ганноверскїя, находившїяся на островѣ Рюгенѣ, посажены на корабли, и перевозныя суда присоединились уже къ Зундскому флоту. — Извѣстїе о заключенномъ на твердой землѣ мирѣ сдѣлало въ Лондонѣ сильное впечатлѣнїе. Лордъ Кастельригъ предложилъ въ Парламентѣ умножить военныя силы Англїи. Говорятъ даже, что положено отправить въ армїю часть милицїи, а сїю

дополнить новыми людьми, кому по жеребью достанется. — Стралзудъ окруженъ 50,000 Французовъ. Извѣстїе о сдачѣ сего города, и о начатїи мирныхъ переговоровъ не подтверждется. Пишутъ только, что Е. В. Король Шведскїй не отвѣчаетъ на пушечные выстрѣлы осаждающаго войска. Что бы это значило?

Рига, 16 *Августа*. Со вчерашнею почтою получены здѣсь извѣстїя, что Англичане дѣйствительно овладѣли Кроненбургомъ и Гельснигеромъ. Король Датскїй и Наслѣдный Принцъ уѣхали ночью изъ Копенгагена въ Голштинїю къ собравшемуся тамъ войску. Копенгагенъ запертъ со всѣхъ сторонъ. Для обороны столицы вызваны граждане, студенты и вообще всѣ жители; ибо войско Датское находится нынѣ въ Герцогствѣ Голштинскомъ. Думаютъ, что Копенгагенъ не въ силахъ будетъ долго защищаться, потому что число Англичанъ простирается до 20,000."

Августа 27.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

СЕНТЯБРЬ, 1807.

№ 18.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Отрыски изъ Путешествія г-на Шатобріана.

(Сей писатель, недавно возвратившійся въ Парижъ изъ Греціи, Палестины и Египта, печатаетъ теперь отрывки своего путешествія въ журналахъ.)

Въ сей странѣ — пишетъ г. Шатобріанъ о полуостровѣ Мореѣ — сердце путешественника на каждомъ шагу замираетъ; живыя развалины отвлекаютъ взоры его отъ развалинъ мраморныхъ и гранитныхъ. Дитя обнаженное, изнемогшее отъ голоду, обезображенное нищетою, показало намъ въ пустынѣ развалившіяся ворота Микенскія и гробницу Агамемнонову. Тщетно захотите мечтать о Музахъ въ Пелопонесѣ: вездѣ представляется вамъ печальная истина. Земляныя хижины походятъ болѣе на скотные

клева, нежели на жилища человѣческія; женщины и дѣти, покрытыя рубищами, убѣгаютъ отъ чужестранца и янычара; боязливыя козы прячутся въ горахъ; только собаки встрѣчаютъ странника пронзительнымъ воемъ своимъ: вотъ зрѣлище, которое не дозволитъ вамъ предаться сладкимъ воспоминаніямъ о прошедшемъ. Морея опустѣла; послѣ войны съ Русскими Турки начали жестоко притѣснять бѣдныхъ Мореитовъ; Албанцы истребили немалую часть жителей; вездѣ представляются взорамъ села, огнемъ и мечемъ разоренныя; въ городахъ, на примѣръ въ Мистрѣ, цѣлыя предмѣстія опустѣли: на разстояніи пятьнадцати миль не видѣли мы ни одного жилища. Грабежи и всякія обиды истребляютъ землепашество, истребляютъ все живущее въ отечествѣ Леонидовомъ. Выгнать Грека изъ собственной хижины его, отнять у него жену и дѣтей, убить его за мнимой, за малѣйшій проступокъ — все это для самаго послѣдняго аги деревенскаго есть сущая бездѣлица. Несчастный Мореитъ, потерявъ терпѣніе, оставляетъ родину, и въ Азіи ищетъ облегченія; но тщетно! нигдѣ нѣтъ для него убѣжища: вездѣ находитъ онъ пашей и кадіевъ, вездѣ — и на пескахъ Іордана и въ пустыняхъ Пальмиры.

Мы не изъ числа тѣхъ бодрыхъ почитателей древности, для которыхъ одинъ

Гомеровъ стихъ служитъ лѣкарствомъ, и облегчаетъ сердце. Мы никакъ не могли постигнуть того чувствія, о которомъ говоритъ Лукрецій:

Suave mari magno, turbantibus aequora ventis,
E terrâ magnum alterius ſpectare laborem (*).

Нѣтъ, мы не только безъ удовольствія смотримъ съ берега на кораблекрушеніе; но даже страдаемъ, видя, что другой страдаетъ. Тогда и Музы не имѣютъ власти надъ нами, кромѣ той, которая заставляетъ болѣзновать о несчастіи . . . .

И памятники страдаютъ не менѣе людей отъ варварства, здѣсь господствующаго. Грубой Татаринъ живетъ въ крѣпости, наполненной произведеніями Иктина и Фидія, живетъ и не заботится спросить, отъ какого народа остались вещи сіи; не хочетъ выдти изъ своей хижины, которую построилъ на развалинахъ памятниковъ Перикловыхъ. Иногда подвижному истукану сему приходитъ на мысль дотащиться до дверей своей берлоги; тамъ садится онъ поджавши ноги на запачканомъ коврѣ, и глупо смотритъ на берега Саламинскіе и на море Эпи-

(*) Т. е. Пріятно во время бури смотрѣть съ берега на опасности плавателей.

даврское; между тѣмъ табачной дымъ, выходящій изъ его трубки, вьется вокругъ столбовъ Минервина храма! Не возможно выразить, что мы чувствовали бывши въ Аѳинахъ, когда въ первую ночь отъ страха проснулись, услышавъ нестройные звуки барабана и Турецкой волынки, — звуки, которые раздались отъ вершины Пропилей (*)! Въ то же время мусульманской священникъ на Арабскомъ языкѣ объявлялъ часъ ночи христіянскимъ Грекамъ, обитателямъ града Минервина! Сей дервишъ напрасно напоминалъ намъ о теченіи времени: одинъ голосъ его, голосъ раздающійся въ сихъ мѣстахъ, ясно показывалъ уже, что вѣки минули!

Такое непостоянство судьбы человѣческой тѣмъ болѣе удивляетъ путешественника, что природа во всѣхъ прочихъ твореніяхъ своихъ кажется постоянною: какъ будто для насмѣшки надъ непрочностію народовъ, животныя не имѣютъ перемѣнъ ни въ правительствахъ своихъ, ни въ нравахъ. На другой день по пріѣздѣ въ Аѳины, мы видѣли аистовъ, которые строились въ полки на воздухѣ, и отлетали къ сторонѣ Африки. Со временъ Кекропсовыхъ сіи птицы ежегодно отправляются въ путь, и потомъ возвращаются на прежнее мѣсто. Сколько разъ

(*) Пышное зданіе, построенное Перикломъ.

они заставали въ слезахъ своего хозяина, котораго оставляли веселымъ! Сколько разъ тщетно искали своего хозяина и жилища его, гдѣ обыкли вить гнѣзда!

Отъ Аѳинъ до Іерусалима взорамъ путешественника представляется картина бѣдствій, которыя часъ отъ часу увеличиваясь, наконецъ въ Египтѣ приемлютъ видъ ужаснѣйшій. Тамъ-то видѣли мы, какъ пять вооруженныхъ шаекъ дрались за пустыни и развалины; тамъ-то видѣли мы, какъ Албанцы гонялись за несчастными дѣтьми, которые въ безпамятствѣ отъ страха прятались за стѣнами обвалившихся хижинъ. Изо ста пятидесяти деревень, находившихся на берегахъ Нила отъ Розетты до Каира, ни одна не осталась въ цѣлости. Часть Дельты остается невоздѣланною, чего можетъ быть не случалось еще съ тѣхъ поръ, какъ Фараонъ отдалъ плодоносную землю сію потомству Іакова! Большая часть Феллаговъ предана смерти; оставшіеся перешли въ верхній Египетъ. Поселяне, которые не могли разлучиться съ полями своими, отреклись воспитывать дѣтей . . . . . .

. . . . . .

Смотрящему съ горы Елеонской, лежащей по ту сторону Іоасафатовой долины, Іерусалимъ представляется равниною, на-

клоненною отъ восточной стороны къ западной. Стѣна съ зубцами, укрѣпленная башнями и готическимъ замкомъ, окружаетъ весь городъ, кромѣ одной части горы Сїонской, которая прежде также находилась въ городѣ.

На западной сторонѣ, и въ срединѣ города къ горѣ Голгоѳѣ, домы построены близко одинъ подлѣ другаго; но къ востоку, вдоль по долинѣ Кедрской, видны широкїя площади, въ числѣ коихъ окрестность мечети построенной на развалинахъ храма, также мѣсто почти опустѣвшее, гдѣ прежде возносился замокъ Антонїи и второй чертогъ Иродовъ.

Домы въ Іерусалимѣ суть нескладныя, толстыя глыбы, безъ трубъ, безъ окошекъ; верхи ихъ имѣютъ видъ плоскихъ насыпей или сводовъ, и походятъ на тюрьмы или на могилы. Всѣ зданїя представлялись бы ровною поверхностїю, еслибъ колокольни, минареты, вершины кипарисовъ, кусты сабуровые и копаловые не пестрили однообразїя картины. Взирая на каменные домы, окруженные каменными горами, вы спрашиваете: не кладбище ли это среди пустыни?

Входите въ городъ, и ни что не утѣшаетъ васъ, ни что не заставляетъ васъ

забыть о печальной внѣшности: блуждаете по тѣснымъ, невымощенымъ улицамъ, которыя поднимаются и опускаются; идете по волнамъ песку или по движущимся кремнямъ; холстины, протянутыя отъ одного дома до другаго, сгущаютъ мракъ сего лавиринѳа; наконецъ базары, сводами покрытые и смрадные, не даютъ пользоваться солнечными лучами. Немногія лавки показываютъ бѣдность и ничего болѣе; часто и онѣ бываютъ заперты, когда хозяева думаютъ, что кадій пойдетъ мимо; никого нѣтъ на улицахъ, никого у воротъ города: иногда только видите поселянина, которой прокрадывается въ тѣни, спрятавши подъ платьемъ плодъ своихъ трудовъ, и боясь чтобы солдатъ не отнялъ его; тамъ вдали Аравійской мясникъ бьетъ скотину, повѣсивъ ее за ноги къ стѣнѣ развалившейся; смотря на свирѣпой видъ сего человѣка, на окровавленныя руки его, думаете, что онъ теперь только умертвилъ подобнаго себѣ. Въ городѣ нѣтъ никакого шуму, ничего не слышно; только иногда отдается топотъ дикой кобылицы: это янычаръ везетъ голову Бедуина, или скачетъ грабить Феллага.

Остановимся на минуту среди столь необычайнаго опустошенія, и посмотримъ на предметы еще болѣе необычайные. Среди развалинъ Іерусалима живутъ члены двухъ

различныхъ народовъ, и вѣрою своею превозмогаютъ бѣдствія, всѣ ужасы. Тамъ живутъ христіянскіе монахи, коихъ ни что не въ состояніи принудить разлучиться съ гробомъ Іисусовымъ, — ни что, ни бѣдность, ни обиды, ни грозящія опасности. Ихъ пѣніе днемъ и ночью раздается въ окрестностяхъ святаго гроба. Поутру бывъ ограблены Турецкимъ правительствомъ, ввечеру они опять являются у подошвы Голгоѳы, опять молятся Іисусу Христу тамъ, гдѣ онъ молился о спасеніи всего рода человѣческаго. Чело ихъ свѣтло; на устахъ видите улыбку; съ радостію, съ усердіемъ встрѣчаютъ они чужестранца; не имѣя силъ, не имѣя воиновъ, они защищаютъ цѣлыя деревни отъ насильства. Жены, дѣти, стада сельскія, страшась палки и меча, ищутъ убѣжища въ монастыряхъ отшельниковъ. Чтожь удерживаетъ вооруженныхъ злодѣевъ преслѣдовать свою добычу? что мѣшаетъ имъ разрушить столь слабую ограду? человѣкоюбіе монаховъ. Они отдаютъ послѣднее за жизнь своихъ просителей. Турки, Аравитяне, Греки, христіяне разныхъ исповѣданій, всѣ прибѣгаютъ подъ покровительство Европейскихъ монаховъ, бѣдныхъ и беззащитныхъ. Здѣсь-то должно сказать съ Боссюэтомъ, что „руки, воздѣнныя къ небу, поражаютъ непріятелей „лучше нежели копьями вооруженныя.“

Такъ новый Іерусалимъ, *сіяющъ свѣтомъ, исходитъ изъ пустыни!* Теперь обратите взоры на мѣсто между горою Сіонскою и храмомъ; взгляните на людей, отдѣленныхъ отъ прочихъ жителей города. Сіе общество, всѣми презираемое, смиренно преклоняетъ выю, и никогда не жалуется; терпитъ всякія обиды, и не проситъ защиты; изнемогаетъ подъ бичемъ судьбы, и не плачетъ. Заносятъ ли мечь — оно подаетъ голову. Умираетъ ли кто-либо изъ членовъ сего отверженнаго общества — товарищъ, ночью украдкою, несетъ трупъ его на долину Іосафатову, и тамъ погребаетъ подъ сѣнію храма Соломонова. Загляните въ жилища сихъ людей: найдете бѣдность ужасную, найдете ихъ читающихъ таинственную книгу дѣтямъ, которыя нѣкогда также будутъ читать ее своимъ потомкамъ. Сей народъ и теперь продолжаетъ дѣлать то, что онъ дѣлалъ за пять тысячь лѣтъ прежде. Шесть разъ былъ онъ свидѣтелемъ разрушенія Іерусалима, и ни что не можетъ отнять у него бодрости, ни что не можетъ отвести взоровъ его отъ Сіона. Не льзя не дивиться чудесному разсѣянію Іудеевъ по лицу земному; но чтобы ощутить удивленіе сверхъестественное, надобно увидѣть ихъ въ самомъ Іерусалимѣ; надобно увидѣть, какъ сіи законные обладатели Іудеи живутъ рабами и странниками въ собственной

землѣ своей; надобно увидѣть, какъ они подъ тяжкимъ бременемъ ждутъ Царя, своего избавителя. Побѣдоносный крестъ водруженъ надъ ихъ головами близъ храма, отъ котораго ниже камня на камени не осталось; но они до сихъ поръ еще пребываютъ въ бѣдственномъ ослѣпленіи! Сильные Персы, Греки и Римляне исчезли на лицѣ земномъ, между тѣмъ какъ народъ немногочисленный, старшій ихъ по бытію, существуетъ въ развалинахъ своего отечества, и ни съ кѣмъ не смѣшивается. Вотъ истинное чудо! Но и того чудеснѣе, даже для Философа, сія встрѣча древняго Іерусалима съ новымъ при подошвѣ Голгоѳы: одинъ терзается при воззрѣніи на мѣсто Іисусова погребенія; другой радуется, присѣдя гробу, единому гробу, изъ котораго при кончинѣ вѣковъ никто не востанетъ.

(*Съ Франц.*)

II.

Карлъ Великій.

Изслѣдователь историческихъ событій долженъ прилѣжно разсматривать и въ точности представлять свойства и нравы тѣхъ великихъ людей, которые сдѣлали важныя перемѣны въ свѣтѣ для своего времени и для вѣковъ послѣдовавшихъ; ибо чѣмъ бо-

лѣе дано имъ блеску при жизни, тѣмъ болѣе *ложныхъ лучей* отсвѣчивается въ потомствѣ. Въ одномъ мѣстѣ по недоразумѣнію берутъ ихъ для себя образцами; въ другомъ имя ихъ во зло употребляется для ослѣпленія народа. . . . .

Нѣтъ сомнѣнія, что Карлъ Великій представляетъ важное лице въ исторіи вѣковъ среднихъ. Надѣюсь оказать моимъ читателямъ услугу, благодарности достойную, сообщивъ имъ сужденіе о семъ государѣ, извлеченное изъ прекрасной Сисмондіевой среднихъ вѣковъ исторіи, писанной на Французскомъ языкѣ. Оно во многихъ частяхъ справедливѣе и основательнѣе всѣхъ, какія мнѣ случалось читать о Карлѣ Великомъ:

„Сей Монархъ — говоритъ Сисмонди — приобрѣвшій власть надъ умами современниковъ, жилъ не въ своемъ вѣкѣ. Прежде него были люди, которые полудикою своею дѣятельностію и усиліями покоряли народы просвѣщенные; напротивъ того Карлъ, оставивъ далеко за собою вѣкъ свой, покорилъ варваровъ силою ума, отличнымъ дарованіемъ, знаніями. Карлъ Великій, имѣя способности законодателя и воина, получилъ еще въ удѣлъ творческій духъ и ту неусыпность, которою держатся государства. Онъ повлекъ за собою Германскіе народы на путь просвѣщенія, и при жизни своей ви-

дѣлъ чудесные успѣхи; связалъ варваровъ съ Римлянами союзомъ, и соединилъ ихъ подъ своимъ скипетромъ; наконецъ положилъ основаніе новому порядку въ Европѣ, — и порядокъ сей поддерживался добродѣтелями героя, благоговѣніемъ и удивленіемъ, которыя онъ вдыхалъ въ подданныхъ."

„Но да не подумаютъ, чтобы правленіе Карла Великаго послужило ко счастію народовъ. Онъ виновенъ предъ человѣческимъ родомъ за своихъ преемниковъ, за девятое и десятое столѣтія, несчастнѣйшія въ исторіи свѣта, за междоусобныя войны потомковъ, за опустошительныя нашествія варваровъ, за ослабленіе всей Европы, за совершенное разстройство всѣхъ государствъ, за возвращеніе невѣжества, котораго мракъ въ девятомъ вѣкѣ былъ гуще нежели въ осмомъ."

„Карлъ Великій основалъ почти всемірную монархію; однакожь не могъ онъ утвердить ее, подобно Римлянамъ, постепенными завоеваніями, семь сотъ лѣтъ продолжавшимися, — не могъ содѣлать прочными цѣпей, соединявшихъ побѣдителей съ побѣжденными, связать ихъ такъ, чтобы послѣдніе по неволѣ захотѣли составить одно тѣло съ первыми. Подданные Карла Великаго, покоренные въ продолженіе жизни одного человѣка, принадлежали собственно ему, а не народу. Отважность порабощенныхъ и любовь къ независимости должны были усту-

жить силѣ. Они потеряли духъ мужества и единомыслія, потеряли свое собственное правленіе, потеряли всѣ способы защищаться; однакожь не могли полюбить новую монархію. Насильственныя Карловы распоряженія чужды были справедливости. Тщетно опредѣлилъ онъ части для наслѣдниковъ; самодержавная власть его была слаба предъ властію времени, и должна была уступить частнымъ выгодамъ: вотъ начало войны между наслѣдниками Карла. Ни въ военномъ званіи, ни въ гражданскомъ не было общаго народнаго духа; разныя племена не могли чувствовать любви къ правительству, которое уничтожило многія другія правительства. И такъ не должно удивляться, что Норманны и Сарацины имѣли удачу; не должно удивляться, что обширнѣйшая Имперія, богатая храбрыми воинами, не могла удержать слабыхъ непріятелей (*) въ государствѣ, которое воз-

(*) Норманны и Сарацины были тогда въ сравненіи со Франками и съ Италіянцами то, что нынѣ Татары съ Европейцами. — Руссо въ своемъ *Общественномъ договорѣ* предсказываетъ, что Татары и Монголы еще одинъ разъ покорятъ Европу. Это можетъ сбыться тогда только, когда возникнетъ всемірная Имперія: и въ такомъ случаѣ надобно ожидать событія прежде двухъ столѣтій.

никло не изъ соединенія народовъ, но отъ власти одного лица; общій духъ народный, единомысліе не переходятъ къ другому поколѣнію."

„Извѣстно, что преемники Карла Великаго были люди обыкновенные, безъ дарованій: но таковъ порядокъ въ природѣ. Не льзя надѣяться, чтобы завоеватель Европы и основатель новой династіи по славномъ сорокалѣтнемъ царствованіи оставилъ достойнаго, равнаго себѣ преемника. Если же предположить, что два или три человѣка, подобныхъ Карлу, одинъ послѣ другаго вступали бы на престолъ Франковъ; въ такомъ случаѣ всемірная монархія конечно устояла бы; но Европа дорого заплатила бы за свои преимущества: люди скорѣе протекли бы первую половину пути къ просвѣщенію; но остались бы на одной степени, подобно Китайцамъ, и государство потеряло бы внутреннюю дѣятельность, внѣшнее могущество; потеряло бы чувство чести; погасли бы въ немъ дарованія и добродѣтели."

„Карлъ Великій затмилъ, такъ сказать, свое столѣтіе. Онъ одинъ сіялъ на позорищѣ свѣта; витязи его существуютъ только въ сказкахъ, и никто изъ современниковъ его, никто изъ людей жившихъ послѣ его смерти не прославилъ своего имени.

Прежде его не было недостатка въ великихъ людяхъ. Изъ числа народовъ покоренныхъ Карломъ, каждой имѣлъ государей, достойныхъ жить въ исторіи. Прежде его цѣлая половина человѣческаго рода не была подвластна одному начальнику, не была орудіемъ одной воли."

„Карлъ умеръ въ 814 году; съ нимъ вмѣстѣ погасъ блескъ имперіи, и части основанной имъ монархіи находились подъ владѣніемъ потомковъ его только семдесять три года. Настало правленіе вялое и недѣятельное, которое окончилось царствованіемъ Карла Толстаго. Сей государь, послѣдняя отрасль Карловскаго поколѣнія, сверженъ съ престола 887, и въ слѣдующемъ году умеръ."

(Съ Нѣм.)

III.

Обширность государства Россійскаго при самомъ его началѣ.

Пусть никто не мечтаетъ, вмѣстѣ съ Хилковымъ, со Щербатовымъ и съ Болтинымъ, о древнемъ великомъ *сѣверномъ* Россійскомъ государствѣ въ Новѣгородѣ, и о другомъ еще большемъ Россійскомъ же го-

сударствѣ *южномъ* въ Кіевѣ. Хилковъ говоритъ о послѣднемъ, что оно, какъ особливое независимое царство, стояло со временъ потомковъ Яфета и Мосоха до Оскольда и Дира! Щербатовъ даже измѣряетъ его, и находитъ, что оно въ длину простиралось на 1456 верстъ! О пространствѣ въ ширину и о числѣ жителей онъ умалчиваетъ. Странно, что и Татищевъ пишетъ: въ 879 году умеръ Рюрикъ, первый *Великій Князь* (ни въ одномъ старинномъ спискѣ Рюрикъ не названъ *Великимъ Княземъ*, но просто *Княземъ*), которой господствовалъ надъ *всею* Россіею 17 лѣтъ!

Есть одно только средство сказать что-нибудь основательное, и то вообще, о пространствѣ Рюриковыхъ владѣній. Во первыхъ справляюсь, какіе города упоминаются въ исторіи соединенія ихъ до прибытія Рюрикова, и нахожу *Новгородъ*, *Ладогу*, *Изборскъ*, *Бѣлозеро*, *Ростовъ*, *Полотскъ* и *Муромъ*. Потомъ — руководствуясь Указателемъ, хотя не очень вѣрнымъ, разстоянія между Россійскими городами, давно уже изданнымъ на Россійскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ — начинаю мѣрять отъ Новгорода, какъ отъ средоточія государства: на западъ до Изборска и до береговъ Чудскихъ 400 верстъ; на сѣверъ до Бѣлаго моря 500; на югъ и востокъ до Полотска 540 (?), до Ростова

800, до Мурома 817 верстъ. На сѣверѣ, югѣ и востокѣ въ точности нельзя назначить предѣловъ.

Такова была колыбель Твоей древней, великой и сильной Имперіи, АЛЕКСАНДРЪ Россійскій! Она, подобно всему великому въ природѣ, была малою при началѣ; но Эмаѳія, изъ которой Македонскій Александръ сотворилъ всемірную, хотя и непрочную, монархію, была еще меньшею; еще меньшимъ былъ Римъ, обладавшій свѣтомъ цѣлую половину тысящедѣтія!

Странствуя по картѣ Европы, съ циркулемъ въ рукахъ, съ удивленіемъ вижу неизмѣримыя пустыни и мѣста необитаемыя на всей сѣверовосточной трети нашего земнаго шара, до составленія государства Россійскаго. Это подаетъ мнѣ случай — вмѣсто отдыха послѣ мѣлкой критики — продолжить размышленія свои, начатыя въ другомъ мѣстѣ (*).

Какъ, *когда* и *гдѣ* люди получили бытіе на нашей планетѣ — не знаю; столько же знаю, *какъ* и *когда* первые люди зашли въ необитаемыя страны сѣвера. Нѣтъ

(*) То есть въ первой Части *Нестора*, гдѣ господинъ Шлецеръ разсуждаетъ о состояніи Сѣвера до временъ историческихъ.

сомнѣнія, что люди жили сперва подобно животнымъ; но что родъ человѣческій за 4000 лѣтъ передъ симъ началъ разцвѣтать, видимъ какъ будто сквозь тѣнь и облако. Это случилось въ другихъ частяхъ древняго міра, въ благословенныхъ странахъ при Нилѣ, Ефратѣ, Іорданѣ, и — что очень вѣроятно — при Гангесѣ. За двѣ тысячи лѣтъ передъ симъ большая часть рода человѣческаго отцвѣла, и даже многіе памятники древней образованности разрушены. Во все время сіе — и какъ долго! — населенная уже Европа покрыта была густою тмою невѣжества; ибо о Грекахъ, жившихъ на маломъ восточномъ уголку нашей части, говорить нечего. Между тѣмъ и сѣверному человѣку судьбами предназначено стремиться къ просвѣщенію, равно какъ всякому другому. Усовершенствованіе не имѣетъ предѣловъ; оно идетъ не останавливаясь; потребны только усилія и неутомимость, которыя житель сѣвера получаетъ отъ климата; напротивъ того обитатель юга скоро изнемогаетъ, лишается природной крѣпости. Для перваго нужны только побудительные способы извнѣ; Провидѣніе начало приготовлять ихъ за 2000 лѣтъ; оно составило три великія царства, которыя, однѣ прежде, другія послѣ, сдѣлались розсадниками просвѣщенія для всей Европы.

Римляне завоевали южную треть нашей части свѣта, и распространили знанія — которыя получили отъ Гетрусковъ, Грековъ, Египтянъ, Кароагенцовъ и Азіятскихъ жителей — до Рейна и Дуная, но не далѣе. Въ ихъ царствѣ возрасла прекрасная вѣра христіянская, которая при всѣхъ перемѣнахъ, съ нею случившихся, и теперь еще остается наилучшимъ способомъ дикихъ варваровъ превращать въ людей кроткихъ и добродѣтельныхъ.

Нѣмцы праваго берега Рейна, а особливо Франки съ пятаго столѣтія, и еще болѣе со временъ Карла великаго, то есть за 1000 передъ симъ, судьбою предназначены разсыпать первыя сѣмена просвѣщенія въ обширной сѣверо-западной части свѣта. Они исполняли волю Судьбы, имѣя въ одной рукѣ бердышъ, въ другой Евангеліе; даже до глубокаго сѣвера, до Сканинавіи за Балтійское море, куда не достигали Нѣмецкіе завоеватели, простерлись лучи просвѣщенія.

Оставалась обширнѣйшая часть нашего земнаго шара, страна сѣверовосточная по сю сторону Балтійскаго моря до Ледовитаго океана и Урала, — страна о которой не вѣдали ни Греки ни Римляне, и до которой не достигалъ ни одинъ Нѣмецъ. Передъ симъ за 1000 лѣтъ соединились разные на-

роды и составили одинъ, подъ названіемъ *Русскаго*, которому предназначено было распространить просвѣщеніе въ странахъ, повидимому забытыхъ самимъ Творцемъ природы. Стекшіяся обстоятельства чудеснымъ образомъ споспѣшествовали сему великому дѣлу. И здѣсь обитали люди, можетъ быть за нѣсколько тысячь лѣтъ: но ихъ было немного; они жили разсѣявшись по неизмѣримому пространству, не имѣли между собою взаимной связи, потому что не имѣли общаго языка, общихъ обычаевъ; а извѣстно, что люди до тѣхъ поръ не могутъ *сдѣлаться людьми*, пока не составятъ общества. По чему знать, какъ долго оставались бы они въ семъ состояніи при сей счастливой для полу-человѣковъ безчувственности, еслибъ ничто не пробудило ихъ! L'homme heureux ne médite guère, il n'y a que celui qui souffre qui médite. *Счастливый человѣкъ не размышляетъ; размышляетъ только терпящій угнетеніе.* Терпѣли и они отъ насильства дерзкихъ разбойниковъ, которые вторгались въ мирныя ихъ обиталища — терпѣли, и начали *размышлять*, начали заботиться о способахъ оградиться безопасностію извнѣ, а внутри наслаждаться тишиною. Еслибъ, не смотря на то, они остались при своей независимости, при демократическомъ единствѣ, какъ было-хотѣли; то союзъ ихъ

скоро сдѣлался бы слабымъ, подобнымъ Швейцарскому: но по стеченію обстоятельствъ избранный Старшина скрѣпилъ союзъ, и правленіе народное превратилось въ единоначаліе. При всемъ томъ живучи въ далекой странѣ отъ народовъ просвѣщенныхъ, люди сіи долго еще пребывали бы въ глубокомъ невѣжествѣ: ибо просвѣщеніе, которое Норманны принесли на берега ихъ, ни чѣмъ не лучше было того, какимъ за 120 лѣтъ передъ симъ козаки Европейскіе озарили Камчатку. Олегъ приходитъ въ Кіевъ, въ благословенную страну юга; Константинополь споспѣшествуетъ просвѣщенію сильными побудительными способами, изъ коихъ главнѣйшій — введеніе Христіянской вѣры. Внутреннее раздѣленіе, нашествія Половцовъ и Монголовъ, продолжавшіяся 400 лѣтъ, по несчастію при самомъ началѣ остановили успѣхи сего великаго дѣла. Іоаннамъ судьба предоставила обработывать новое, дикое, неизмѣримое поле (Сибирь): они, и послѣ ихъ Борисъ, Петръ I, Екатерина II, снова предпринимали спасительный подвигъ; теперь АЛЕКСАНДРЪ I совершаетъ его ревностно и премудро — просвѣщеніе подданныхъ есть любимое для Него упражненіе. Хвала и благодареніе да будетъ Ему и избраннымъ сотрудникамъ Его въ семъ дѣлѣ спасительномъ!

(*Изъ Шлецерова Нестора.*)

IV.

Соколъ и Филомела.

Летѣлъ Соколъ. Всѣ куры всхлопотались,
Скликать цыплятъ; бѣгутъ цыплятоцки, прижались
Подъ крылья къ маткамъ; ждутъ, чтобы напасть прошла.
Пѣвица Филомела,
Которая въ лѣсу пустынницей жила,
И въ тотъ часъ, на бѣду, къ подружкѣ полетѣла
Въ сосѣдственный лѣсокъ,
Попалась къ Соколу. Помилуй — умоляетъ —
Ужели соловьевъ соколій родъ не знаетъ!
Какой въ нихъ вкусъ! одинъ лишь звонкой голосокъ;
И только! вамъ, бойцы, грѣшно насъ пѣвчихъ кушать!
Не лучше ль пѣсенки моей послушать?
Прикажешь ли? спою
Про ласточку, сестру мою . . .
Какъ я досталася безбожнику Терею . . .
„Терей! Терей! я дамъ тебѣ Терея, тварь!
Годится ль твой Терей на ужинъ?“ — Нѣтъ, онъ царь!
Увы! сему злодѣю
Я вмѣстѣ съ Прогною сестрой
На жертву отдана безжалостно судьбой!
Склони соколій слухъ къ несчастной горемыкѣ!

Гармонія мила чувствительнымъ сердцамъ! —
„Конечно! на тощакъ и думать о музыкѣ!
Другому пой! я глухъ!“ — Я нравлюсь и
царямъ!
„Царь дѣло, я другое!
Пусть царь и тѣшится музыкою твоей!
Для насъ охотниковъ она пустое!
Желудокъ тощій безъ ушей!“ —

В. Ж — ій.

V.

Правила для трагедіи.

Всѣ народы просвѣщенные почитали драматическую поэзію полезною забавою, которая достойна внимательнаго разсмотрѣнія. Она раздѣляется на два рода: одна извѣстна подъ именемъ трагедіи, въ которой содержатся важныя и трогательныя приключенія жизни человѣческой; другая называется комедіею, которая представляетъ явленія веселыя и забавныя. Важныя приключенія привлекаютъ на себя общее вниманіе, потому что зрители болѣе участія принимаютъ въ бѣдствіяхъ героя, нежели въ женитьбѣ обыкновеннаго гражданина: и такъ трагедію всегда почитали зрѣлищемъ благороднѣйшимъ комедіи. Первая основывается на страстяхъ, добродѣтеляхъ и бѣдствіяхъ человѣческихъ; вторая на причудливостяхъ,

слабостяхъ, забавахъ. Трагедія дѣйствуетъ посредствомъ *ужаса* и *жалости*; смѣшныя странности суть единственное орудіе комедіи.

Трагедія есть картина человѣческихъ нравовъ и дѣяній; она есть близкое подражаніе тому и другому. Въ эпической поэмѣ свойства людей изображаются повѣствованіями и описаніями: напротивъ того здѣсь поэтъ скрывается; выходятъ однѣ только лица, дѣйствуютъ и разговариваютъ передъ вами, каждой соотвѣтственно своему нраву и обстоятельствамъ. Изъ сего видно, что сочинитель долженъ совершенно знать сердце человѣческое, ежели хочетъ возбудить сильныя движенія въ сердцахъ зрителей.

По закону мудрой природы, добродѣтель имѣетъ великую власть надъ душею человѣческою, и одна только можетъ возбудить наши страсти въ трагедіи. Поэтъ никогда не заставитъ насъ любить выставленное лице, если не дастъ ему свойствъ добродѣтельныхъ. Напротивъ того чтобы почувствовать негодованіе, стоитъ только посмотрѣть на человѣка порочнаго. Иногда сочинитель можетъ и долженъ представлять добродѣтель несчастною, потому что она въ самомъ дѣлѣ часто терпитъ угнетеніе; но всегда она должна являться въ любезномъ, трогатель-

номъ видѣ. Непремѣнное правило для стихотворца — чтобы въ концѣ трагедіи порокъ страдалъ, добродѣтель торжествовала. Злодѣйство томится среди самыхъ успѣховъ; внутреннія муки часто растворяютъ горечью всѣ наслажденія злаго человѣка: зритель видитъ это, и чувствуетъ, что порокъ и счастіе несовмѣстны. Вообще трагедія возбуждаетъ въ зрителѣ удивленіе къ добродѣтельнымъ нравамъ, состраданіе къ невиннымъ жертвамъ злобы, негодованіе противъ утѣснителей. Смѣло можно сказать, что впечатлѣнія, трагедіею производимыя, весьма удобны распространить въ обществѣ добрыя дѣянія и склонности.

Аристотель пишетъ, что главное дѣло трагедіи есть — очищать страсти людей посредствомъ ужаса и жалости, въ нихъ возбуждаемыхъ. Толкователи различно о семъ думаютъ. Не входя въ разсмотрѣніе разныхъ мнѣній, скажемъ свое; оно коротко и ясно: трагедіи цѣль есть возбуждать чувство добра. Ежели поэтъ заставилъ насъ полюбить добро; ежели вдохнулъ въ насъ состраданіе къ несчастію; ежели, представивъ намъ злоключенія другихъ, возбудилъ въ насъ намѣреніе наблюдать за своими поступками, чтобы не подпасть ошибкамъ: то онъ совершенно достигъ нравственной цѣли трагедіи.

Вопервыхъ поэтъ долженъ выбрать повѣсть достойную вниманія, трогательную; потомъ предложить ее въ порядкѣ естественномъ и правдоподобномъ. Правдоподобіе всегда долженствуетъ быть основою трагедіи, въ которой оно гораздо нужнѣе, нежели въ эпической поэмѣ. Трагедія, какъ точная картина дѣяній и жизни человѣческой, должна болѣе трогать сердце, нежели тѣшить воображеніе; для сего потребны истина и естественной порядокъ, а не чудесности, здравымъ разсудкомъ отвергаемыя. Посредничество баснословныхъ боговъ, которыхъ Эврипидъ обыкновенно выводилъ для развязки трагедіи; также тѣни мертвецовъ, которыхъ только чернь страшится, суть пособія весьма ненадежныя: онѣ обнаруживаютъ слабость сочинителя, и разрушаютъ правдоподобіе.

Нѣкоторые критики думали, что для основы трагедіи непремѣнно должно выбирать случаи историческіе или событія всѣмъ извѣстныя, чтобы правдоподобіе ни чѣмъ не было нарушено. Въ самомъ дѣлѣ таковы почти всѣ Греческія трагедіи. Однакожь правилу сему кажется не всегда въ точности должно слѣдовать; ибо опытъ показываетъ, что вымышленное произшествіе, искусно расположенное, также сильно трогаетъ сердце, какъ и подлинное; надобно

только, чтобы зритель видѣлъ въ немъ точное сходство съ обыкновеннымъ порядкомъ человѣческой жизни. Поэтъ, взявъ исторической случай за основу для своей трагедіи, можетъ не прибавить къ нему нѣкоторыхъ вымышленныхъ обстоятельствъ, которыя признаетъ нужными. Большая часть людей принимаетъ за одно истину и вымыселъ въ трагедіи, и даже не заботится о томъ спрашивать: правдоподобіе и порядокъ привлекаютъ на себя вниманіе зрителей, которые всегда берутъ участіе въ повѣсти, какъ скоро находятъ ее возможною и похожею на истину. Есть прекрасныя, разительныя трагедіи, основанныя на однихъ вымыслахъ: таковы Заира и Альзира Вольтеровы, и другія.

И такъ расположеніе и ходъ трагедіи дѣлаютъ ее правдоподобною, а правдоподобіе заставляетъ зрителей принимать участіе въ представленіи. Для того-то критики предписали важное правило о трехъ, такъ называемыхъ, единствахъ. Единство дѣйствія неоспоримо есть самое важнѣйшее. Оно требуетъ, чтобы всѣ посторонніія обстоятельства клонились къ одной цѣли; чтобы всѣ необходимо принадлежали къ главному случаю, и вели къ одной развязкѣ, и чтобы ни одно изъ нихъ не было лишнимъ. Трагической

поэтъ дѣлаетъ непростительную ошибку, когда въ одной драмѣ соединяетъ два разныя произшествія, совершенно постороннія и независящія одно отъ другаго. Вниманіе зрителя, будучи раздѣлено, ни на томъ ни на другомъ не останавливается. Нѣтъ сомнѣнія, что дозволяется помѣщать завязки зависимыя, то есть что лица могутъ имѣть разныя намѣренія и дѣйствовать различнымъ образомъ; однакожь требуется непремѣнно, чтобы поэтъ умѣлъ искусно направить ихъ къ главному дѣйствію; требуется, чтобы онѣ всѣ зависѣли отъ одной развязки. Вводныя приключенія, или такъ называемые эпизоды, исключаются изъ трагедіи; онѣ имѣютъ мѣсто въ эпической поэмѣ.

Не должно смѣшивать единства дѣйствія съ простотою завязки. Завязка называется простою, когда состоитъ изъ немногихъ приключеній; она можетъ быть сложною, можетъ представлять множество лицъ и приключеній, не нарушая ни мало единства; надобно только, чтобы всѣ приключенія связаны были съ главнымъ. Въ Греческихъ трагедіяхъ наблюдены и единство дѣйствія и простота завязки, такъ что онѣ иногда кажутся намъ сухими и бѣдными. Въ Софокловомъ Эдипѣ, напримѣръ, все содержаніе состоитъ въ слѣдующемъ: слѣпой Эдипъ идетъ въ Аѳины, гдѣ хочетъ

окончить несчастную жизнь свою. Сынъ его Полиникъ и Креонъ приѣзжаютъ въ сей же городъ, и каждой изъ нихъ, для разныхъ причинъ, старается склонить Эдипа возвратиться въ Ѳивы; старецъ не соглашается; Тезей приемлетъ его подъ свое покровительство; Эдипъ умираетъ. — Столь же просто содержанїе въ Софокловой трагедїи Филоктетъ: Улиссъ и сынъ Ахиллесовъ убѣждаютъ Филоктета оставить пустой островъ, и плыть съ ними къ Троѣ; онъ не соглашается до тѣхъ поръ, пока является Геркулесъ, котораго стрѣлы хранились у Филоктета, и приказываетъ ему слѣдовать за Греческими полководцами. — Сколь ни кажутся сухими то и другое содержанїе, однакожь Софоклъ умѣлъ составить изъ нихъ превосходныя, разительныя трагедїи.

Въ новѣйшїя времена трагедїю сдѣлали болѣе разнообразною, обогатили ее приключенїями; отъ того часто дѣйствїе бываетъ многосложно, запутано, и слѣдовательно не столь разительно. Зритель насилу успѣваетъ ловить приключенїя, и не можетъ удержать ихъ въ памяти. — Единство дѣйствїя (actio) не только нужно въ расположенїи басни или произшествїя, но оно же должно служить правиломъ въ раздѣленїи драмы на дѣйствїя (actus) и явленїя.

Нынѣшнее раздѣленіе трагедіи на пять дѣйствій основано на принятомъ обыкновеніи и на словахъ Горація:

Neve minor, neu ſit quinto productior actu
Fabula.

„Трагедія не должна имѣть ни болѣе ни менѣе пяти дѣйствій.“

Сіе раздѣленіе совершенно произвольное; Грекамъ оно было неизвѣстно. Въ Аристотелевой піитикѣ ничего о томъ не упоминается, гдѣ однакожь составныя части драмы опредѣлены со всевозможною точностію. Греки представляли трагедію отъ начала до конца безъ промежутковъ; лица не сходили съ театра и занавѣсъ не опускался. Правда, что когда уходили разговаривающія лица, всегда оставался хоръ; но Греческія трагедіи отнюдь не раздѣлялись на пять дѣйствій, вопреки предположенію нѣкоторыхъ истолкователей. Въ промежуткахъ времени, въ которое пѣли хоры, не примѣчается никакой правильности; они принаровляемы были къ обстоятельствамъ, и раздѣляли трагедію иногда на три, иногда на семь и восемь дѣйствій.

Въ новѣйшія времена принято обыкновеніе раздѣлять трагедію на пять дѣйствій, такъ что по окончаніи каждаго изъ нихъ

представленїе совершенно прекращается. Искусной поэтъ умѣетъ къ стати окончить каждое дѣйствїе и заставить зрителей предполагать, что нѣкоторыя приключенїя происходили между дѣйствїями.

Въ первомъ дѣйствїи предлагается начало содержанїя такимъ образомъ, чтобы оно возбудило нетерпѣливость въ зрителѣ, и въ то же время облегчило бы имъ способы узнать послѣдствїе. Здѣсь поэтъ долженъ познакомить его съ лицами, которыя будутъ дѣйствовать; показать ихъ намѣренїя, желанїя и положенїе, въ которомъ находятся въ ту минуту, когда начинается трагедїя. Въ старину объявляли зрителямъ содержанїе посредствомъ пролога, то есть актера, которой передъ началомъ представленїя выходилъ на сцену, и разсказывалъ все, что будетъ сдѣлано. Такимъ образомъ начинаются нѣкоторыя трагедїи Эсхиловы и Эврипидовы; но сей способъ, какъ противной искуству, совершенно оставленъ: признано лучшимъ увѣдомлять о содержанїи посредствомъ лицъ начинающихъ дѣйствовать.

Во второмъ, третьемъ и четвертомъ дѣйствїяхъ завязка продолжается, постепенно увеличиваясь. Поэтъ долженъ вести свою исторїю такъ, чтобы сердце зрителя безпрестанно было въ движенїи; иначе тра-

гедія потеряетъ свое достоинство. Онъ долженъ выводить лица необходимо нужныя, и ставить ихъ въ трогательныхъ обстоятельствахъ. Явленія, состоящія изъ однихъ разговоровъ, изъ пышныхъ словъ, ни къ чему не служатъ. Надобно чтобы дѣйствіе продолжалось безостановочно; надобно чтобъ неизвѣстность и безпокойство часъ отъ часу увеличивались въ зрителѣ: таковъ ходъ въ Шакеспировыхъ трагедіяхъ. Напротивъ того въ лучшихъ трагедіяхъ Французскихъ длинные разговоры часто ослабляютъ дѣйствіе. Сильное чувство, жалость, ужасъ должны наполнять трагедію, такъ чтобъ движеніе продолжалось отъ начала до конца; посстороннее обстоятельство, ненужный разговоръ останавливаютъ его — и вниманіе зрителя слабѣетъ.

Въ пятомъ дѣйствіи открывается развязка, и вмѣстѣ съ нею искуство поэта. Главное правило требуетъ, чтобы она была выведена вѣроятнымъ образомъ, ближайшимъ къ естественному порядку. Переодѣванье, ночная встрѣча, ошибка въ принятіи одного человѣка за другаго, и подобныя имъ похожія на сказку обстоятельства, почитаются недостаточными. Развязка должна быть всегда проста, зависѣть отъ немногихъ лицъ и немногихъ приключеній. Сердце не трогается многими предметами столь живо

какъ однимъ или малымъ ихъ количествомъ. Запутанныя обстоятельства напрягаютъ умъ, тогда какъ одно сердце должно принимать впечатлѣнія. Гдѣ происходитъ важная перемѣна въ судьбѣ человѣческой; тамъ ненужны ни блескъ остроумія, ни холодныя разсужденія, ни длинныя разглагольствія. Въ семъ случаѣ необходимо требуются отъ поэта важность, простота, сильное чувство и языкъ натуры.

У древнихъ часто оканчивались трагедіи узнаніемъ одного дѣйствующаго лица, которое до тѣхъ поръ почитали другимъ человѣкомъ. При искусномъ расположеніи, при трогательныхъ обстоятельствахъ сей способъ всегда имѣетъ хорошій успѣхъ. Очевиднымъ тому доказательствомъ служитъ Эдипъ Софокловъ. Изъ новыхъ трагедій Меропа Вольтерова и Дугласъ г-на Гоме почитаются образцовыми произведеніями по искусной развязкѣ посредствомъ узнанія.

Не требуется, чтобы трагедія непремѣнно оканчивалась несчастнымъ приключеніемъ. Добродѣтельныя лица, которыя торжествуютъ при развязкѣ, въ продолженіе трагедіи томленіемъ своимъ возбуждали въ зрителѣ безпокойство и состраданіе; этого и довольно. Аталія Расинова, Альзира, Меропа, Китайской сирота Вольтеровы и

нѣкоторыя Англїйскїя трагедїи имѣютъ конецъ счастливой.

Многїе критики изслѣдывали: отъ чего бываютъ прїятны болѣзненныя ощущенїя, производимыя трагедїею? отъ чего зрители, проливши слезы горести, снова приходятъ смотрѣть на печальное представленїе? Остроумные писатели различнымъ образомъ отвѣчаютъ на сїи вопросы. Слѣдующїй отвѣтъ едва ли не лучше всѣхъ прочихъ удовлетворяетъ наше любопытство. Мудрая и благодѣтельная природа надѣлила насъ способностїю наслаждаться удовольствїемъ, когда сердце бываетъ движимо добрыми страстями. Чувство любви и благости прїятнѣе всего на свѣтѣ. Человѣкъ, принимая участїе въ состоянїи подобнаго себѣ, въ тоже время вкушаетъ удовольствїе, нераздлучно соединенное съ симъ движенїемъ сердца. Всеблагое Провидѣнїе предназначило состраданїю или жалости быть одною изъ сильнѣйшихъ пружинъ поступковъ нашихъ, и сїя пружина имѣетъ свойство притягательное. Болѣзнованїе о несчастныхъ сопровождается нѣкоторымъ непрїятнымъ ощущенїемъ; но какъ оно есть плодъ благости, человѣколюбїя, то по свойству своему возбуждаетъ также и сладостныя чувства: слѣдственно когда сердце томится отъ несчастїя терпимаго ближнимъ, оно въ то же

время одушевляется чувствомъ благости и человѣколюбія; утѣха ими доставляемая превозмогаетъ непріятность, такъ что душа остается довольною симъ перевѣсомъ. Удовольствіе возрастаетъ отъ того, что мы одобряемъ въ себѣ похвальныя движенія сердца. Еще и другія обстоятельства уменьшаютъ болѣзненное ощущеніе, и увеличиваютъ пріятное. Мы утоляемъ печаль свою, думая, что она есть только вымыселъ, а между тѣмъ восхищаемся красотами поэзіи, высокими чувствами, словами, и самымъ представленіемъ. Кажется, что стеченіемъ сихъ различныхъ причинъ достаточно объясняется, отъ чего на трагическія представленія смотрѣть пріятно, хотя и терпимъ болѣзненныя ощущенія, ими въ насъ возбуждаемыя. Надобно замѣтить однакожь, что явленія слишкомъ ужасныя тяжелы для сердца; мы не любимъ ни читать такихъ трагедій, ни смотрѣть на нихъ.

Пришествіемъ новаго лица на сцену начинаются, такъ называемыя, явленія. Надобно чтобъ явленія сіи были связаны между собою. Въ продолженіе дѣйствія сцена не должна оставаться пустою ни на одну минуту, то есть лица не должны выходить всѣ вдругъ, и уступать мѣсто новымъ, послѣ нихъ приходящимъ. Такой промежутокъ останавливаетъ продолженіе дѣйствія. Фран-

цузы строго наблюдаютъ сїе правило; напротивъ того Англїйскїе сочинители трагедїй и комедїй не всегда уважаютъ его. У нихъ часто уходятъ всѣ лица, на мѣсто коихъ приходятъ другїя; отъ того нѣтъ связи между явленїями. Такїя трагедїи приличнѣе можно бы раздѣлить на десять или на двенадцать дѣйствїй, нежели на пять. Другое правило, столь же мало уважаемое Англїйскими сочинителями, въ томъ состоитъ, что ни одно лицо не должно ни появляться на сценѣ, ни уходить безъ надобности, безъ благовидной причины. Нѣтъ ничего противнѣе искуству, какъ выводить актера на театръ безъ явной нужды, или уводить его за кулисы только для того, что такъ было угодно сочинителю, которой не умѣлъ приличнымъ образомъ удалить его. Совершенство драмы требуетъ, чтобы она отъ начала до конца была подражанїемъ подлинному дѣйствїю, коего всѣ обстоятельства, всѣ тайныя пружины намъ извѣстны. Надобно чтобъ зритель зналъ, откуда приходятъ и куда уходятъ дѣйствующїя лица; надобно чтобъ онъ зналъ, какїя причины заставляютъ ихъ выходить на театръ, и сходить съ него.

Все сїе относится къ единству драматическаго дѣйствїя. Критики предписываютъ еще единство времени и единство

мѣста; гораздо труднѣе, и можетъ быть не столь нужно, въ точности наблюдать сіи послѣднія. Единство мѣста требуетъ, чтобы сцена не перемѣнялась, и чтобы дѣйствіе трагедіи продолжалось до самаго конца тамъ, гдѣ оно началось. Единство времени требуетъ, чтобы представленіе содержало въ себѣ столько времени, сколько содержитъ самое дѣйствіе. Однакожь Аристотель дозволяетъ поэту вмѣщать въ представленіе цѣлой день.

Оба сіи правила для того предписаны, чтобы какъ возможно меньше отягчать воображеніе зрителя невѣроятными обстоятельствами, и чтобы какъ возможно ближе подойти къ правдоподобію. Въ прочемъ надобно замѣтить, что Греческіе трагики необходимо должны были въ точности наблюдать правила единства времени и мѣста, и что сіи правила менѣе нужны для нашего театра. Выше сказано, что у Грековъ представленіе отъ начала до конца безперерывно продолжалось; трагедія не раздѣлялась на дѣйствія, слѣдственно не было промежутковъ; дѣйствующія лица или хористы не сходили съ театра ни на минуту. Напротивъ того нынѣ принятой обычай прерывать представленіе даетъ удобной случай зрителю вообразить, что между однимъ дѣйствіемъ и другимъ прошло нѣсколько

часовъ; онъ также удобно можетъ предположить, что перешелъ изъ одного дома въ другой, изъ одной улицы въ другую. Слѣдственно теперь нѣтъ крайней надобности жертвовать строгимъ правиламъ о единствѣ многими красотами, которыхъ не льзя ввести не нарушивъ оныхъ.

Древнія трагедіи показываютъ, что сочинители всячески старались преодолѣвать трудности правилъ о единствахъ. Сцена у нихъ не перемѣнялась, и потому обыкновенно предполагали они мѣсто представленія или на дворѣ передъ чертогами, или на площади, куда всякой могъ приходить свободно. Нужда представлять на площади то что обыкновенно дѣлается скрытно внутри дома, заставляла поэтовъ часто удаляться отъ правдоподобія; сверхъ того короткое время представленія принуждало ихъ стѣснять обстоятельства. Можно бы привести множество примѣровъ изъ Греческихъ трагедій, гдѣ происшествія, которыя требуютъ нѣсколькихъ часовъ, совершаются въ самое короткое время.

Хотя нынѣшніе поэты не стѣсняются строгими правилами единства времени и мѣста; однакожь не должно забывать, что свобода сія имѣетъ предѣлы. Не простительно заставлять зрителя переноситься изъ одного мѣста въ другое за сто миль, и

предполагать нѣсколько дней или недѣль въ представленіи, продолжающемся не болѣе трехъ часовъ; это значитъ — оскорблять здравой смыслъ, и драму превращать въ сказку. Поэтъ можетъ нарушить правила о единствѣ времени и мѣста, но только въ промежуткахъ дѣйствій; а въ самомъ представленіи онъ долженъ наблюсти ихъ въ точности, то есть въ продолженіе одного дѣйствія не перемѣнять сцены, и не предполагать времени болѣе того, сколько требуется для представленія. Французскіе трагики почитаютъ правило сіе ненарушимымъ; напротивъ того Англійскіе не уважаютъ его. Аддиссоновъ Катонъ, въ семъ отношеніи, есть одна изъ трагедій самыхъ правильныхъ.

Всякое драматическое представленіе чѣмъ ближе подходитъ къ порядку естественному и къ обыкновенной жизни человѣческой, тѣмъ сильнѣйшее дѣлаетъ впечатлѣніе. Правила о единствахъ важны потому, что даютъ видъ правдоподобія дѣйствію. Нѣтъ сомнѣнія, что ни единство мѣста, ни единство времени не обманутъ зрителей; никто, увидѣвши на сценѣ Римлянина или Грека, не подумаетъ о себѣ, будто и онъ точно перенесся въ Римъ или въ Аѳины; всякой совершенно увѣренъ, что это зрѣлище, подражаніе; однакожь требуется, чтобы сіе подражаніе было представлено искус-

но, и не уклонялось бы отъ правдоподобія. Неудачное, неискусное подражаніе возбуждаетъ въ зрителѣ досаду вмѣсто удовольствія.

Нѣкоторые критики думали, что въ трагедіи непремѣнно должны дѣйствовать лица знаменитыя потому будто бы, что ихъ судьба сильнѣе и скорѣе трогаетъ зрителей, нежели несчастія людей простыхъ, незнатныхъ. Намъ кажется, что высокой санъ представляемыхъ лицъ только служитъ для пышности зрѣлища, для внѣшняго украшенія, но едва ли усиливаетъ страсть и чувство. Отношенія родительскія, супружескія, сыновнія, дружескія и любовныя, изъ какого состоянія ни возмите ихъ, всегда приличны трагедіи, ибо всегда могутъ возбуждать сострадание въ сердцѣ зрителя.

Нравы дѣйствующихъ лицъ несравненно важнѣе для поэта, нежели ихъ званіе. Онъ долженъ всячески стараться представить свои лица и расположить принадлежащія къ нимъ обстоятельства такимъ образомъ, чтобы сдѣлать въ зрителяхъ впечатлѣніе, укрѣпляющее любовь къ добродѣтели и довѣренность къ Провидѣнію. Представляя невиннаго терпящаго угнетеніе, онъ долженъ всѣ обстоятельства расположить такъ, чтобы зритель не переставалъ

любить добродѣтель, и жребій невиннаго страдальца предпочиталъ бы состоянію счастливаго злодѣя. Надобно чтобы мученія совѣсти всегда представляемы были ужаснѣйшими для человѣка.

Аристотелевы замѣчанія о свойствахъ лицъ трагическихъ очень основательны. Онъ думаетъ, что нравъ совершенно безпорочный и нравъ совершенно злой не приличны для трагедіи. Бѣдствія человѣка добродѣтельнаго производятъ въ насъ отвращеніе; на бѣдствія злодѣя мы смотримъ равнодушно. Нравы смѣшанные, какіе обыкновенно видимъ въ людяхъ, служатъ хорошимъ средствомъ, безъ опасности для благонравія, изображать непостоянство человѣческой жизни. Мы смотримъ на нихъ тѣмъ охотнѣе, что сами въ себѣ испытывали подобныя страсти и движенія. Содержаніе трагедіи бываетъ весьма разительно, когда такія лица терпятъ несчастіе отъ пороковъ или злобы другихъ людей; но еще лучшимъ служитъ наставленіемъ для насъ, когда видимъ, что несчастный самъ виною своего состоянія, въ которое впалъ или по дѣйствію страстей, или по какой-либо слабости, свойственной человѣку. Такое содержаніе сильно трогаетъ, и вмѣстѣ служитъ полезнымъ для насъ урокомъ.

Основу многихъ древнихъ трагедій Греческихъ составляли опредѣленія судьбы, неизбѣжныя несчастія, отвѣты оракуловъ и мщеніе боговъ; въ нихъ довольно хорошихъ обстоятельствъ трагическихъ, но мало нравоучительныхъ: таковы Софокловъ Эдипъ, Эврипидовы Ифигенія въ Авлидѣ, Гекуба, и другія. Сіи трагедіи только внушаютъ почтеніе къ богамъ и безмолвное повиновеніе року. Напротивъ того въ новѣйшія времена трагедія объемлетъ гораздо большее пространство; она открываетъ слѣдствія нашихъ проступковъ; она показываетъ намъ слѣдствія честолюбія, ревности, любви, гнѣва и другихъ страстей человѣческихъ, когда разсудокъ не управляетъ ими.

Нынѣшніе поэты весьма часто прибѣгаютъ къ любви; напротивъ того въ древнихъ трагедіяхъ, если только выключить Эврипидова Ипполита, не найдете, чтобы страсть сія взята была за основу. Причины тому должно искать, вѣроятно, въ Греческихъ нравахъ, въ обыкновеніи жить розно одному полу отъ другаго, и можетъ быть въ томъ, что женщинамъ не дозволяли представлять на театрѣ. Хотя нѣтъ никакой надобности сгонять любовь съ театра; однакожь не льзя не удивляться, почему нынѣшніе поэты сдѣлали ее главною пружиною трагедіи. Вольтеръ, знаменитый критикъ

и вмѣстѣ поэтъ, сильно порицалъ сїе злоупотребленїе, которое, распространяя предѣлы трагедїи, унижаетъ ея достоинство. Смѣсь любовныхъ разговоровъ съ важными перемѣнами жизни человѣческой дѣлаетъ трагедїю школою волокитства и ребяческою забавою. Расинова Аталїя, Вольтерова Мерона и Гомовъ Дугласъ служатъ неоспоримымъ доказательствомъ, что трагедїя, и безъ помощи любви, можетъ сдѣлать сильное впечатлѣнїе. Принявши любовь за основанїе трагедїи, надобно сдѣлать ее главною пружиною дѣйствїя, надобно представить ее страстїю сильною, величественною, влекущею за собою важныя слѣдствїя.

Расположивши свою трагедїю, выбравши дѣйствующихъ лицъ, поэтъ долженъ прилѣжно заняться движенїями сердца. Надобно чтобы сїи движенїя приличны были нравамъ выводимыхъ лицъ и ихъ обстоятельствамъ. Выраженїя страсти всего труднѣе и всего важнѣе въ трагедїи. Зритель приходитъ смотрѣть ее для того, чтобъ растрогаться. Весьма немногїе получили въ удѣлъ отличную способность изображать страсти со всею точностїю и возбуждать участїе въ зрителяхъ. Надобно чтобы сочинитель имѣлъ нѣжное сердце, и зналъ бы всѣ подробности изображаемыхъ свойствъ и нравовъ; надобно чтобы онъ самъ почиталъ

себя лицемъ, которое описываетъ, и чтобы ощущалъ въ себѣ движенія, съ которыми хочетъ его представить; ибо, не чувствуя страсти, невозможно дать лицу языка страстнаго.

Человѣкъ, одержимый гнѣвомъ, горестію или другою какою-либо сильною страстію, никогда не описываетъ своихъ ощущеній, и не говоритъ, на что онѣ похожи. Такой языкъ приличенъ тому, кто спокойно изображаетъ состояніе другаго, или напримѣръ человѣку раздраженному, но когда гнѣвъ уже миновался. Въ Аддиссоновой трагедіи Люція, открывшись Порцію въ любви своей, въ тоже время клянется, что не выдетъ за него, пока состояніе дѣлъ общественныхъ не перемѣнится. Порцій, услышавъ сей неожиданный приговоръ, говоритъ: „Въ смятеніи, въ изумленіи взираю на тебя, подобно несчастному громомъ пораженному, которой еще дышетъ въ послѣднія минуты своей жизни, и представляетъ собою памятникъ небеснаго гнѣва.“ Можно ли такъ выражать собственную свою горесть и изумленіе? Въ сильной страсти ни одинъ человѣкъ не скажетъ о себѣ, кому онъ уподобляется. Языкъ его богатъ фигурами изображающими сильное безпокойство, какъ-то вопрошеніями, восклицаніями, обращеніями; не никогда не бываетъ въ немъ ни пыш-

ныхъ описанїй, ни холодныхъ длинныхъ разсужденїй; рѣчь его должна быть отрывиста, коротка и несвязна, словомъ — прилична состоянїю души его.

Французскїе поэты часто погрѣшаютъ противъ сего правила. Что касается до расположенїя трагедїи и до способовъ возбуждать умильныя чувствованїя, многїе изъ нихъ въ томъ и другомъ совершенно успѣли; но почти ни одинъ не успѣлъ удачно выразить сильную страсть сердца. Дѣйствующїя лица ихъ, будучи въ сильномъ движенїи, разсказываютъ пышно, разсуждаютъ остроумно, и стараются хвастать принужденнымъ краснорѣчїемъ. Софоклъ и Эврипидъ удачно обработывали часть сїю. У нихъ не найдете ни остроумїя, ни принужденныхъ мыслей; напротивъ того чувствованїя естественныя выражены просто и сильно. Шекспиръ съ неменьшимъ искуствомъ умѣлъ изображать сильныя страсти; по сей то причинѣ драматическїя сочиненїя его, при многихъ важныхъ погрѣшностяхъ, до сихъ поръ нравятся зрителямъ. Ни одинъ изъ писателей не умѣлъ такъ близко подойти къ натурѣ, съ такою точностїю перенять истинной языкъ страсти.

Въ заключенїе прибавимъ, что нравоучительныя правила и краткїя разсужде-

нія не должны быть часто полагаемы въ трагедіи, которой онѣ, ежели употребляются безъ надлежащей умѣренности, даютъ тонъ школьнаго сочиненія. Нравоучительныя разсужденія служатъ украшеніемъ трагедіи, когда произноситъ оныя лицо находящееся въ сомнительномъ положеніи; когда оно видитъ надъ другими, или само испытываетъ важныя перемѣны судьбы человѣческой.

Сіи правила, необходимыя для трагическихъ поэтовъ, извлечены изъ книги весьма уважаемой любителями здравой критики. Ежели сочинитель, трудящійся для пользы и увеселенія благороднѣйшей части гражданъ, искренно желаетъ доставить имъ удовольствіе; то непремѣнно долженъ принять себѣ закономъ правила искуства, которое давно уже приведено въ систему, и сдѣлалось наукою. Пріятнѣе заслужить похвалу отъ малаго числа мыслящихъ, просвѣщенныхъ зрителей, нежели отъ праздной толпы рукоплескателей, которые часто сами не знаютъ, чему удивляются.

VI.

Замѣчаніе для писателей.

Какая тому причина, что изъ трехъ или четырехъ сотъ политическихъ писателей въ Европѣ до сихъ поръ еще ни одному не пришло на мысль издать вновь обработанное Собраніе правилъ для политиковъ? Я думаю не о *Государѣ* Макіавеля, не о Сочиненіяхъ Бурка, но — о Басняхъ Езоповыхъ. Какая превосходная вышла бы книга, еслибъ собрать въ ней полезные примѣры историческіе и нравоучительные! какое неистощимое сокровище правилъ политическихъ! Возмемъ, напримѣръ, лисицу, которая, подкравшись къ сражающимся быкамъ, лизала текущую изъ нихъ кровь до тѣхъ поръ, пока бойцы не растерзали ее подхвативъ на воздухъ рогами; — или представимъ себѣ тѣхъ слабыхъ животныхъ, которыя ходили со львомъ на охоту, потомъ должны были отдать ему всю добычу и отказаться отъ своей доли; или — какъ нетопырь, которой, не принявши въ войнѣ между звѣрями и птицами никакого участія, послѣ битвы хотѣлъ присоединиться къ побѣдителямъ, былъ отъ обѣихъ сторонъ отверженъ и ненавидимъ. Послѣдняя басня есть плодъ глубокаго наблюденія. Можно принять за неоспоримую истину, что малое государство, непринявшее участія въ войнѣ между сильными сосѣдами, ничего

не выигрывало; напротивъ того всегда лишалось своей независимости. Сардинское королевство, принимая рѣшительное участіе во всѣхъ войнахъ между Австріею и Франціею, въ нѣсколько десятковъ лѣтъ сдѣлалось значительнымъ государствомъ; напротивъ того первая война, которую оно вело нерѣшительно, и отъ которой старалось отстать съ тѣмъ чтобы не брать въ ней никакого участія, была для него причиною невозвратнаго упадка. (*Съ Нѣмец.*)

VII.

О новыхъ иностранныхъ книгахъ.

Къ числу книгъ, вышедшихъ недавно въ Парижѣ, принадлежатъ и слѣдующія:

Histoire de Pologne depuis son origine jusqu'en 1795, et cet. par. F. M. M* * *; т. е. *Исторія Польши* отъ начала ея до 1795 года, въ которомъ сіе государство раздѣлено между Россіею, Пруссіею и Австріею. Приложено подробное описаніе о мѣстоположеніи, землепашествѣ, торговлѣ, просвѣщеніи, нравахъ, обычаяхъ и прежнемъ правительствѣ Польши. Съ эпиграфомъ:

- - - Revocate animos, moestumque timorem
Mittite, forsan et haec olim meminisse juvabit.
Virg. Aen. L. I.

Oeuvres d'Archimède et cet. par F. Peyrard, т. е. *Сочиненія Архимеда*, переведенныя какъ возможно ближе къ подлиннику; съ приложеніемъ замѣчаній, извѣстія о жизни его, разсмотрѣнія сочиненій его, разсужденія г-на Деламбра объ ариѳметикѣ древнихъ Грековъ, другаго разсужденія о зажигательномъ зеркалѣ Архимедовомъ, и наконецъ многихъ рисунковъ, искусно вырѣзанныхъ.

Corinne ou l'Italie; par Mdme de Staël-Holstein. Т. е. *Коринна, или Италія*; сочиненіе г-жи Сталь-Голштейнъ. Сія книга переведена уже на Нѣмецкой языкъ г-мъ Шлегелемъ. Вотъ что пишутъ о ней въ Рижскомъ Зрителѣ:

Извѣстная г-жа Сталь, дочь славнаго Неккера, сочинительница книги повѣсти Валеріи — много похваляемой, но мало читаемой — за четыре года передъ симъ ѣздила въ Италію, взявъ съ собою также извѣстнаго Нѣмецкаго писателя Августа В. Шлегеля. Кажется, что оба они вмѣстѣ учились, и старались приобрѣсть свѣдѣнія объ Италіи, сколько можно приобрѣсть ихъ читая исторію. Все это похвально и хорошо; но путешественникамъ нашимъ захотѣлось еще добиваться удивленія отъ свѣ-

шя, въ награду за понесенные труды при ученіи. Г. Шлегель историческія замѣчанія свои превратилъ въ нѣсколько сотень довольно стройныхъ гекзаметровъ, и поставилъ надъ ними надпись: *Римъ*, *Элегія*. Госпожа Сталь — которая хотя не пишетъ стиховъ, однакожь почитаетъ себя великою стихотворицею въ прозѣ, потому что плохая повѣсть, ею сочиненная, многимъ знатокамъ не понравилась — вздумала написать романъ, и вклеить въ него старыя свои новости. Старой Лордъ Нельвиль умираетъ; сынъ его — извѣстно, что Агличане весьма чувствительны! — впадаетъ въ страшную задумчивость, и чтобы разогнать скуку свою, отправляется въ Италію. Будучи дорогою тушитъ пожаръ въ городѣ Анконѣ, которой выгорѣлъ бы весь; потомъ пріѣзжаетъ въ Римъ въ то самое время, какъ совершается въ Капитоліи увѣнчаніе одной вдохновенной стихотворицы. Англичанинъ и Коринна (это имя ея) коротко знакомятся, и не нашедши для себя другаго дѣла, начинаютъ осматривать Римскія достопамятности. Тамъ и здѣсь примѣшаны разныя разсужденія, напр. „Еще Цицеронъ говаривалъ, мы ходимъ по слѣдамъ древняго міра: чтожь теперь сказать надобно!“ А для забавы читателей Англичанинъ и Коринна иногда чувствуютъ *сердечную колику*. Иначе не умѣю назвать судорожныхъ, сен-

тиментальныхъ припадковъ грусти, къ которой ничто не подаетъ повода. — Безпристрастной читатель въ Лордѣ Нельвилѣ увидитъ простака, въ Кориннѣ болтливую хвастунью ученаго разбора, въ разсужденіяхъ сущій вздоръ и проч.; однакожь книга написана плавнымъ слогомъ и переведена исправно, если выключить нѣкоторыя ошибки противъ языка. Есть книги хуже Коринны и ея перевода; по сей причинѣ г-жа Сталь и г-нъ Шлегель заслуживаютъ одобреніе.

ПОЛИТИКА.

I.

Взглядъ на новѣйшія произшествія на островѣ Сенъ-Доминго случившіяся.

Кто хочетъ видѣть картину Французской революціи въ маломъ размѣрѣ, тотъ пускай взглянетъ на исторію острова Сенъ-Доминго: картина сія поражаетъ взоры яркими красками, и превосходитъ самые ужасы Вандейскіе. Франція по крайней мѣрѣ тѣмъ счастлива при новомъ правительствѣ, что избавлена отъ внутреннихъ смятеній; напротивъ того на обширнѣйшемъ, плодоноснѣйшемъ и многолюднѣйшемъ островѣ западной Индіи уже семнадцать лѣтъ свирѣпствуютъ всѣ ужасы войны междоусобной. Удивительно, какъ до сихъ поръ еще не перевелись тамъ жители; но подъ жаркимъ небомъ свирѣпство съ похотливостію неразлучны. Негръ яростно, подобно тигру, днемъ сражается на полѣ битвы; но ввечеру, покрытый пылью и кровію, спѣшитъ въ объятія жены своей. Послѣ начала революціи созрѣло уже новое поколѣніе, которое теперь съ оружіемъ въ рукахъ защищаетъ свою вольность.

При началѣ революцїи считалось на островѣ Сенъ-Доминго болѣе 100,000 купленныхъ черныхъ невольниковъ. Когда провозглашены были права человѣческїя, народное собранїе не осмѣлилось дать свободу Неграмъ; но кромѣ ихъ жили на островѣ Мулаты и Креолы, большею частїю люди вольные. Послѣднїе составляли на островѣ Сенъ-Доминго благородное сословїе, равно какъ на всѣхъ островахъ западной Индїи. Сїе сословїе торговаго дворянства, произшедшее отъ крови Европейской, немногочисленное, но чрезвычайно богатое, презирало жителей оливковаго цвѣта и чернаго. Отецъ стыдился обѣдать за однимъ столомъ съ сыномъ своимъ, рожденнымъ отъ Мулатки. Когда народное собранїе издало первое опредѣленїе 25 Мая 1791 года с сравненїи Мулатовъ съ Креолами во всѣхъ правахъ, сїи послѣднїе сильно воспротивились тому, и Мулаты, желая удержать при себѣ новыя права, начали войну междоусобную. Мулаты, будучи слабѣе Креоловъ, которые имѣли на своей сторонѣ Французское войско, призвали черныхъ себѣ на помощь. Слово *свобода* загремѣло по всѣмъ лѣсамъ и на всѣхъ за одахъ, хотя Негры не имѣли никакого понятїя о свободѣ, и не могли благоразумною пользоваться. Всѣ сїи невольники убивали людей и опустошали островъ до тѣхъ поръ, пока народное собранїе не дало жите-

лямъ права самимъ для себя сочинить уложенїе. Зло отъ того еще болѣе распространилось. Бѣлые, Мулаты и черные захотѣли имѣть равное участїе въ законодательствѣ. — Когда уже погибло 40,000 человѣкъ, Мулаты соединились съ бѣлыми противъ черныхъ; но сїи проливъ рѣки крови сдѣлались всѣхъ сильнѣе, и бѣлые, которые не могли спастись бѣгствомъ, покорились ихъ власти. Кому приходило тогда на мысль, что въ числѣ сихъ бѣлыхъ, также и съ Мартиники убѣжавшихъ, находится будущая Французская Императрица!

Еще кто могъ бы ожидать, чтобы въ то время нашелся между черными человѣкъ съ такими великими способностями, съ такими знанїями въ политикѣ, въ законодательствѣ и въ искуствѣ военномъ, какїя имѣлъ Туссень? Онъ далъ жителямъ новое уложенїе, и возстановилъ спокойствїе на островѣ, не смотря на то что самъ имѣлъ грубые нравы и правила. Туссень былъ законодатель западной Индїи: но Доминг-ской островъ былъ бы счастливѣе, еслибъ къ намѣренїю отдѣлить колонїю отъ Францїи не примѣшалось честолюбїе. Наполеонъ послалъ для покоренїя острова 36,000 лучшихъ воиновъ своихъ, которые по окончанїи войны возвращались въ вѣнкахъ лавровыхъ. Черные побѣждены; Туссень поло-

жилъ оружїе, и отпущенъ на честное слово; но Генералы Христофъ и Дессалинъ не перестали воевать противъ Французовъ, которые, боясь предпрїимчивости и способностей Туссеня, отослали его подъ стражею въ Европу. Плѣнъ сего предводителя и скорая смерть его въ Тамплѣ, темницѣ Парижской, были знакомъ новаго возмущенїя для Негровъ. Тогда намѣренїя Наполеоновы въ первой разъ преткнулись; счастїе измѣнило ему, и побѣдители на поляхъ Маренгскихъ были побѣждены Неграми. Отъ 36,000 Французовъ осталось только 3000, которые побѣжали на Испанскую половину острова, и тамъ на силу удержались въ городѣ Санто-Доминго, до сего времени находящемся въ рукахъ Французскихъ. Французы принуждены были въ одно время сражаться и съ черными невольниками и съ желтою лихорадкою, которая не пощадила самаго ихъ военачальника, Наполеонова шурина. Тогда-то война явилась тамъ въ ужаснѣйшемъ видѣ. Европейцы, Креолы и Мулаты обоего пола побиты безъ милосердїя; остались только черные, и овладѣли тѣми заводами, на которыхъ они до того времени въ потѣ лица своего для другихъ работали. Лишь только Наполеонъ принялъ Императорское достоинство, то и Дессалинъ провозгласилъ себя Императоромъ же, а островъ Гаити назвалъ Имперїею!

Надобно признаться, что Африканскія племена и тогда остаются при грубыхъ и жестокихъ нравахъ своихъ, когда намъ кажется будто они становятся образованными. Свирѣпый Дессалинъ, подобный Марокскому чудовищу Мулею Измаилу, наконецъ сталъ мучить своихъ соплеменниковъ. Одно возмущеніе за другимъ слѣдовало, и напослѣдокъ разъяренные Негры изрубили Дессалина. Христофъ, первой Генералъ его, захотѣлъ быть Императоромъ; однакожь Негры, помня Дессалиновы свирѣпства, возненавидѣли самовластіе и потребовали республиканскаго уложенія, которое Христофъ на скорую руку и смастерилъ для нихъ на развалинахъ престола.

Вмѣсто заповѣднаго торгу съ Американцами, Христофъ старался учредить открытую торговлю со всѣми бѣлыми народами, жить мирно и дружественно даже съ Французами, владѣющими Испанскою половиною острова. Сіе-то намѣреніе подало поводъ включить въ уложеніе одну статью, въ которой сказано, что республика Сенъ Доминго (прежнее названіе Гаити опять отмѣнено) не будетъ воевать наступательно ни противъ какихъ государствъ, и останется довольною при спокойномъ обладаніи собственною землею.

Англичане, имѣя въ запасѣ на островахъ множество издѣлій, тотчасъ воспользовались симъ случаемъ. Выпросивъ отъ своего правительства дозволеніе свободно торговать съ островомъ Доминго, они получали за товары хорошую цѣну деньгами и въ замѣнъ тамошнія произведенія. Не была оставлена въ небреженіи и заповѣдная торговля съ частію острова, принадлежащею Французамъ. Спустя нѣсколько времени, Генералъ Петіонъ, въ дарованіяхъ не уступающій Христофу, но еще грубѣе въ нравахъ, славный по многимъ счастливымъ сраженіямъ, объявилъ себя противникомъ Христофа, которой сдѣлался Президентомъ новой, образованной совершенно поамерикански, республики; обвинялъ Христофа, будто онъ договаривается съ Французами о способахъ предать имъ весь островъ. Петіонъ отправился въ городъ Портъ-о-Пренсъ, распустилъ оттуда объявленія, собралъ людей, запасся порохомъ, свинцомъ, ружьями и пушками, и провозгласилъ Христофа измѣнникомъ. Христофъ въ свою очередь объявилъ Петіона мятежникомъ, и обѣщался выдать награжденіе тому, кто принесетъ его голову. Петіонъ обѣщалъ за Христофову голову вдвое большую награду, и сочинилъ новое уложеніе.

Христофъ въ городѣ Капѣ началъ приготовляться. Междоусобная война, которая казалась прекращенною, снова загорѣлась. Каждой изъ Генераловъ хочетъ получить господство на островѣ; между тѣмъ бѣдные Негры вовсе не вѣдаютъ, что будутъ сражаться для угожденія прихотямъ своихъ военачальниковъ, и думаютъ, что дѣло идетъ о свободѣ и независимости!

Англійскіе купцы испугались, и не знаютъ что будетъ съ товарами ихъ и съ ними самими; одни заблаговременно перебрались на корабли; другіе продаютъ за безцѣнокъ товары свои, чтобы скорѣе раздѣлаться; еще другіе стараются преклонить Негровъ на свою сторону, и обѣщаютъ Христофу прислать помощь съ Ямайки. Напротивъ того Французы ожидаютъ войска изъ Европы, и ежели оно въ самомъ дѣлѣ будетъ прислано, то не пропустятъ случая воспользоваться междоусобіемъ на островѣ; однакожь едва ли можно полагать, чтобы имъ удалось много сдѣлать. Негры обѣихъ сторонъ въ состояніи выставить сильныя войска, и наконецъ могутъ единодушно противустать бѣлымъ. У нихъ всѣ мысли къ тому клонятся, чтобъ составить изъ себя народъ свободной, независимой. Бичь невольничества до нынѣ свирѣпствовалъ между ними. Свободные Негры имѣли у себя

Негровъ невольниковъ, и поступали съ ними еще хуже нежели Европейцы. По новому уложенїю Президента Христофа невольничество навсегда уничтожено, и слѣдственно черные идутъ не *на задъ*, но поступаютъ *въ передъ* — только, увы! путь сей будетъ обагренъ кровїю и покрытъ мертвыми тѣлами.

(*Съ Нѣм.*)

II.

Статьи изъ уложенїя Варшавскаго Герцогства.

Отдѣленіе первое.

Отъ 1 до 4 статьи. Каѳолическая, Апостольская, Римская вѣра есть вѣра государства. Всѣ исповѣданїя свободно и явно отправляютъ свое богослуженїе. Варшавское Герцогство раздѣляется на шесть Епархїй, и будетъ содержать въ себѣ одно Архїепископство и пять Епископствъ.

Отдѣленіе второе.

Отъ 5 до 10 статьи. Герцогская корона Варшавская наслѣдственно принадлежитъ Королю Саксонскому, его преемникамъ, наслѣдникамъ и потомкамъ, по порядку въ Саксонскомъ домѣ установленному. Вер-

ховное правительство состоитъ въ особѣ Короля, которой отправляетъ дѣйствія исполнительной власти во всемъ ея пространствѣ, и одобряетъ законы. Король можетъ поручить Вице-Королю ту часть власти своей, которую отправлять самъ не признаетъ за благо. Ежели Король не почтетъ нужнымъ назначить Вице-Короля, то назначаетъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Въ семъ случаѣ дѣла разсматриваются Министрами въ совѣтѣ, и представляются Королю для подтвержденія. Король сзываетъ, отсрочиваетъ и назначаетъ день для собранія общаго сейма. Онъ также сзываетъ земскіе, окружные и частные сеймы. Онъ предсѣдательствуетъ въ сенатѣ, когда то признаетъ нужнымъ.

Собственность короны состоитъ: 1. въ ежегодномъ полученіи *семи миліоновъ* Польскихъ злотыхъ, коихъ одна половина получается изъ Королевскихъ волостей, другая изъ казны государственной; 2. въ Королевскомъ Саксонскомъ дворцѣ въ Варшавѣ.

Отдѣленіе третіе.

Отъ 11 *до* 18 *статьи.* Министерство состоитъ изъ Министра правосудія, Министра внутреннихъ дѣлъ и богослуженія, Министра военнаго, Министра доходовъ и

расходовъ; Министра благочинія, и Министра - Секретаря государственнаго. Министры подлежатъ отвѣту. Ежели Король почтетъ за нужное поручить Вице - Королю ту часть своей власти, которою самъ непосредственно заниматься не соизволитъ, въ такомъ случаѣ Министры, каждый по своей части, вмѣстѣ съ Вице - Королемъ трудятся. Ежели Король не назначитъ Вице - Короля, то Министры составляютъ Совѣтъ, по содержанію 8 статьи. Государственной Совѣтъ состоитъ изъ Министровъ подъ предсѣдательствомъ Короля, Вице - Короля, или особо назначеннаго Президента. Государственный Совѣтъ разсматриваетъ, сочиняетъ и опредѣляетъ законы и вообще соединеннаго правительства постановленія, которыя предлагаютъ Министры, каждой по своей части. Государственной Совѣтъ имѣетъ при себѣ шестьнадцать докладчиковъ. Рѣшенія, начертанія законовъ, опредѣленія и постановленія государственнаго Совѣта представляются Королю для одобренія.

Отдѣленіе четвертое.

О всеобщемъ Сеймѣ.

Отъ 19 до 22 статьи. Сеймъ состоитъ изъ двухъ Камеръ, а именно изъ Камеры Сената и изъ Камеры пословъ земскихъ.

Всеобщій Сеймъ бываетъ по одному разу въ каждые два года, и въ такое время, какое Король назначитъ. Засѣданія продолжаются не болѣе четырнадцати дней. Онъ разсуждаетъ о законахъ, относящихся до налоговъ или государственныхъ доходахъ и расходахъ, также о законахъ, касающихся до перемѣны гражданскихъ и уголовныхъ постановленій или монетной системы. Законы, сочиненные въ государственномъ Совѣтѣ, по предписанію Королевскому, представляются главному Сейму, разбираются по большинству голосовъ въ Камерѣ земскихъ пословъ, и отсылаются въ Сенатъ для одобренія.

Отдѣленіе пятое.

О Сенатѣ.

Отъ 23 до 34 статьи. Сенатъ состоитъ изъ 18 членовъ, а именно изъ 6 Епископовъ, шести Воеводъ и шести Каштелляновъ. Воеводы и Каштелляны назначаются отъ Короля; Епископы отъ него же назначаются, но постановляются отъ Святаго Престола (*). Въ Сенатѣ предсѣдательствуетъ одинъ изъ членовъ, Королемъ назначенный. Мѣста Сенаторскія даются на всю жизнь. Предначертанія зако-

(*) Т. е. Отъ Папы Римскаго.

новъ, о которыхъ въ Камерѣ земскихъ пословъ нижеозначеннымъ образомъ было разсуждаемо, представляются Сенату для одобренія. Сенатъ одобряетъ законы, выключая слѣдующіе случаи: 1. когда о законѣ разсуждаемо было противнымъ уложенію образомъ, или когда совѣщанія рушены были наглыми дѣйствіями; 2. когда Сенату извѣстно, что законъ принятъ не по большинству голосовъ; когда онъ видитъ, что законъ противенъ государственной безопасности или распоряженіямъ, сдѣланнымъ сообразно нынѣшнему уложенію. Ежели Сенатъ по упомянутымъ причинамъ не рѣшится одобрить предложенный законъ, то, сдѣлавъ предварительное разсужденіе, предоставляетъ Королю потребную власть для уничтоженія совѣщаній пословъ земскихъ. Ежели Сенатъ не одобрилъ закона по одной изъ двухъ причинъ во второй статьѣ здѣсь упомянутыхъ; то Король, выслушавъ мнѣніе Государственнаго Совѣта, можетъ обратно отослать предначертаніе закона, и предложить земскимъ посламъ, чтобы впредь поступали соотвѣтственно справедливости. Если же подобные безпорядки или при засѣданіи собранія, или при совѣщаніяхъ снова откроются; тогда Камера земскихъ пословъ распускается, и Король предпишетъ новые выборы. Когда засѣданія въ Камерѣ земскихъ пословъ будутъ прекращены, то

постановленіе о доходахъ и расходахъ отсрочивается на одинъ годъ, а гражданскіе и уголовные законы исполняются въ прежней ихъ силѣ. Ежели Сенатъ не одобритъ какого-либо закона; въ такомъ случаѣ и во всѣхъ другихъ Король можетъ отставить Сенаторовъ, назначить новыхъ, и опять отослать законъ въ Сенатъ на разсмотрѣніе. Сенатъ иногда можетъ состоять изъ шести Епископовъ, двенадцати Воеводъ и двенадцати же Каштелляновъ. Когда Король по праву выше означенному отставитъ Сенаторовъ, то на убылыя мѣста Воеводъ и Каштелляновъ опредѣляются другіе не прежде, какъ число дойдетъ до 18 членовъ. Когда Сенатъ одобритъ законъ, или когда Король, не взирая на сенатское разсмотрѣніе, повелитъ обнародовать его; въ такомъ случаѣ онъ имѣетъ всю силу, и непосредственно исполняется.

Отдѣленіе шестое.

О Камерѣ земскихъ пословъ.

Отъ 35 *до* 49 *статьи.* Камера земскихъ пословъ состоитъ 1. изъ 60 членовъ, которые присылаются отъ Сеймовъ или шляхетскихъ собраній въ каждомъ округѣ, то есть по одному члену отъ округа; земской посолъ долженъ быть не моложе 24 лѣтъ; 2.

изъ 40 пословъ отъ мирскихъ обществъ. Варшавское Герцогство раздѣляется на 40 мирскихъ обществъ, изъ коихъ 8 назначаются въ городѣ Варшавѣ, а 32 въ прочихъ частяхъ области. Каждое мирское общество должно имѣть по крайней мѣрѣ 600 гражданъ, способныхъ подавать голосъ. Члены Камеры земскихъ пословъ отправляютъ должность свою девять лѣтъ; третья часть ихъ смѣняется чрезъ каждые три года; и потому на первой разъ одна треть членовъ остается въ должности только три года, а другая шесть лѣтъ. Жребій назначитъ, кому изъ членовъ быть въ сихъ двухъ третяхъ. Въ Камерѣ земскихъ пословъ предсѣдательствуетъ Маршалъ, избранный изъ членовъ и подтвержденный Королемъ. Въ Камерѣ земскихъ пословъ производятся совѣщанія о предначертаніи законовъ, которые потомъ представляются въ Сенатъ для одобренія. Она при каждомъ засѣданіи назначаетъ особую коммисію государственныхъ доходовъ и расходовъ, и другую коммисію же гражданскаго и уголовнаго законодательства. (Слѣдуютъ за симъ правила о способахъ совѣщаній.) Члены Государственнаго Совѣта суть всегдашніе члены и Камеры земскихъ пословъ, гдѣ они засѣдаютъ и подаютъ голоса.

Отдѣленіе седьмое.

О Сеймахъ и мирскихъ обществахъ.

Отъ 50 до 63 статьи. Сеймы или окружныя собранія состоятъ изъ окружнаго шляхетства, а мирскія собранія изъ нешляхетской породы владѣльцевъ и другихъ гражданъ, способныхъ подавать голосъ. Сеймы и проч. собираются по Королевскому назначенію. Каждой членъ долженъ имѣть по крайней мѣрѣ двадцать одинъ годъ отъ роду. На Сеймѣ предсѣдательствуетъ Маршалъ, котораго избираютъ земскіе послы и проч.

Отдѣленіе осьмое.

О раздѣленіи области и объ управленіи.

Отъ 64 до 68 статьи. Вся область раздѣляется на шесть департаментовъ. Каждымъ департаментомъ управляетъ Префектъ. Каждой департаментъ имѣетъ свой главной Совѣтъ и проч. и проч. Округами управляютъ Унтеръ-Префекты, а частями Меры или Президенты. Каждая часть имѣетъ свой частной Совѣтъ. Префекты, Меры и проч. назначаются отъ Короля.

Отдѣленіе девятое.

О судебномъ порядкѣ.

Отъ 69 до 78 статьи. Въ Герцогствѣ Варшавскомъ дѣла производятся по Судеб-

нику Наполеонову. Въ каждомъ округѣ должны быть мирный судья; въ каждомъ департаментѣ гражданское судилище перваго иску; въ двухъ департаментахъ одинъ уголовный судъ; и наконецъ апелляцїонное судилище для всего Варшавскаго Герцогства. Государственный Совѣтъ отправляетъ должность Уничтожающаго Судилища. Одинъ Король имѣетъ право даровать прощенїе.

Отдѣленїе десятое.

О военной силѣ.

Отъ 79 до 81 статьи. Вооруженное войско должно состоять изъ 30,000 человѣкъ, кромѣ народной гвардїи. Король можетъ часть войска вывести изъ Герцогства Варшавскаго въ Саксонїю, и замѣнить ее такою же частїю войска Саксонскаго. Когда обстоятельства заставятъ Короля, кромѣ войска Варшавскаго, прислать въ сїе Герцогство отрядъ Саксонскаго войска; въ такомъ случаѣ не налагаются вновь никакїя тягости, кромѣ постановленныхъ законами о государственныхъ доходахъ.

Отдѣленїе одиннадцатое.

Общїя опредѣленїя.

Отъ 82 до 87 статьи. Король имѣетъ власть отставить каждаго отправляющаго временную должность, не исключая даже Вице-

Королевской; власть сія однакожь не простирается до пословъ земскихъ. Никто, не будучи гражданиномъ Варшавскаго Герцогства, не можетъ отправлять въ немъ должности ни духовной, ни гражданской или судебной; всѣ постановленія верховнаго правительства, законодательной власти, внутренняго правленія и судилищь будутъ писаны на отечественномъ языкѣ. Прежніе гражданскіе и военные ордены Польскіе сохраняются. Король есть начальникъ сихъ орденовъ. Настоящее уложеніе дополнено будетъ Королевскими постановленіями, которыя должны быть разсматриваемы въ Государственномъ Совѣтѣ.

Отдѣленіе двенадцатое.

Нынѣшніе налоги собираемы будутъ до 1 Января 1809 года. Число и устройство войска остаются въ настоящемъ ихъ положеніи, пока общій Сеймъ, которой будетъ созванъ, не сдѣлаетъ о томъ дальнѣйшихъ распоряженій.

Подписали Члены временнаго правительства: *Малаховскій, Предсѣдатель. Гутаковскій. Станиславъ Потоцкій. Дзялинскій. Вибицкій. Билинскій. Соболевскій.*

Наполеонъ, по Божіей милости и по конституціи Императоръ Французовъ, Король Италіи, Протекторъ Рейнскаго Союза.

Мы одобрили и одобряемъ вышеписанное уложенїе, которое предложено намъ по содержанїю пятой статьи Тильзитскаго договора, и которое мы признали удобнымъ къ исполненїю нашихъ обязанностей, относительно народовъ Варшавскаго и Великопольскаго, поелику вольности ихъ и преимущества соотвѣтствуютъ спокойству государствъ сосѣдственныхъ. Дано въ Королевскомъ дворцѣ въ Дрезденѣ, 22 Іюля, 1807.

Подписали: *Наполеонъ.*

Г. Б. *Маре* Министръ, Государственный Секретарь.

III.

Историческое извѣстїе объ Али-Пашѣ, нынѣшнемъ правителѣ Эпира и сопредѣльныхъ округовъ сей области.

Али-Заугменъ, прадѣдъ Али-Паши, былъ Грекъ, отпадшїй отъ вѣры въ 1726 году. Онъ сдѣлался извѣстнымъ, опустошая Эпиръ со многочисленною шайкою разбойниковъ, коихъ былъ начальникомъ, и которые наконецъ всѣ истреблены въ провинцїи Загори (*). Мучониго, сынъ упомянутаго Заугг-

(*) Загори есть главная провинцїя Янины. Земля въ ней гориста, жители умны и

мена и дѣдъ Али-Паши, также славный по разборямъ, имѣлъ сына Вели-Бея, которой всѣхъ превзошелъ успѣхами въ ремеслѣ своемъ. Онъ приобрѣлъ благосклонность Проэстосовъ, или старѣйшинъ страны, и получилъ отъ нихъ достоинство Паши Делвинскаго. Одинъ Грекъ, изъ мѣстечка Хормова, по имени Ихлаусъ, лишилъ его жизни. Одиннадцати-лѣтній сынъ Вели-Бея по смерти отца достался подъ опеку убійцѣ его, то есть пріятелю матери своей, которая, лично предводительствуя Хормовитами, имѣла частыя удачи въ сраженіяхъ противъ сильнаго Паши Бератскаго.

Али-Паша, будучи шестьнадцати лѣтъ отъ роду, оказалъ многіе опыты мужества и расторопности. Онъ постарался приобрѣсть благосклонность Эпирскихъ Проэстосовъ, и чрезъ ихъ предстательство у Порты сдѣлался начальникомъ всѣхъ входовъ въ Грецію. Паши и Аги Эпирскіе объявили Проэстосамъ, что они сами будутъ защищать Грецію, и требовали, чтобы Али былъ отправленъ въ Тепелинъ, мѣсто его рожденія. Проэстосы, боясь нажить сильныхъ непріятелей, исполнили ихъ желаніе. Али въ скоромъ времени склонилъ на свою

храбры; они управляютъ всѣмъ Эпиромъ, избираютъ и смѣняютъ Пашей. Изъ нихъ выбираются Проэстосы, или старѣйшины.

сторону Албанцовъ, съ ихъ помощїю разрушилъ до основанїя мѣстечко Хормовъ, защищавшее входъ въ Эпиръ, приказалъ умертвить Ихауса, убїйцу отца своего, укрѣпилъ сїе узкое мѣсто и посадилъ въ немъ охранное войско. Послѣ того потребовалъ отъ Яннинскихъ Проэстосовъ, чтобъ поручили ему еще другїя крѣпости. Въ сїе время Проэстосъ Георгъ Паскали постарался дать ему пашаликъ (губернїю) Делвино, по которому онъ сталъ именоваться Али-Пашею. Черезъ пять лѣтъ, то есть въ 1785 году, онъ получилъ пашаликъ Эпирскїй. Еще черезъ годъ данъ ему пашаликъ Трикальскїй, и наконецъ (1787), по предстательству Георга Паскали, Али-Пашѣ ввѣрено отъ Порты начальство надъ всѣми входами въ Грецїю. Чтобы предотвратить войну, коей признаки начинали оказываться, къ прежнимъ областямъ присоединили еще пашаликъ Яннинскїй. Съ тѣхъ поръ Али-Паша управляетъ самопроизвольно всѣми сими провинцїями, не имѣя ни одного совмѣстника.

Переселившись въ Яннину, Али-Паша началъ стараться какъ возможно болѣе привязать къ себѣ Проэстосовъ; посредствомъ ихъ онъ сдѣлался весьма сильнымъ, собралъ великое богатство, и теперь почитается первымъ Пашею въ Турцїи. Онъ отлично снисходителенъ къ Грекамъ, и желая угодить имъ, дозволилъ строить новыя церкви

и даже колокольни. Турки, видя къ себѣ постоянное неблаговоленіе отъ Паши, почти всѣ уѣхали изъ Эпира. Онъ украсилъ Янину огромными зданіями, построилъ въ ней цитадель, и прибавилъ нѣкоторыя новыя укрѣпленія. Въ самой цитадели соорудилъ два пышные дворца на образецъ Европейскихъ, а остающееся пространство занялъ анбарами, въ которыхъ столько хранится военныхъ и съѣстныхъ припасовъ, что можетъ съ ними три года выдерживать осаду противъ пятидесяти-тысячнаго войска. Въ городѣ, которой также укрѣпленъ хорошо, есть другіе два дворца великолѣпные. Не довольствуясь сими оборонительными средствами, Али-Паша дѣлаетъ теперь еще одно укрѣпленіе на высокомъ холмѣ близь города.

Въ 1795 году онъ построилъ столь же великолѣпной дворецъ на островѣ среди озера. Еще съ 1789 года находилась тамъ башня, въ которой онъ собиралъ своихъ совѣтниковъ. Сіе озеро защищается четырью небольшими судами (изъ коихъ каждое имѣетъ по 12 пушекъ), построенными Венеціянскимъ мастеромъ. Богатства Али-Паши, собранныя имъ въ короткое время и состоящія въ имѣніи движимомъ и недвижимомъ, суть безчисленны. Ежегодной доходъ его простирается до 4,000,000 піастровъ. Онъ обладаетъ всѣмъ Эпиромъ; успѣлъ прогнать и

разсѣять людей, которые могли безпокоить его нападенїемъ; укрѣпилъ всѣ проходы въ область свою, и наконецъ, на случай продолжительнаго несчастїя, приготовилъ для себя надежное, непреодолимое убѣжище, въ которомъ будетъ безопасенъ какъ отъ внѣшнихъ непрїятелей, такъ и отъ внутреннихъ.

Такимъ образомъ Али-Паша сдѣлался страшенъ не только для Турковъ, но и для всѣхъ тѣхъ, которые захотѣли бы овладѣть Грецїею. Онъ примѣтилъ, что Греки по многолюдству своему и по богатству составляютъ господствующїй народъ въ его области, и что между ними и поселившимися тамъ Турками безпрерывно продолжается непрїязнь самая жестокая; по сей причинѣ онъ постарался преклонить Грековъ на свою сторону, предоставивъ имъ различныя выгоды и преимущества. Унижая Турковъ, онъ мало по малу отнималъ у нихъ богатства, и себѣ присвоивалъ; сими способами избавился отъ опаснѣйшихъ своихъ непрїятелей, и въ то же время привязалъ къ себѣ народъ, которой, не имѣя лучшей надежды, предпочелъ господина снисходительнаго и милостиваго прежнимъ своимъ утѣснителямъ. Въ Эпирѣ и въ Ѳессалїи нѣтъ теперь ни одного семейства Турецкаго, которое особенно отличалось бы своимъ богатствомъ или значительностїю.

Число войскъ его простирается отъ 10 до 16,000 человѣкъ; онъ можетъ умножить его до 20, и даже до 30,000. Всѣ солдаты исправно получаютъ жалованье; всѣ магазины запасены впередъ на три года, и въ случаѣ надобности могутъ быть наполняемы изъ плодоносныхъ земель Греціи. Али-Паша покупаетъ оружіе у чужестранцовъ, и дѣлаетъ оное въ городахъ своей области. Онъ держитъ у себя во всегдашней готовности людей разсылаемыхъ съ повелѣніями, которыя исполняются не только въ его области, но даже въ Турціи до береговъ Дунайскихъ, и даже въ Валахіи и Молдавіи. Въ службѣ его находится много чужестранныхъ офицеровъ артиллерійскихъ и инженерныхъ, которые въ заведенномъ училищѣ преподаютъ науки тремъ стамъ юношамъ. — Али-Паша былъ тайнымъ другомъ Пасвана-Оглу, съ которымъ заключилъ союзъ.

Хотя онъ воспитанъ въ Турецкой вѣрѣ и слыветъ магометаниномъ; однакожь въ самомъ дѣлѣ не уважаетъ ее, и никто въ семействѣ его не исполняетъ предписанныхъ правилъ благочестія. Можно сказать, что онъ не держитъ никакой вѣры. Никогда не видали его въ мечетяхъ, о которыхъ онъ вовсе не заботится, и которыхъ не строитъ ни въ Яннинѣ, ни въ Эпирѣ. Хри-

стїянскую вѣру онъ столько же почитаетъ; однакожь приказываетъ сооружать Греческїя церкви, надѣляетъ ихъ вещами, служащими для украшенїя, и вообще всѣмъ потребнымъ для богослуженїя.

Али имѣетъ достоинство Паши трехъбунчужнаго; сыновья его именуются двухъбунчужными. Онъ купилъ для нихъ провинцїи, которыми управляетъ посредствомъ намѣстниковъ. Одному сыну побочному далъ права законныхъ дѣтей. Первой сынъ Мухтаръ получаетъ доходу 1,000,000 пїастровъ, другой Вели — 700,000. Мухтаръ любимъ солдатами; Вели жестокъ, мстителенъ и похожъ на отца своего. Али-Паша недоволенъ Мухтаромъ, и потому, миновавъ его, младшаго сына Вели поручилъ благосклонности Проэстосовъ. Всѣхъ дѣтей дома Алїева учатъ Греческому и Французскому языкамъ.

(*Взято сокр. изъ Сѣв. Журн.*)

IV.

Извѣстїя и замѣтанїя.

Новое уложенїе Варшавскаго Герцогства, какъ всякой легко усмотрѣть можетъ, ни мало не походитъ на республиканскую кон-

ституцію *третьяго Мая.* Поляки ознаменовали эпоху своей *независимости* нѣкоторымъ безпокойствомъ; пишутъ даже, что между Французскими и Польскими войсками въ Варшавѣ произошла драка. Поляки жалуются, что ихъ одурачили; что имъ обѣщано было Королевство, а не Герцогство; что они, вмѣсто одного Нѣмецкаго Короля, получили другаго Нѣмецкаго же; что прежде Польша раздѣлена была только на три части, а теперь на *четыре* и проч. Неблагодарные!! — Польскіе вельможи просили не дѣлать перемѣны въ правахъ помѣщичьихъ; имъ отказано. Потомъ просили они отсрочки хоть на *пять* лѣтъ; имъ сказано рѣшительно: *ни на одинъ часъ* (pas une heure). — По списку, напечатанному въ вѣдомостяхъ, явствуетъ, что немногимъ только изъ Поляковъ даны помѣстья, а именно тремъ Князьямъ Сапѣгамъ староство Пршїемское, да Генераламъ Домбровскому и Зайончеку назначены (еще неизвѣстно гдѣ) земли цѣною въ одинъ милїонъ Прусскихъ гульденовъ. Напротивъ того болѣе двадцати Французскихъ Маршаловъ и Генераловъ получили въ Польшѣ княжества и староства.

*

Уже давно примѣчено движенїе войскъ Австрїйскихъ въ Галицїи. Нѣсколько разъ повторяемы были извѣстїя о прибытїи но-

выхъ полковъ въ сїю область; даже писано было, что и Эрцгерцогъ Карлъ шуда же отправился. Извѣстно также, что и Французскїе корпусы въ разныхъ мѣстахъ собираются. По данному повелѣнїю къ 1 Сентября должны выступить въ походъ 60,000 Саксонцовъ, 40,000 Виртембергцовъ и столько же Баварцовъ. Между Шпандау и Марїенбургомъ расположился корпусъ войскъ изъ 60,000 Французовъ состоящїй. До обнародованїя мирныхъ статей и Варшавскаго уложенїя думали, что Францїя требуетъ Галлицїи, которую Австрїя уступить не соглашается. Сїи движенїя повидимому не предвѣщаютъ спокойствїя. Впрочемъ на вѣроятности полагаться не должно, а особливо въ наше время. Друзья тишины, столь нужной теперь для утомленной Европы, утѣшаютъ себя надеждою, что война не возгорится; они говорятъ, что Францїя оказываетъ отличное уваженїе Австрїйскому дому, ибо Великїй Герцогъ Вирцбургскїй получитъ высшее достоинство, и владѣнїя его будутъ увеличены во Франконїи.

*

Къ числу новостей не маловажныхъ принадлежитъ извѣстїе, что — между тѣмъ какъ Испанцы странствуютъ въ сѣверной Германїи — въ Байонѣ собирается сорокатысячный корпусъ Французовъ. Начальникомъ онаго назначенъ Генералъ Жюно, Па-

рижскій Губернаторъ, которой въ званіи *посланника* ѣдетъ въ Португаллію уговаривать Принца-Регента, чтобы онъ не впускалъ Англичанъ въ свои пристани. Англійскій посланникъ въ Лиссабонѣ отправилъ ко двору своему бумаги, изъ коихъ видно, что Португаллія не можетъ оставаться при нынѣшнихъ своихъ расположеніяхъ. Не нужно сказывать, какую она возметъ сторону. Прежде было положено, чтобы дворъ Лиссабонскій переправился въ Бразилію, въ такомъ случаѣ, когда невозможно будетъ противиться Французамъ. Кто знаетъ, возвратился ли бы онъ въ Европу послѣ такого странствованія! Притомъ же не должно забывать, что для Англіи не столько нуженъ дворъ Лиссабонскій, сколько торговля съ его владѣніями. — Если же Португаллія пристанетъ къ сторонѣ Францiи; то Англичане непремѣнно поспѣшатъ овладѣть Бразиліею — чего въ самомъ Лиссабонѣ весьма опасаются.

*

Въ продолженіе Парламентскихъ споровъ 31 Іюля Государственный Секретарь Каннингъ произнесъ между прочимъ: „Прежніе министры сдѣлали важныя упущенія. Какъ невыгодно станутъ думать на твердой землѣ о послѣднихъ поступкахъ Великобританіи! Ежели одинъ могущественнѣйшій Монархъ скажетъ Англійскому Минисп-

ру: „Для чего не подали вы помощи? „Ваша собственная польза требуетъ умалять „Францїю; а вы на насъ однихъ всю тя„гость возлагаете. Мы сражались съ Фран„цузами, пришедшими отъ береговъ близкихъ „къ Англїи, и узнали отъ нихъ, что „вы не старались даже сдѣлать никакого „отводу въ нашу пользу.“ Какой отвѣтъ можно дать на сей вопросъ? Такъ ли мы поступали съ сѣверною нашею Союзницею, какъ поступать должно съ дружественною державою? Она увидѣла, что всѣ наши обѣщанїя тщетны, и заключила миръ;“ и проч.

❋

Англичане распустили по острову Зеландїи письменныя объявленїя, которыми увѣряютъ жителей, что они пришли не сражаться съ Датчанами, но защищать ихъ отъ Французовъ. Въ одномъ Рижскомъ листкѣ написано, что Копенгагенъ по кровопролитномъ сраженїи взятъ приступомъ; напротивъ того въ другомъ сказано, что по городу палятъ жестоко, но что Англичане еще не овладѣли онымъ. Комменданть крѣпости, Генералъ-Маїоръ Пейманъ, издалъ слѣдующее объявленїе: „Сограждане! Великобриттанское правительство уже въ другой разъ оскорбляетъ право народное и нарушаетъ наше спокойствїе; уже въ другой разъ Англїйскїя войска вѣроломнѣйшимъ образомъ напада-

ютъ на главной нашъ городъ. Враги избрали къ тому такое время, когда войска отозваны къ берегамъ Эльбы, чтобы тамъ охранять наше спокойствіе. Однакожь они ошиблись въ счетѣ нашихъ силъ и средствъ оборонительныхъ. Они забыли, что духъ Фридриха (т. е. наслѣднаго Принца) живетъ между нами, и насъ одушевляетъ. Сограждане! мнѣ поручено вмѣстѣ съ вами сражаться за честь и отечество. Восторгъ объемлетъ меня, когда вижу вашу горячую любовь къ отечеству и непоколебимое мужество. Васъ ободрять не надобно. Я увѣренъ, что любезный нашъ Кронъ-Принцъ, возвратившись сюда обратно, опять узнаетъ насъ." — Кронъ-Принцъ теперь находится въ Голштиніи.

*

Стралзундъ отданъ Маршалу Брюну, и теперь уже занятъ Французами. Шведское войско переправилось на островъ Рюгенъ. Издатель Рижскаго Зрителя увѣряетъ, ссылаясь на частныя письма, что Е. В. Король Шведскій палитъ по Стралзунду, за то что городъ сей и Чины Померанскіе въ послѣднія недѣли поступали не такъ, какъ вѣрнымъ подданнымъ прилично.

13 *Сентября.*

При семъ нумерѣ прилагается рисунокъ памятника Князю Пожарскому и Минину.

Соч. Н. П. Мартосъ, Адъюнктъ Ректоръ С.Пб. Академіи Художествъ.

Князь Д. М. Пожарской и Косма Мининъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ОКТЯБРЬ, 1807.

№ 19.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Титъ-Ливій и Тацитъ.

Римской народъ при всѣхъ удачахъ своихъ былъ счастливъ еще и тѣмъ, что въ Титѣ-Ливіѣ и Тацитѣ имѣлъ такихъ дѣеписателей, которые лучше всѣхъ могли передать потомству славную судьбу его, и которыхъ дарованія, будучи весьма различны между собою, въ точности соотвѣтствуютъ времени, каждымъ изъ нихъ описанному. Титъ-Ливій долженъ былъ изображать дни славы и счастія, почти безпрерывно продолжавшіеся — и слогъ его, благородный, плавный, великолѣпный, совершенно приличествуетъ повѣствованію. Тацитъ, жившій во времена угнетенія и бѣдствій, долженъ былъ принять напѣвъ важный, замысловатый, иногда плачевный, словомъ — соотвѣтствующій описываемымъ

произшествіямъ. Однакожъ надобно замѣтить, что въ обширномъ Тита-Ливія сочиненіи, содержащемъ въ себѣ исторію отъ основанія Рима до битвы при Акціумѣ, вмѣщаются бѣдственные промежутки, каковы напримѣръ междоусобныя войны и заточенія при Силлѣ и тріумвирахъ. Равнымъ образомъ государи, Тацитомъ описанные, не всѣ были утѣснители и тиранны: имена Веспасіана, Тита, а особливо Нервы и Траяна до нынѣ съ честію воспоминаются. Неизвѣстно только, описалъ ли онъ дѣянія послѣднихъ двухъ монарховъ; сей богатой и счастливой запасъ произшествій оставилъ Тацитъ, какъ самъ говоритъ, для утѣшенія своей старости (*).

Но по странному случаю до насъ не дошли тѣ мѣста обоихъ историковъ, въ которыхъ они удалялись отъ обыкновеннаго своего напѣва, и мы не можемъ знать, какъ Титъ-Ливій описывалъ печальныя событія, и какъ Тацитъ изображалъ произшествія счастливыя.

Дарованія обоихъ историковъ созрѣвали при содѣйствіи обстоятельствъ того времени, въ которое они жили. Тацитъ много разъ о томъ упоминаетъ. „Знаю — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ —

(*) Histor. I. 1.

„что событія, о которыхъ повѣствую и „впредь повѣствовать буду, не всѣ покажут„ся достойными оставаться въ памяти; но „лѣтописей моихъ никто не будетъ срав„нивать съ сочиненіями тѣхъ, кои писа„ли древнюю Римскаго народа исторію. „Сіи писатели свободно, безъ малѣйшаго „принужденія, повѣствовали о знаменитыхъ „битвахъ, о покореніи городовъ, о пораже„ніи или плѣненіи царей, о несогласіяхъ „между консулами и трибунами, о спорахъ „за раздѣленіе земли. Мнѣ предлежитъ „поприще не столь обширное и подвигъ „почти незнаменитый.“ Тишина господствовала почти ненарушимая; государи мало заботились о распространеніи предѣловъ; съ одной стороны утѣсненіе, съ другой уныніе представляли пустое, безплодное поле для дѣеписателя; голоса въ народномъ собраніи умолкли; предпріятія обнаруживались не иначе какъ уже послѣ произведенія оныхъ въ дѣйство (*).

Въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ, что до царствованія Августова писали свободно и краснорѣчиво; скоро потомъ подлое ласкательство погасило дарованія. Страхъ принуждалъ таить истину при жизни государей; по смерти ихъ истина страдала отъ ненависти (**). „Сочиняя древнюю

(*) Annal. IV. 32. 33.
(**) *Ibid.* l. 1. Histor. l. 1.

„исторію Рима — прибавляетъ Тацитъ — „нѣтъ нужды опасаться неудовольствій. „Никто не заботится, хвалятъ или порицаютъ войска Римскія и Карѳагенскія. „Напротивъ того потомки людей, заслужившихъ казнь или поношеніе при Тиверіѣ, теперь еще живы; если же и умерли, „то найдутся люди, которые, увидѣвши „во нравахъ сходство между собою и описываемыми лицами, подумаютъ, что историкъ говоритъ объ ихъ собственныхъ „злодѣйствахъ (*).

Съ такою только правотою ненарушимою, какую Тацитъ исповѣдуетъ торжественно, съ такимъ только усердіемъ изыскивать истину онъ могъ найти ее, вопреки всѣмъ препятствамъ, вопреки скрытности дѣлъ общественныхъ, страху, ласкательству, досадѣ и ненависти. Историки, водимые ласкательствомъ или злобою, не думали о потомствѣ. Однакожь и умыслы писателей удобно открываются: извѣстно, что колкія сочиненія читаютъ охотнѣе; потому что ласкательство вмѣняется въ порокъ, а злость имѣетъ видъ благородной свободы (**).

Находясь посреди сихъ камней претыканія, Тацитъ обѣщался писать безъ ненави-

(*) Annal. IV. 33.
(**) Histor. I. 1.

сти и безъ пристрастія — что исполнилъ въ точности. Онъ часто упоминаетъ, откуда почерпнулъ свои извѣстія; молвы народной, безъ ясныхъ доказательствъ, не выдаетъ за неоспоримую истину, и увѣряетъ только въ томъ, въ чемъ самъ совершенно удостовѣренъ (*).

Причины другаго рода скрывали истину отъ изслѣдованій Тита-Ливія; даже въ его время первые вѣки Римской исторіи помрачены были незвѣстностію и вымыслами. Надобно думать, что онъ выбиралъ тѣ басни, которыя почиталъ ближайшими къ истинѣ, или, можетъ быть, которыя надѣялся описать краснорѣчивѣе. Тма неизвѣстности простирается даже до временъ послѣдовавшихъ эпохѣ покоренія Рима Галлами; ибо старинныя лѣтописи, какъ говорятъ, сгорѣли вмѣстѣ съ городомъ. Нѣкоторыя важныя произшествія, послѣ пожара случившіяся, также остаются неизвѣстными. Титъ-Ливій, по долгу своему, каждой разъ о томъ упоминаетъ, когда надобность требуетъ (**).

Тита-Ливія укоряютъ легковѣріемъ за чудеса, не рѣдко имъ повѣствуемыя; но онъ вносилъ въ исторію то, что находилъ въ общественныхъ лѣтописяхъ. Сверхъ того сіи чудеса были не иное что, какъ есте-

(*) Annal. III. 16. IV. 10. 53.

(**) Онъ замѣчаетъ, напримѣръ, что не льзя достовѣрно сказать, гдѣ умеръ Сци-

ственныя произшествія, каковы напримѣръ необычайные удары грома, дождь падающій въ видѣ камней или крови, рожденіе уродливыхъ животныхъ и проч. Это были метеорологическія, или естество-историческія наблюденія, которыя по видимому нарочно записывали. Суевѣріе прибавляло къ нимъ еще другія событія; однакожь Титъ-Ливій умѣетъ отличать истину отъ вымысла (*).

Тацитъ въ одномъ только мѣстѣ упоминаетъ о чудесномъ произшествіи; осторожность его въ семъ случаѣ достойна примѣчанія (**).

Хотя Тита-Ливія справедливо почитаютъ знаменитѣйшимъ въ числѣ древнихъ писателей; однакожь строжайшіе критики

піонъ первый Африканскій, какъ назывался обвинитель его и проч., хотя судебное дѣло о немъ производилось не далѣе какъ за 197 лѣтъ до Р. Х. Ежели лѣтописцы, жившіе при началѣ просвѣщенія, были столь невѣрны; то что остается думать объ ихъ предшественникахъ? Liv. XXXVIII. 18. 56.

(*) Можно видѣть, какъ онъ говоритъ о крысахъ, которыя сгрызли золото въ Юпитеровомъ храмѣ въ Кумахъ. Liv. XXVII. 23.

(**) Tacit. Histor. II. 50.

находили въ немъ недостатки. Всѣмъ извѣстно, что ему вмѣняли въ порокъ *патавинское* нарѣчїе; не льзя только знать подлинно, въ чемъ оно состояло: въ выраженїяхъ ли употребляемыхъ въ Падуѣ, отечествѣ Ливїя, которыхъ мы теперь замѣтить не можемъ, или въ произношенїи отмѣнномъ отъ Римскаго. Ученые не согласились еще въ своихъ мнѣнїяхъ (*).

Еще болѣе упрекаютъ Ливїя за то, что онъ пропустилъ безъ вниманїя исторїю законовъ, нравовъ и обыкновенїй, единственно занявшись повѣствованїемъ о военныхъ произшествїяхъ, какъ болѣе удобныхъ для красноречивыхъ описанїй. Замѣчаютъ, что Дїонисїй Галикарнасскїй упоминаетъ о многихъ законахъ Ромуловыхъ, о которыхъ Титъ-Ливїй не говоритъ ни слова.

Тацитъ свободенъ отъ сего упрека. Ни одинъ историкъ не замѣчаетъ столь прилѣжно всего что относится до законовъ, нравовъ и обыкновенїй не только Римлянъ, но и другихъ народовъ, имъ упоминаемыхъ. Онъ тщательно описываетъ всѣ принадлежности правленїя, состоянїе войскъ, морской силы, доходовъ и расходовъ и перемѣнъ во внутреннихъ распоряженїяхъ (**).

(*) Моргофїй написалъ особливое о томъ разсужденїе.

(**) Кромѣ другихъ мѣстъ смотри Annal. IV. 5 et seq.

Въ прочемъ всѣ упреки не могли затмить славы Тита-Ливія, котораго и древніе и новые согласно почитаютъ между первостепенными писателями. Напротивъ того о достоинствѣ Тацита думали иначе. Весьма удивительно, что не современники оспоривали славу его; нѣтъ, они были справедливы въ разсужденіи Тацита, равно какъ современники Ливія достойно уважали сего знаменитаго мужа. Письма Плинія младшаго, друга Тацитова и соперника его по дарованіямъ, служатъ доказательствомъ, что его почитали не только великимъ дѣеписателемъ, но и краснорѣчивѣйшимъ витіею. Плиній въ письмѣ къ нему — описывая кончину своего дяди, славнаго естество-испытателя, погибшаго, какъ всѣмъ извѣстно, во время изверженія горы Везувія — говоритъ, что хотя дядя сочиненіями своими приобрѣлъ права на безсмертіе, однакожь слава его получитъ еще надежнѣйшую подпору, когда Тацитъ упомянетъ о немъ въ своихъ писаніяхъ (*). Событія не соотвѣтствуютъ желанію Панегириста Траянова. Старшій Плиній достигъ позднаго потомства безъ помощи знаменитаго дѣеписателя; ибо мѣсто, гдѣ Тацитъ говоритъ о немъ, утрачено. Это однакожь показываетъ, какого мнѣнія были ученые мужи о дарова-

(*) Plin. Epist. VI. 16.

ніяхъ Тацита. Слава его сіяла до тѣхъ поръ, пока науки были уважаемы въ Римѣ; она затмилась вмѣстѣ со славою всѣхъ, когда настали времена невѣжества.

По возрожденіи наукъ много времени прошло, пока назначили степень для древнихъ писателей. Успѣхи вкуса, которой опредѣляетъ ихъ достоинство, въ быстротѣ своей не равняются съ успѣхами учености. Вкусъ есть дитя изслѣдованій и сравненій, или лучше, онъ есть чувство изящества и истины, очищенное временемъ и опытами. Успѣхи вкуса не всегда идутъ ровнымъ шагомъ съ успѣхами словесности. Причина очевидна: писанія творческихъ умовъ споспѣшествуютъ образованію вкуса; слѣдственно старшинство принадлежитъ словесности. И такъ не удивительно, что превосходнымъ дарованіямъ не всегда отдаютъ справедливое уваженіе при ихъ жизни. Знаменитые писатели вѣка Лудовика XIV въ позднѣйшее время поставлены на степень, принадлежащую ихъ заслугамъ; и степень сію назначили для нихъ люди неравные имъ по дарованіямъ, однакожь способнѣйшіе судить объ ихъ твореніяхъ. Мало ли сомнѣвались въ достоинствѣ Расина! Боссюэта, при жизни его, почитали славнымъ Ѳеологомъ, не болѣе, а въ качествѣ витіи ставили его на ряду съ Маскарономъ и Флешье! Во всѣхъ реторикахъ

опредѣлено имъ равное мѣсто. Думаю, что прежде всѣхъ Томасъ въ своемъ *Опытѣ о словахъ похвальныхъ* показалъ, сколь велико разстояніе между Боссюэтомъ и мнимыми его совмѣстниками.

Ежели столь грубо ошибались въ такое время, когда уже свѣтъ наукъ озарилъ Европу; то что думать надлежитъ о мнѣніяхъ людей, жившихъ еще только на зарѣ просвѣщенія, при слабыхъ, едва сіяющихъ лучахъ ея! Тогда судили о писателяхъ не по истиннымъ заслугамъ ихъ, но по молвѣ, основанной на сомнительномъ преданіи. Цицерона, котораго слава сохранила весь блескъ свой въ потомствѣ, почитали превосходнѣйшимъ писателемъ. Почти въ самое время возрожденія наукъ составилось въ Италіи общество Цицеронїанцовъ, которые не признавали никакого слога Латинскимъ, кромѣ Цицеронова, не хотѣли употреблять никакихъ выраженій, ежели не находили ихъ въ его твореніяхъ. Сіе общество было многолюдно, слѣдственно очень сильно. Пристрастіе къ Цицерону доходило до предѣловъ смѣшной нелѣпости, даже до изступленія, которыя не рѣдко бываютъ вмѣстѣ. Эразмъ сдѣлалъ себѣ врагами непримиримыми членовъ упомянутаго общества, осмѣлившись въ одномъ сочиненіи

своемъ, называемомъ Цицеронїанецъ, пошутить надъ ихъ причудливостью.

Очень понятно, что людямъ, которымъ нравились только одни длинные періоды Цицероновы, короткїя и отрывистыя выраженїя Тацитовы казались варварскими. Они думали, что слогъ его далекъ отъ чистаго Латинскаго, и что слѣдственно онъ болѣе вредилъ нежели полезенъ для вкуса. Мнѣнїе сїе долго было господствующимъ между учеными, хотя нѣкоторые и старались ему противурѣчить. Даже тѣ, которые живо чувствовали глубокомыслїе Тацитово и выспренность его дарованїя, думали что надобно воздерживать свое удивленїе. Юстъ-Липсїй, усердный почитатель Тацита, много трудившїйся надъ поправленїемъ и объясненїемъ списковъ его творенїй, не осмѣлился помѣстить его между писателями первой степени, и сказалъ только, что онъ достоинъ занимать ближайшее подлѣ нихъ мѣсто. Тацита называетъ онъ подражателемъ Саллустїя; какъ будто Тацитъ не могъ обойтись безъ образца, и непремѣнно подражать былъ долженъ!

Слогъ Тацитовъ столько же чистъ въ своемъ родѣ, какъ Цицероновъ и вообще всѣхъ писателей, признанныхъ образцовыми. Его дарованїе отъ ихъ отличается; одна-

кожь изъ сего не слѣдуетъ, что оно ниже по достоинству. Сочинитель погрѣшаетъ противъ чистоты, употребляя слова и выраженія чуждыя тому языку, на которомъ пишетъ; а этого вовсе не видно въ Тацитовыхъ твореніяхъ. Правда, что онъ въ словахъ очень бережливъ, и такъ искусно умѣетъ представлять мысль разительною посредствомъ особливыхъ оборотовъ, что кажется, будто говоритъ новымъ языкомъ; однакожь отъ этого языкъ не только не портится, но даже обогащается.

Особливое отличіе Тацитова слога состоитъ еще въ томъ, что сей историкъ часто употребляетъ слова не въ томъ значеніи, какое онѣ по видимому имѣютъ, и симъ способомъ умѣетъ мысль свою представить весьма удачно, чего иначе не могъ бы сдѣлать. Это послѣдняя степень совершенства, до какой только можетъ достигнуть умъ человѣческій относительно слога. Во Франціи одинъ Корнель достигъ сей степени. Боссюэтъ покушался дойти до нее, заимствуя мысли у Тацита; однакожь далеко назади остался.

Признаться должно, что любимая Тацитова краткость дѣлаетъ иногда слогъ его темнымъ и очень труднымъ; но причину сей трудности чаще искать должно въ

самомъ читателѣ нежели въ книгѣ. Муретъ, въ прочемъ усердный почитатель Цицерона, въ особо сочиненномъ разсужденіи защищаетъ Тацита, и говоритъ весьма благоразумно, что многіе и большая часть изъ сихъ обвинителей походятъ на слѣпую женщину, Сенекою упоминаемую, которая жаловалась, что въ комнатѣ, гдѣ находилась она, закрыты окна.

Тацитъ не принадлежитъ къ числу писателей, съ перваго разу понятныхъ для каждаго. Его сочиненія можно назвать *лицею здоровыхъ*. Онъ неприступенъ для читателей малосвѣдущихъ, неискусившихся въ знаніи человѣческаго сердца, котораго всѣ сгибы, самыя тайные, онъ открываетъ.

Обвиняютъ Тацита, что изображалъ черными красками и представлялъ людей болѣе злыми, нежели каковы они въ самомъ дѣлѣ. Такъ думаютъ люди простодушные и кроткіе, которые, живучи во времена безмятежныя, не воображаютъ, что обстоятельства перемѣняются, и настаетъ другой порядокъ. Во время спокойствія каждой боясь законовъ и общественнаго мнѣнія, надѣваетъ на себя личину кроткаго благонравія; всѣ люди тогда имѣютъ, такъ сказать, одну физіономію; при господствующей вѣжливости все является подъ пріятною наружностію;

каждой почитаетъ другомъ своимъ того, съ кѣмъ говорить начинаетъ, и сей призракъ, любезный добрымъ сердцамъ, почти замѣняетъ собою существенность. Но совсемъ другое бываетъ во времена смятеній и безпорядковъ, когда страсти расторгаютъ свои узы, и когда люди даютъ волю постыднѣйшимъ склонностямъ, не боясь наказанія. Позорище междоусобныхъ несогласій неоспоримо есть такая школа, гдѣ узнаютъ человѣческое сердце. Тацитъ возмужалъ въ семъ училищѣ; достовѣрность описаній его наиболѣе ощутительна въ такое время когда въ измѣняющемся порядкѣ общежитія настаютъ бѣдственныя произшествія.

Такъ думалъ Юстъ-Липсій, жившій въ шестьнадцатомъ столѣтіи въ бурное время безпорядковъ. Посвящая Императору Максимиліану замѣчанія свои на Тацита, онъ пишетъ: „Въ наше время гораздо приличнѣе, нежели въ какое-либо другое, заставить людей читать творенія сего писателя.“ Потомъ прибавляетъ, мысленно указывая на исторію Тита-Ливія: „Въ Тацитѣ „не находимъ ни побѣдъ Аннибаловыхъ, столь „пагубныхъ для имени Римскаго, ни пышной кончины Лукреціи, ни другихъ описаній, служащихъ болѣе для забавы, нежели „для наставленія; но въ немъ видимъ почти все, что нынѣ происходитъ передъ на-

„шими глазами; и сіи событія описаны сло„гомъ благороднымъ, возвышеннымъ, обилую„щимъ нравоучительными правилами, ко„торыя краткостію своею, мудростію, „глубокомысліемъ уподобляются изреченіямъ „оракула.“

Сочинитель, каковъ Тацитъ, зрѣлости лѣтъ и разума требующій отъ того, кто хочетъ понимать его, не могъ введенъ быть въ училищахъ въ такое употребленіе, какъ другіе знаменитые древніе писатели. Его сочиненія въ отрывкахъ предлагаемы были учащимся. Замѣчено выше, что онѣ для молодыхъ людей весьма трудны; притомъ же безчеловѣчно было бы возмущать сладкія мечты ихъ нѣжнаго возраста, и открывать предъ ними отвратительныя тайны человѣческой злости, съ которою и безъ того они скоро познакомятся живучи въ свѣтѣ.

Тацитъ, повѣствуя о произшествіяхъ, умѣлъ въ тоже время *размышлять* о нихъ, умѣлъ извлекать полезныя правила политическія и нравоучительныя. Многіе утверждали, что онъ былъ любимымъ писателемъ Французскихъ философовъ осмнадцатаго столѣтія, которые, какъ извѣстно, сами безпрестанно *размышляли*, и старались воздвигнуть престолъ разума. Не знаю, обвиненіе сіе — хотя бы оно и справедливо было — умень-

шаетъ ли славу Тацита; но достовѣрно сказать можно, что не одинъ онъ изъ древнихъ писателей подаетъ поводъ къ размышленію; другіе не менѣе заставляютъ сію способность души дѣйствовать, и Макіавель, также страстной охотникъ размышлять, основываясь на Титѣ-Ливіѣ, написалъ свои политическія разсужденія, прежде еще нежели Тацита начали читать съ тѣмъ же намѣреніемъ.

Кромѣ того Тациту, какъ видѣли мы, вмѣняютъ въ преступленіе, что онъ *размышлялъ* о людяхъ очень невыгодно; а господа философы осмнадцатаго столѣтія поступали совсемъ напротивъ, то есть *размышляли* очень выгодно о человѣческомъ родѣ. Вольтеръ, которому безспорно первое мѣсто принадлежитъ между сими философами, писалъ къ Кондорсету: „Вы очень „справедливо говорите, что злость чело„вѣческаго рода не рѣдко представляли въ „видѣ слишкомъ увеличенномъ.“ Кажется, что онъ тутъ мѣтитъ на Тацита, о которомъ никогда не упоминаетъ почтительно. Вольтеръ даже вздумалъ было Фридриху Великому проповѣдывать ученіе о природной добротѣ человѣческой; однакожь въ сей разъ сѣмя словесъ его упало на каменистую землю.

Вольтеръ *мыслилъ*, что людей сдѣлали злыми, обременивъ ихъ множествомъ законовъ церковныхъ и гражданскихъ; и что ежели хотятъ обратить ихъ къ здравому смыслу, то стоитъ только снять съ нихъ пагубныя сіи оковы, и разогнать мглу, разумъ ихъ омрачающую. Ему казалось, что усильными попеченіями его родъ человѣческій довольно уже исправился. Въ одномъ письмѣ къ Лингету смѣло вызываетъ онъ Кромвеля и Кардинала Реца, утверждая, что ни тому ни другому уже теперь не удалось бы произвести возмущеніе въ народѣ. Мысль о природной добротѣ человѣческаго сердца есть основаніе Эмиля, какъ показываетъ въ началѣ книги надпись, по содержанію коей всѣ бѣдствія угнетающія насъ тотчасъ исчезнутъ, когда мы отдадимъ себя на волю природы, которая доведетъ насъ прямо къ счастію. По сей-то причинѣ Тацитъ показался Жанъ-Жаку грубымъ и темнымъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ непонятенъ для Руссо, ежели судить по Французскому переводу первой книги исторіи, помѣщенному въ его сочиненіяхъ.

Еще удивительнѣе предположеніе, будто господа философы нашего времени отлично уважаютъ Тацита, которой, кажется, не очень любилъ философовъ, своихъ современниковъ. Изъ остатковъ Греческой философіи, которые вошли въ Римъ при концѣ

республики, въ царствованіе первыхъ Императоровъ составился новой толкъ, похожій на ученіе прежнихъ Стоиковъ. Появившіеся философы, которые приняли на себя пышное титло учителей мудрости, были всегда подозрительны правительству, потому что правила ихъ не соотвѣтствовали существующему порядку, и еще по безразсудной ревности къ свободѣ, хотя ревность сія была уже вовсе не у мѣста. Тацитъ говоритъ съ уваженіемъ о нѣкоторыхъ философахъ стоическихъ, напримѣръ о Соранѣ, о Ѳразеѣ, о Гельвидіѣ, которые при благородныхъ свойствахъ души отличались строгими добродѣтелями; но объ ученіи или толкѣ ихъ онъ думалъ, кажется, иначе, ежели судить по жестокимъ упрекамъ, которые иногда вырываются у него, и которые не теряютъ силы своей даже выходя изъ устъ непріятелей. „Сія секта не уважаетъ по„становленій благочестія; она хотѣла бы „уничтожить самые законы. Чтобы низ„вергнуть власть, она свободу превозно„ситъ; но еслибъ удалось ей получить желае„мое, тогда напала бы на самую свободу (*).“

(*) Annal. XVI. 22. Однакожь нѣкоторые изъ нихъ (т. е. Стоиковъ) смирялись до того, что строгую и печальную осанку свою носили на пиршества во дворецъ Нероновъ. Annal. XIV. 16. Другіе не стыдились быть доносщиками. Ibid. XVI. 32.

Для большаго удостовѣренія, что Тацитъ и философы осмнадцатаго столѣтія во мнѣніяхъ своихъ несходны, скажу, что онъ былъ жрецомъ, и отправлялъ богослуженіе при торжествованіи новаго столѣтія въ царствованіе Домиціаново (*); а извѣстно, что новая философія враждовала со жрецами, и при всемъ снисхожденіи своемъ ко жрецамъ древнимъ думала, что отправлять церковную должность смѣшно, и еще смѣшнѣе хвалиться ею.

Нигдѣ не видно, чтобы Тацитъ говорилъ съ пренебреженіемъ о вѣрѣ своего отечества, хотя она болѣе всякой другой подвержена критикѣ и глумленію. Напротивъ того изъ сочиненій Тацита и Тита-Ливія открывается, что почитаніе боговъ есть основа порядка общественнаго.

Оба сіи историки согласны въ политическихъ мнѣніяхъ. Тита-Ливія можно назвать аристократомъ. Вездѣ онъ показываетъ себя врагомъ народоначальства и ревнителемъ власти Сената и Патриціевъ. Въ рѣчи, которую влагаетъ въ уста Консула Квинція, онъ обнаруживаетъ мнѣніе свое о патріотизмѣ народныхъ трибуновъ. „Они — говоритъ „Консулъ — воспламеняютъ толпу народную „для собственныхъ выгодъ, для почестей.

(*) Annal. XI. 11.

„Порядокъ и тишина для нихъ безполезны; „ибо во время безпокойствъ они представляютъ собою важныя лица (*).“ Опытность была наставницею его въ то самое время, какъ онъ писалъ исторію. Конецъ республики, падшей отъ неистовства трибуновъ, обнаружилъ притворную любовь къ отечеству — сію любовь, страстями и своекорыстіемъ вдохновенную.

Тацитъ равнымъ образомъ не обольщался призракомъ. Каждой разъ, упоминая о правахъ трибуновъ, называетъ ихъ *своевольными* (**). Кажется, что онъ мѣтитъ на ихъ мятежное краснорѣчіе, когда въ *Разговорѣ объ ораторахъ* говоритъ о сихъ дерзкихъ людяхъ, словами своими увлекающихъ необузданной народъ къ *своевольству*, которое безумные именуютъ вольностію (***).

Подобныя мнѣнія открываются во всѣхъ его сочиненіяхъ. Истинными и яркими красками изображаетъ онъ свойства Императоровъ, царствовавшихъ въ продолженіе того времени, которое онъ предпринялъ описывать. Говоря почти безпрерывно объ утѣсне-

(*) Liv. III. 67. 68.
(**) Annal. III. 27. Hiftor. II. 38.
(***) Dialog. de Orator. circa finem. Сей разговоръ несправедливо приписывается Квинтиліану. Каждая строчка открываетъ слогъ Тацитовъ. *Прим. Соч.*

ніяхъ, о тиранскихъ поступкахъ, онъ нигдѣ ни прямо, ни стороною не показываетъ желанія, чтобы виновники ихъ погибли. Изображая тиранна, онъ почитаетъ государя. Тацитъ разсудилъ — какъ можно видѣть при началѣ его лѣтописи — что стеченіе обстоятельствъ подчинило Римъ власти одного человѣка, и что правленіе республиканское необходимо долженствовало навсегда рушиться. Гальба рѣшительно говоритъ о семъ въ рѣчи своей къ Пизону. Тацитъ былъ свидѣтелемъ, какіе безпорядки и бѣдствія послѣдовали паденію самаго Нерона. Перемѣна ничего не сдѣлала полезнаго. Настали другіе люди — говоритъ Тацитъ — но нравы не перемѣнились (*).

Правда, что онъ иногда желаетъ добрыхъ Императоровъ; но хочетъ также, чтобы терпѣливо повиновались тѣмъ, которые царствуютъ (**). Въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ: „И тѣ „даже, кои живутъ далеко отъ мѣстопре„быванія государя справедливаго, ощу„щаютъ дѣйствіе благости его; напротивъ „того злой тягостенъ только для окру„жающихъ. Надобно сносить терпѣливо рас„точительность и сребролюбіе правителей,

(*) Histor. IV. 8.
(**) Histor. II. 25.

„ равно какъ неурожай, наводненія и другія „ несчастія. Будутъ люди, будутъ и поро„ ки; они однакожь продолжаются не без„ прерывно, и добрые государи вознаграж„ даютъ за бѣдствія, злыми причиненныя.“ Изъ сего видно, что Тацитъ вовсе не одобрялъ правилъ, недавно славившихся во Франціи, будто сопротивленіе власти есть долгъ священнѣйшій. Не безполезно замѣтить, что упомянутыя выше слова Тацитъ заставляетъ произносить одного Римскаго полководца къ Галламъ, предкамъ Французовъ.

До сихъ поръ мы разсматривали внѣшнія обстоятельства нашихъ двухъ историковъ, пойдемъ теперь далѣе, и сличимъ самыя ихъ сочиненія. Симъ только средствомъ узнать можемъ, кто изъ нихъ болѣе имѣлъ качествъ, потребныхъ для великаго дѣепи-
сателя.

(Окончаніе въ слѣд. Нум.)

II.

Соловей и Малиновка.

(Басня)

Соловушко Малиновку любилъ,
И гнѣздышко ей свилъ.
Малиновкой одной въ лѣсу онъ восхищался,

И думалъ, что она
Соловушкѣ вѣрна.
Онъ съ нею никогда еще не разлучался;
Но отъ Орла указъ, и должно Соловью
Оставить милую свою. —
„Послушай — онъ сказалъ Малиновкѣ съ слезами —
„Я отъ тебя лечу, и долго, можетъ быть,
„Не будемъ, нѣжный другъ, подъ этими кустами,
„И пѣть и счастіе другъ въ другѣ находить!
„Живи здѣсь въ гнѣздышкѣ — все для тебя готово,
„И кормъ и мохъ — и дай мнѣ вѣрно слово,
„Что вѣчно будешь ты Соловушку любить.
„О еслибъ вѣдала, какъ тяжко разставаться!
„Мнѣ было хорошо съ тобой!
„Что дѣлать! долгъ велитъ Орлу повиноваться.
„Прости, Малиновка! прости, дружечикъ мой!“
Сказалъ Соловушко, и съ милою простился;
Она въ гнѣздѣ своемъ осталась горевать;
Но красной собъ Снигирь къ Малиновкѣ явился,
Ее въ печали утѣшать.
Поплакалъ прежде съ ней; потомъ подсѣлъ поближе,
И голосъ опустивъ свой ниже — ниже —
Шепнулъ ей на ушко, что онъ въ нее влюбленъ,

Что всѣхъ она прекраснѣе собою,
И тѣломъ, и душою.
Ахъ! родъ Малиновокъ ввѣкъ лестью ослѣп-
ленъ!
Она хотѣла разсердиться.
Снигирь примолвилъ ей,
Что вѣтреный ея, невѣрный Соловей
Изволилъ отлучиться
По волѣ лишь своей;
Что въ дальней рощицѣ онъ съ Зяблицей
летаетъ,
И ей, Малиновкѣ, конечно измѣняетъ.
Малиновкамъ всегда пріятно отомстить,
И также нравиться пріятно.
Все сказанное ей казалось вѣроятно;
А время съ Снигиремъ дѣлить,
Почла Малиновка невинною отрадой;
Снигирь съ начала ей казался только милъ;
Потомъ сталъ вѣрный другъ — потомъ и
нуженъ былъ.
Пошла награда за наградой.
Соловушко забытъ, и въ сторонѣ чужой
Не помышлялъ никакъ онъ о такой измѣнѣ.
Увы! подвержено все въ свѣтѣ перемѣнѣ!
Насталъ свиданья часъ — онъ прилетѣлъ
домой,
И что жь нашелъ? несчастный!
Гнѣздо разорено — на деревѣ другомъ
Малиновка съ своимъ любезнымъ Снигиремъ
Сидѣла на сучкѣ; и нашъ любовникъ
страстный,

Пѣвецъ лѣсовъ, Орфей,
Предъ Еѣридикою прелестною своей
Вздохнулъ — еще вздохнулъ — и въ горести глубокой
Пошелъ жить одинокой!

*

Не должно забывать того:
Въ любви разлука намъ опаснѣе всего.

В. Пушкинъ.

III.

Старой Котъ и молодой Мышенокъ.

Одинъ неопытной Мышенокъ
У стараго Кота подъ лапою пищалъ,
И такъ его, въ слезахъ, на жалость преклонялъ:
Помилуй, дѣдушка! вѣдь я еще ребенокъ!
Какъ можно крошечкѣ такой, какъ я,
Твоимъ домашнимъ быть въ отягощенье?
Твоя хозяюшка и вся ея семья
Придутъ ли отъ меня, малютки, въ разоренье?
И въ чемъ же мой обѣдъ! зерно, а много два!
Орѣхъ мнѣ на недѣлю!
Къ томужь теперь я худъ! едва, едва

Могу дышать. Вчера оставилъ лишь постелю;
Былъ боленъ. Потерпи, пусти меня пожить!
Пусть дѣточки твои меня изволятъ скушать! —
„Молчи молокососъ! тебѣль меня учить!
И мнѣ ли старику такихъ разсказовъ слушать!
Я Котъ и старъ, мой другъ! прощенія не жди,
А лучше безъ хлопотъ поди
Къ Плутону милости его отвѣдать!
Моимъ же дѣточкамъ всегда есть что обѣдать.“
Сказалъ, Мышенка цапъ; тотъ пискнулъ и припалъ.
А Котъ, покушавши, ни въ чемъ какъ не бывалъ!

*

Ужель разсказъ безъ поученья?
Никакъ, читатель, есть:
Всѣмъ юность льститъ себя! все мыслитъ приобрѣсть!
А старость никогда не знаетъ сожалѣнья!

В. Ж — ій.

IV.

Адамова гробница (*).

На островѣ Цейлонѣ, въ области владѣтеля Кандїйскаго, въ провинцїи *Матурской*, у подошвы каменной горы находится гробъ, ниже описанной. Гора называется *Адамовою*. Въ ней изсѣчена могила, надъ которою положенъ надгробный камень съ вырѣзанными двадцатью пятью неизвѣстными буквами (**). Доселѣ никто еще не могъ истолковать, что онѣ значатъ. Жители утверждаютъ, что первый человѣкъ Адамъ здѣсь похороненъ. Камень имѣетъ въ длину 14, въ ширину 15, въ толщину $1\frac{1}{2}$ футовъ; онъ красивъ и гладокъ, какъ

(*) Сіе описаніе Адамовой гробницы прислано 1729 года въ С. Петербургъ къ Профессору восточныхъ языковъ Керу изъ Ены отъ Адьюнкта Тимпе.

(**) При подлинникѣ приложено изображеніе сихъ букъ. Изъ бумагъ, оставшихся послѣ покойнаго Кера и хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, явствуетъ, что сія надпись составлена изъ древнихъ Самаританскихъ писменъ, и значитъ, по его же переводу Латинскому: *Въ память Адаму, умершему на островѣ Цейлонѣ, сожалѣя объ утраченномъ первородномъ образѣ.*

будто полированный. По сторонамъ его поставлено пять каменныхъ столповъ. Въ головахъ ямы стоитъ другой камень; онъ пестротою походитъ на мраморъ, длиною и шириною равенъ первому, но не столь красивъ, и безъ надписи. За нимъ въ скалѣ есть колодезь, называемый Адамовымъ; его вода вкусомъ и чистотою превосходнѣе всѣхъ другихъ на островѣ. Въ шести футахъ отъ перваго камня поставленъ другой безъ надписи же. За нимъ въ другомъ камнѣ высѣчена лампада, которая, какъ увѣряютъ жители, горитъ днемъ и ночью безъ масла и свѣтильни. Въ четырехъ или пяти миляхъ отъ сего мѣста есть другая весьма высокая изъ цѣльнаго камня гора, называемая *Адамовою*, имѣющая видъ башни, съ остроконечною вершиною, на которой находится маленькая площадка: тамъ виденъ слѣдъ ноги человѣческой на камнѣ. Большая часть жителей увѣрена, что этотъ слѣдъ напечатлѣнъ *Адамомъ*; другіе же говорятъ, что языческій жрецъ, по имени *Буду*, которому они поклоняются какъ Богу, въ нѣкоторыя времена года хаживалъ на сію гору молиться своему идолу, и что, возносясь живой на небо, оставилъ свой слѣдъ въ памятъ людямъ. Язычники почитаютъ обѣ горы за священныя мѣста, и въ назначенное время приходятъ къ нимъ толпами для принесенія жертвы, вѣря, что *Буду* можетъ воскресить ихъ тѣла по

смерти. Сїи праздники называются *праздниками Буду.* Жители, въ прочемъ самые грубые и ожесточенные язычники, знаютъ, что есть Богъ, и говорятъ, что онъ добръ, слѣдственно не должно поклоняться ему; но что надлежитъ приносить жертвы чорту и ему поклоняться, для того чтобъ онъ не дѣлалъ намъ никакого зла.

V.

НА КОНЧИНУ

Михайла Никитича Муравьева.

Музы Московскїя! вы лишились своего Мецената! еще слухъ вашъ страшится вѣрить молвѣ печальной; еще сердце борется съ мрачнымъ предчувствїемъ: но слезы трепещутъ, измѣняютъ . . . . *Муравьева* нѣтъ больше! Горестныя Музы съ тяжкимъ стономъ скажутъ, чего лишились. Жизнь великихъ есть ученїе для юности.

Гремящїе краснорѣчїемъ Ораторы! Вы возвѣстите свѣту заслуги *Муравьева* въ вашихъ пышныхъ академїяхъ, университетахъ, разныхъ обществахъ и собранїяхъ, гдѣ и нынѣ паритъ духъ его, кроткїй и благодѣтельный — но такая горесть серд-

да не краснорѣчива, не трогательна: даръ чувствованій воспламеняетъ душу, проникаетъ все существо при одной мысли о потерѣ, и дань единственная — слеза, согрѣтая благодарнымъ сердцемъ, падетъ на могилу незабвеннаго! О если бы она могла оживить его хотя на минуту!

Но кто въ краткой жизни могъ быть столько полезнымъ, тотъ не умираетъ! Онъ живетъ въ сердцахъ имъ облагодѣтельствованныхъ, имъ образованныхъ, имъ защищенныхъ отъ бѣдствій. О истина! пролей лучи свои, и озари память *Муравьева*! Никакое воображеніе не сравнится съ твоимъ блескомъ, не изобрѣтетъ похвалъ, выше истины.

Природа, въ минуту согласія съ геніемъ и кротостью, производитъ души нѣжныя, чувствительныя, великія; она образуетъ ихъ, какъ тихіе вѣтры весеннюю розу своимъ кроткимъ благодѣтельнымъ дѣйствіемъ; даетъ имъ тонкій, проницательный разумъ, начало полезныхъ дѣяній; тихую кротость, подругу нѣжности и согласія; страсть къ прекрасному, зерцало доброты душевной; и наконецъ чувствительность, прибѣжище и покровъ несчастныхъ. Таковъ былъ *Михайло Никитичь Муравьевъ*, наперсникъ у Трона, защит-

никъ гонимыхъ судьбою, и нѣжный Меценатъ Музъ Московскихъ. Всѣ почести, всѣ отличія, украшавшія заслуги, получали блескъ свой отъ его кротости и достоинствъ душевныхъ; ибо не онѣ его, но онъ украшалъ ихъ.

Первыя способности души его развились предъ глазами родителя, почтеннѣйшаго мужа *Никиты Автамоновича*, извѣстнаго друзьямъ по кротости, ближнимъ по благотворенію, отечеству по заслугамъ. Но душа юнаго *Муравьева* стремилась къ усовершенствованію. Еще въ первыхъ лѣтахъ, геній показалъ его призваніе. Онъ посвятилъ себя Музамъ въ Университетѣ Московскомъ въ счастливое время *Барсовыхъ и Зибелиныхъ*, и содѣлался любителемъ Музъ и любимцемъ ихъ.

Но скоро честь призвала его служить отечеству; блестящая слава *хранителей* Монархини привлекла его юность — содѣлала воиномъ: кроткая, чувствительная душа его образована была не для войны жестокой и кровавой; но для тихихъ занятій, любезныхъ Музамъ. Столица Сѣвера, святилище умовъ великихъ, славнѣйшія библіотеки, все прекрасное открылось уму ищущему знаній, и дѣятельность его

изыскала средства всѣмъ воспользоваться (*). Часто лучи утра видѣли вечернюю бесѣду его съ Музами; онъ приносилъ имъ жертвы великія и пріятныя (**). Но его скромность таилась отъ свѣта. Тутъ душа его носилась въ различныхъ вѣкахъ и народахъ, и собирала вѣчныя истины. Тогда узналъ онъ все изящество великихъ умовъ древности, узналъ ихъ словесность, и страстно полюбилъ ихъ философовъ, друзей человѣчества (***).

(*) Онъ, будучи въ Семеновскомъ полку писаремъ, умѣлъ обращать въ свою пользу невинное корыстолюбіе стражей академической библіотеки, гдѣ хранятся превосходнѣйшія творенія древнихъ, и все свободное время проводилъ въ чтеніи. *Сог.*

(**) Свѣту извѣстны его нѣкоторыя произведенія въ *Аонидахъ* и другихъ періодическихъ изданіяхъ; но большая часть его истинно достойныхъ сочиненій хранятся въ рукописяхъ. — Между прочимъ нѣсколько пѣсней поэмы: *Полтавская побѣда.* Я видѣлъ рукопись. *Сог.*

(***) Онъ зналъ языки древніе такъ хорошо, что Латинскими стихами перевелъ *Ломоносова Петріяду.* Она въ рукописи, и я имѣлъ счастіе читать ее. Виргилія и Гомера зналъ почти наизусть, и такъ любилъ Греческій языкъ, что никогда не

Между тѣмъ его свѣденія и безпримѣрная кротость обратили взоръ *Монархини* — Великая видѣла, что произвесть могъ умъ его, и Муравьевъ былъ призванъ ко Двору, удостоенъ Монаршаго вниманія, избранъ къ счастливѣйшей должности, споспѣшествовать занятіямъ Великихъ Князей, нынѣ благоденственно царствующаго ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА и Цесаревича КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА.

Не рѣдко онъ былъ участникомъ тѣхъ торжественно тихихъ увеселеній, для

разставался съ любимымъ Философомъ своимъ *Платономъ* и съ *Димосвеномъ* — и по множеству занятій удѣлялъ имъ то время, когда ѣздилъ во Дворецъ. — Новѣйшіе Европейскіе языки зналъ онъ почти всѣ, даже Гишпанскій, и столько былъ обогащенъ свѣденіями, что со всѣми знаменитыми Учеными, коимъ былъ прибѣжищемъ домъ его, разсуждалъ о всѣхъ частяхъ наукъ весьма основательно, и что даже . . . (простишь ли мнѣ, тѣнь кроткая!) его съ почтеніемъ называли *живымъ лексикономъ* и *библіотекой*. — Недавно, самымъ скрытнымъ образомъ, безъ имени Автора, вышла его книга: *Разбросанныя черты Исторіи* и *писменъ* — образецъ глубокихъ свѣденій въ древностяхъ.

коихъ Владычица Сѣвера, сложивъ величество Богини, удалялась отъ подвиговъ въ *Эрмитажъ* свой, и являлась простою только смертною. Тамъ часто внималъ онъ кроткой, нѣжной мудрости изъ устъ Великой; тамъ все прекраснѣйшее въ мірѣ плѣняло его умъ и сердце, льстило вкусу, обогащало свѣденія. Все рѣдкое въ Европѣ тамъ было обыкновеннымъ, и кто имѣлъ счастіе все видѣть въ *Эрмитажѣ*, тотъ не чувствовалъ потребности странствовать по Европѣ.

Между всѣми блестящими царедворцами, коихъ чувства не рѣдко бываютъ въ крайней противоположности съ наружною добротою, *Муравьевъ* отличался истинною кротостью, и прямою, безпримѣрною, неподражаемою чувствительностію. Юный МОНАРХЪ вѣдалъ сердце его, и возложилъ на него новыя бремена, священныя по чувствамъ *Муравьеви*; ибо онѣ споспѣшествовали благу человѣчества. Онъ былъ поставленъ защитникомъ у Трона, и съ какимъ нѣжнымъ соболѣзнованіемъ облегчалъ судьбу несчастныхъ, безпомощныхъ, гонимыхъ злобнымъ рокомъ! Благодарныя сердца вдовъ и сиротъ со слезами благословляли, послѣ имени *Добраго МОНАРХА*, имя чувствительнаго защитника ихъ у Трона!

Муравьевъ избранъ былъ сотрудникомъ Министра Просвѣщенія, и благотворениями своими содѣлался истиннымъ Меценатомъ Россійскимъ. Изъ любви къ мѣсту образованія, принялъ онъ въ нѣжное попеченіе свое Университетъ Московскій, и щедроты Монаршія полились на него рѣкою. Вдругъ явились въ немъ новыя полезныя заведенія; Профессоры чуждыхъ странъ разпространили различныя отрасли наукъ и искусствъ изящныхъ. Каждый Профессоръ, каждый питомецъ чувствовалъ благотворное дѣйствіе нѣжныхъ его попеченій; ибо онъ зналъ цѣну истинныхъ питомцевъ просвѣщенія, и самъ былъ любителемъ и любимцемъ Музъ и Грацій.

Съ какимъ кроткимъ снисхожденіемъ — ему только одному свойственнымъ — умѣлъ онъ ободрять ихъ! съ какою нѣжною заботливостію открывалъ имъ путь къ знаніямъ! съ какимъ нѣжнымъ участіемъ образовалъ ихъ! Самъ желалъ видѣть и знать многихъ питомцевъ, самъ руководствовалъ ихъ — ободрялъ съ улыбкою — возвышалъ духъ ихъ — воспламенялъ юность любовію къ наукамъ и искуствамъ — вливалъ въ сердца огнь къ прекрасному. . . . Я не въ силахъ продолжать . . . горесть питомцевъ Университета чувствуетъ всю свою безцѣнную потерю, и можетъ быть никто

столько, какъ тотъ, чьи слезы теперь катятся на бумагу. . . . Но я не стыжусь ихъ, и не скрою отъ глазъ постороннихъ.

Съ сею благодарною слезою провождаю тебя въ мiръ лучшiй, тѣнь благодѣтельнаго! Пусть духъ твой всегда носится надъ питомцами Университета, и оживляетъ ихъ своимъ невидимымъ, но тѣмъ же нѣжнымъ, утѣшительнымъ дѣйствiемъ!

Николай Кошанскiй.

VI.

Извѣстiе о Россiйскихъ пушкахъ.

Изобрѣтенiе огнестрѣльнаго пороха, или лучше сказать, время, въ которое онъ сталъ извѣстенъ Европѣ, составляетъ эпоху въ исторiи народовъ. Магнитная стрѣлка показала Колумбу дорогу къ новому мiру; пушки и ядра укротили дикихъ жителей, и поработили ихъ власти пришельцовъ.

Когда и кѣмъ изобрѣтенъ порохъ, ничего утвердительно сказать не можно, и мы не знаемъ, Китайцовъ ли за подарокъ сей благодарить должно, отъ которыхъ черезъ Аравитянъ, какъ думаютъ, привезена въ Европу тайна новымъ способомъ уби-

вать людей, — или Нѣмецкаго монаха Бертольда Шварца, которому также приписываютъ сїе пагубное изобрѣтенїе. По крайней мѣрѣ извѣстно, что въ первой половинѣ четырнадцатаго столѣтїя Англїйскїй Король Эдуардъ одержалъ славную побѣду надъ Филиппомъ Валуа при Креси съ помощїю немногихъ пушекъ, которыхъ у Французовъ еще не было. Въ томъ же столѣтїи употребленїе пороха было уже извѣстно почти во всей Европѣ; не смотря на то, искуство артиллерїйское, по странному нерадѣнїю, оставалось во младенчествѣ до конца пятьнадцатаго вѣка. Пушки, употребленныя Магометомъ II при покоренїи Константинополя, огромностїю своею подходятъ ближе къ Мильтоновой небесной артиллерїи, нежели къ земнымъ огнестрѣльнымъ орудїямъ. Греческїе историки пишутъ, что Магометъ разбивалъ стѣны ядрами въ 200 футовъ вѣсомъ — чему Вольтеръ не хочетъ вѣрить, говоря, что побѣжденные все увеличиваютъ, и что изъ такихъ орудїй палить не можно съ желаемымъ успѣхомъ. Ежели, продолжаетъ онъ, Турки употребляли такїя пушки по невѣжеству, то Греки боялись ихъ по той же причинѣ. — Какъ бы то ни было, всякому извѣстно, что въ старину вообще предпочитали огромность правильному размѣру.

Въ Россіи вылиты пушки Италіянскимъ художникомъ Аристотелемъ при Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, и въ первой разъ употреблены въ дѣло при взятіи города Феллина въ Лифляндіи. Шведы ввели ихъ у себя спустя по томъ лѣтъ тринадцать. Для артиллеріи было прежде Русское слово — *нарядъ*. Главнаго инженера, которой помогъ Царю Іоанну Васильевичу покорить Казань сдѣлавъ подкопы, называли тогда *размысломъ*. На Ивановской колокольнѣ есть старинные колокола съ надписями, изъ которыхъ видно, что вылили вали ихъ Русскіе мастера Несторъ Исковитиновъ и Андрей Чеховъ; послѣдній въ надписи именованъ пушечнымъ мастеромъ, и колокола имъ вылитые принадлежатъ ко времени царствованія Михаила Ѳеодоровича; но пушки *Аспидъ* и *Троилъ*, нынѣ въ Кремлѣ подъ шатромъ хранимыя, вылиты имъ еще при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ. Изъ описанія, доставленнаго ко мнѣ отъ Е. С. Инспектора всей артиллеріи, Графа Алексѣя Андреевича Аракчѣева видно, что до 1724 году въ Россіи не было никакихъ положительныхъ правилъ въ разсужденіи длины, толщины и калибра орудій, и что каждый литейный мастеръ назначалъ имъ вѣсъ, видъ и величину по собственному своему произволу. Петръ Великій издалъ штатъ артиллеріи, учредилъ калибры орудій, и повелѣлъ

выливать ихъ по даннымъ чертежамъ, а не по произволу литейщиковъ. Однакожь правила сіи въ продолженіи времени были перемѣняемы, и часъ отъ часу подходили ближе къ совершенству, по мѣрѣ успѣховъ въ наукахъ и приобрѣтаемой опытности.

Въ царствованіе Петра Великаго литы пушки разной величины въ Москвѣ, въ Глуховѣ, въ Казани. Достойно примѣчанія вопервыхъ, что до тѣхъ поръ еще продолжалось обыкновеніе давать пушкамъ разныя названія, какъ-то *Троилъ* (*), *Новой Персъ* (**), *Гамаюнъ* (***), *Орелъ*; вовторыхъ, что одна пушка вѣсомъ въ 19 пудъ лита въ Глуховѣ 1697 года *въ честь* Гетману Мазепѣ.

Первая правильная 12-фунтовая пушка вѣсомъ 115 пудъ, длиною 11 футовъ, 1 дюйма вылита 1724 года въ С. Петербургѣ по чертежу, подписанному Подполковникомъ Андреемъ Беренсомъ, Коммандиромъ С. Петербургскаго арсенала. Россійскій гербъ

(*) Длиною 2 саж. 15 верш. вѣсомъ 402 пудъ, 45-фунтоваго калибра, 1685 года.

(**) Длиною 2 саж. 2 верш. 43-фунтоваго калибра, 1686 года.

(***) Длиною 2 саж. 6½ верш. вѣсомъ 102 пудъ. Вѣсъ ядра надписанъ 6 гривенокъ, то есть фунтовъ. 1690 года.

съ вензеловымъ именемъ Императора Петра Великаго украсили сіе первое произведеніе правильнаго искусства.

При Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ утвержденъ и отосланъ изъ Артиллерійской Канцелляріи въ Москву для литья новой чертежъ 12-фунтовой пушки. Успѣхъ въ искусствѣ очевиденъ; ибо пушки, которыя по сему чертежу отливались, были длиною 10 футовъ $3\frac{1}{2}$ дюйма, вѣсомъ 112 пудъ, слѣдственно короче и легче прежнихъ.

Въ царствованіе Императрицы Елисаветы въ 1757 году вновь утвержденъ и выданъ за подписаніемъ Членовъ Артиллерійской Канцелляріи чертежъ, по которому 12-фунтовыя пушки отливались въ С. Петербургѣ длиною уже только въ 9 футовъ $1\frac{1}{4}$ дюймъ, а вѣсомъ въ 80 пудъ.

Въ 1768 утвержденъ и выданъ изъ Артиллерійской Канцелляріи къ литью въ С. Петербургѣ чертежъ, по которому отливались 12-фунтовыя пушки длиною въ *семь* футовъ, *одиннадцать* дюймовъ, а вѣсомъ только въ *шестьдесять шесть* пудъ. Съ 1783 года, по чертежу Генералъ-Поручика Меллера, отливались пушки длиною равныя первымъ, но вѣсомъ уже только въ *шестьдесять* пудъ.

Наконецъ въ 1797 году Артиллерійская Экспедиція Государственной Военной Коллегіи утвердила два чертежа 12-фунтовыхъ пушекъ *средней* и *меньшей* пропорціи; первая длиною въ *шесть* футовъ, *восемь* и *три четверти* дюйма, вѣсомъ отъ *сорока девяти* до *пятидесяти одного* пуда; вторая длиною въ *шесть* же футовъ, *четыре съ половиною* дюйма, вѣсомъ въ *двадцать восемь* пудъ. Въ новой пушкѣ *средней* пропорціи убыло вѣсу *девять* пудъ отъ того, что стѣны сдѣланы тонѣе; а еще болѣе отъ того, что отмѣнены излишнія украшенія, бывшія на поверхности. Пушка *меньшей* пропорціи, хотя одинакаго калибера, получила въ своемъ вѣсѣ великое облегченіе отъ того, что сдѣлана совсемъ иначе.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины II. въ Россіи употреблялись для Артиллеріи полевой, или по нынѣшнему батарейной, пушки 12-фунтовыя чертежа Меллерова и шести-фунтовыя длиною въ 6 футовъ, 3 дюйма, вѣсомъ въ 31 пудъ; при полкахъ были пушки 3-фунтовыя длиною въ $5\frac{1}{2}$ футовъ, вѣсомъ въ $15\frac{1}{4}$ пудъ. При учрежденіи въ Россіи конной артиллеріи въ 1795 году по чертежу, утвержденному Княземъ П. А. Зубовымъ, шести-фунтовыя пушки отливались вѣсомъ въ 22 пуда, длиною въ 5 футовъ 7 дюймовъ.

Сіи 6-фунтовыя пушки были вѣсомъ немного тяжелѣе 3-фунтовыхъ: по сей-то причинѣ оными снабдѣны и пѣхотные полки; ибо почти во всѣхъ государствахъ сосѣдственныхъ еще прежде 6-фунтовыя пушки обращены изъ полевой, то есть батарейной артиллеріи, въ полковую. — Артиллерійская рота составляетъ батарею изъ двенадцати пушекъ. По перемѣщеніи 6 фунтовыхъ въ полковую артиллерію, признано нужнымъ для удобнѣйшаго движенія имѣть въ каждой батареѣ по четыре пушки изъ упомянутыхъ 12-фунтовыхъ *меньшей* пропорціи.

Сіи орудія, будучи тяжелѣе 6-фунтовыхъ только шестью пудами, дѣйствуютъ гораздо вѣрнѣе на большемъ разстояніи и притомъ ядромъ большаго калибера; также и брандскугелемъ; къ чему 6-фунтовыя не способны. Картечной выстрѣлъ изъ нихъ несравненно превосходнѣе картечнаго выстрѣла изъ сихъ послѣднихъ. Подобныя симъ облегченныя орудія употребляются въ иностранныхъ государствахъ не только 12-фунтоваго, но даже 24-фунтоваго калибера.

При введеніи у насъ 12-фунтовой пушки *меньшей* пропорціи многіе думали, что она вопервыхъ по тонкости стѣнъ будетъ скоро разгорячаться отъ выстрѣловъ, и

слѣдственно препятствовать дѣйствїю; во-вторыхъ, что по той же причинѣ скоро раздуется, и сдѣлается неспособною къ употребленїю. Думали также, что выстрѣлы должны быть слабы и недалеки. Опытъ доказалъ противное. За два года передъ симъ въ С. Петербургѣ нарочно стрѣляли нѣсколько дней съ ряду изъ такой пушки, ежедневно прибавляя число зарядовъ. Напослѣдокъ четыре дня съ ряду дѣлали по 120 выстрѣловъ въ одинъ прїемъ. Каждой разъ по окончанїи пальбы орудїе разгорячалось, такъ что ни къ какой части его не льзя было прикоснуться рукою, и капля воды, спущенная на поверхность, кипѣла и высыхала въ 28 и 30 секундъ, однакожь стрѣлять изъ него еще можно было; ибо вложенной холостой зарядъ и лежавшїй на самомъ днѣ черезъ пять минутъ былъ вынимаемъ, и оказывался нагрѣтымъ весьма слабо.

Августа 8 числа изъ того же орудїя сдѣлано было въ 80 минутъ 140 выстрѣловъ; не смотря на то, чрезвычайной степени разгоряченїя, могущаго произвести нечаянной выстрѣлъ, въ немъ не оказалось, хотя капля воды на поверхности высохла въ 24 секунды. Зарядъ съ порохомъ, вынутый черезъ пять минутъ, былъ нагрѣтъ столь же слабо, какъ и послѣ 120 выстрѣловъ. Ни въ какомъ сраженїи не выпустятъ

изъ пушки не только 140, но ниже 120 зарядовъ безостановочно, какъ дѣлано при опытахъ; слѣдственно ни въ какомъ сраженіи пушка не можетъ быть доведена до такой степени разгоряченія.

Всѣхъ выстрѣловъ при опытахъ изъ упомянутаго орудія сдѣлано было 3025, отъ которыхъ широта его прибавилась только на $\frac{1}{40}$ Англійскаго дюйма; въ прочемъ каналъ остался чистъ и ровенъ. Пушка сія къ употребленію способна, и находится нынѣ въ дѣйствующей артиллеріи.

Въ 1792 году дѣланы были подобные опыты надъ пушками 18 и 12-фунтовыми старой пропорціи. Хотя въ каждой пріемъ дѣлали не болѣе 50 выстрѣловъ; однакожь 18-фунтовая послѣ 150 выстрѣловъ начала портиться, а послѣ 280 каналъ ея совершенно повредился, такъ что орудіе признано къ употребленію вовсе негоднымъ. Пушка же 12-фунтовая хотя и выдержала 605 выстрѣловъ въ разные пріемы; но дальнѣйшее испытаніе оставлено было по причинѣ опасенія, чтобы и ее также не привести въ негодность.

Штабъ и Оберъ-Офицеры, дѣлавшіе опыты и замѣчанія свои надъ 12-фунтовою пушкою, находили, что ядро изъ нея ле-

титъ далѣе 6-фунтовой, и что выстрѣлы ея на дальнихъ разстояніяхъ гораздо сильнѣе и вѣрнѣе.

О количествѣ въ разныхъ годахъ полевыхъ орудій прилагается вѣдомость.

Въ 1723 году

Артиллеріи

Полевой:

Пушекъ	12-фунт.	3
	8 —	12
	6 -	6
Гоубицъ	1 пуда	4
	И того —	25

Полковой:

Пушекъ	3-фунт.	80
	А всего	105

Въ 1724.

Полевой:

Пушекъ	12-фунт.	3
	8 —	12
	6 -	6
Мортиръ	2 пуд.	1
	1 —	2
Гоубицъ	1 пуд.	4
	2 —	3
	И того —	31

Полковой:

Пушекъ	3-фунт.	116
	А всего	147

Въ 1730.

Полевой:

Пушекъ	12-фун.	3
	8 —	12
	6 —	6
Мортиръ	2 пуд.	1
	1 —	2
Гоубицъ	1 пуд.	4
	$\frac{1}{2}$ —	5
	И того	33

Полковой:

Пушекъ	3-фунт.	120
	А всего —	153

Въ 1754.

Полевой:

Пушекъ	12-фун.	3
	8 —	12
	6 —	6
Мортиръ	2 пуд.	1
	1 —	2
Гоубицъ	1 пуд.	4
	$\frac{1}{2}$ —	5
	Итого —	33

Полковой:

Пушекъ	3-фунт.	120
	А всего —	153

Въ 1757.

Полевой:

Пушекъ	12-фунт.	6
	6 —	6

Гоубицъ	1 пуд. - -	Шуваловскихъ.	
	$\frac{1}{2}$ — - -	-	70
Единороговъ	кар. - - - -		6
	12 — - - - -		73
	$\frac{1}{2}$ — - - - -		38
		Итого —	199

Полковой:

Пушекъ 3-фунт. - - - -		120
Единороговъ $\frac{1}{4}$ кар. - - - -		40
	Итого —	162
	А всего. —	361

Въ 1760.

Полевой:

Пушекъ	12-фунт. - - -		50
	8 — - - - -		25
	6 — - - - -		25
Гоубицъ	1 пуд. - - -	Шуваловскихъ.	
	$\frac{1}{2}$ — - - -		100
Единороговъ	1 кар. - - - -		24
	$\frac{1}{2}$ — - - - -		25
		Итого —	249

Полковой:

Пушекъ 3-фунт. - - - -		145
Единороговъ $\frac{1}{4}$ кар. - - - -		50
	Итого —	195
	А всего —	444

Въ 1762.

Полевой:

Пушекъ	12-фунт.		50
	8 —		25
	6 —		25
Мортиръ	2 пуд.		12
Гоубицъ	1 пуд.	Шуваловскихъ.	
	$\frac{1}{2}$ —		100
Единороговъ	1 кар.		24
	$\frac{1}{2}$ —		25
		Итого	201

Полковой:

Пушекъ	3-фунт.		145
Единороговъ	$\frac{1}{4}$ кар.		50
	3-фунт.		12
		Итого	207
		А всего	468

Въ 1788.

Полевой:

Пушекъ	12-фунт.		90
	6 —		65
Единороговъ	1 пуд.		24
	$\frac{1}{2}$ —		65
		Итого	244

Полковой:

Пушекъ	3-фунт.		145
Единороговъ	$\frac{1}{4}$ кар.		50
	3-фунт.		12
		Итого	207
		А всего	451

Въ 1794.

Полевой:

Пушекъ	12 - фунт.	90
	6 —	100
Единороговъ	1 — пуд.	24
	$\frac{1}{2}$ —	65
	И того	279

Полковой:

Пушекъ	3 - фунт.	145
Единороговъ	$\frac{1}{4}$ кар.	85
	3 — фунт.	12
	И того	242
	А всего	521

Въ 1797

Полевой:

Пушекъ	12 - фун.	520
Единороговъ	$\frac{1}{2}$ пуд.	260
	И того	780

Полковой:

Пушекъ	6 - фун.	243
Единороговъ	$\frac{1}{4}$ кар.	121
	И того —	364

Конной:

Пушекъ	6 - фун.	35
Единороговъ	12 - фун.	35
	И того	70
	А всего	1214

Въ 1803.

Полевой.

Пушекъ 12-фун.	- -	300
Единороговъ $\frac{1}{2}$ пуд.	- -	192
И того		452

Полковой:

Пушекъ 6-фун.	- -	298
Единороговъ $\frac{1}{4}$ пуд.	- -	154
— — — 3-фун.	- -	74
И того		526

Конной:

Пушекъ 6-фун.	- -	66
Единороговъ $\frac{1}{4}$ пуд.	- -	66
И того		132
А всего		1110.

Въ 1806 году.

Полевой:

Пушекъ 12-фун.	- -	264
Единороговъ пуд.	- -	132
И того		396

Полковой:

Пушекъ 6-фун.	- -	440
Единороговъ $\frac{1}{4}$ пуд.	- -	220
— — — 3-фун.	- -	66
И того		726

Конной:

Пушекъ 6 - фун.	- - -	102
Единороговъ $\frac{1}{4}$ пуд.	- -	102
И того		204
А всего		1326.

VII.

О посланіи къ Привѣтѣ.

Въ Харьковѣ напечатана книжка подъ названіемъ: *Посланіе къ Привѣтѣ, или воспоминаніе о нѣкоторыхъ Русскихъ писателяхъ моего времени.* Г. сочинитель (Александръ Палицынъ) заставляетъ г-жу Привѣту читать 70 страницъ, стихами написанныхъ, и содержащихъ въ себѣ мысли его объ умершихъ и нынѣ живущихъ писателяхъ Россійскихъ; однимъ назначаетъ онъ мѣсто *одесную*, другимъ *ошуюю*. Къ стаду *овецъ* причисляетъ многихъ своихъ знакомыхъ, и вообще тѣхъ, которые имѣли счастіе понравиться ему; между *козлищами* назначаетъ мѣсто тѣмъ злополучнымъ, которые пишутъ не такъ, какъ ему хочется. Объ умершихъ говорить нечего; но живущимъ на свѣтѣ, и желающимъ спокойно прожить вѣкъ свой, очень бы нужно помириться съ г-мъ сочинителемъ *Посланія къ Привѣтѣ*; да въ томъ

бѣда, что мудрено угадать, чего ему хочется. Жестоко гнѣвается онъ на чужеязычіе; между тѣмъ самъ говоритъ о *кругѣ Привѣты*, которой *кричитъ* (стр. 3), — *о людяхъ со вкусомъ непослѣднихъ* (тамъ же), — *о блистательныхъ талантахъ и умахъ* (стр. 55), — *о дарахъ авторскихъ* (стр. 58), и проч. — Пишетъ на страницѣ 35, что „надобно имѣть право на званіе „критика,

„ Безъ права же судить рядить дѣла грѣшно,
„ И *самозванцемъ* быть смѣшно
„ Для всякаго кто мыслитъ здраво.

„Не въ стати безъ заслугъ, заслуги намъ судить.

. . . . . .

„И такъ чтобъ въ тѣ же намъ погрѣшности не вдаться
„ Покойнѣе похвалъ и критикъ удаляться.
„ Съ Вольтеровымъ или съ Лагарповымъ умомъ,
„ Полезенъ приговоръ надъ авторскимъ трудомъ

. . . . . .

„ А наши приговоры,
„ Обыкновенныхъ судъ умовъ,
„ Хвалы или хулы посредственныхъ даровъ,

„ Равно какъ критики недѣланыхъ всѣхъ листовъ,
„ Заводятъ только споры
„ И межъ писателей раздоры.

- - - - - - - - - - - - - - - - - - - -

„ Не можетъ критикомъ быть дюжинной писатель.
„ Нашъ критикъ долженъ быть въ письмѣ законодатель.

Все это написано въ *Посланіи къ Привѣтѣ*, въ которомъ безспорно нѣтъ критики, то есть ученаго разсмотрѣнія книгъ; но за то есть мнѣнія сказанныя на удачу, по *вдохновенію*. о Тредьяковскомъ, напримѣръ, сочинитель вѣщаетъ:

„ Безплодный чтитель Музъ, *страдалецъ ихъ союза*,
„Примѣръ учености, безъ дара и безъ вкуса.

Тотъ писалъ съ умомъ, но негладко; другой былъ богатъ мыслями, но безъ вкуса. Рубанъ, по мнѣнію г-на сочинителя *Посланія къ Привѣтѣ*,

Больше чтилъ бы Музъ,
Когда бы нравы (??) онъ имѣлъ и чище вкусъ.

Г. сочинитель *Посл. къ Прив.* — по данной довѣренности, или по собственному чистосердечію — открываетъ всѣмъ, кому о томъ надлежитъ вѣдать, что въ сатирѣ г-на

Капниста слѣдующіе стихи написаны о Рубанѣ:

Но можно ли какимъ спасительнымъ закономъ
Принудить Мевія мириться съ Аполлономъ,
Не ставить на подрядъ за деньги гнусныхъ одъ,
И рыломъ не мутить Кастальскихъ чистыхъ водъ?

Хвостовъ, по его же словамъ, полонъ удачныхъ вымысловъ; но Привѣта желаетъ иногда

Связнѣе мыслей въ немъ и глаже въ немъ стиховъ.

Подобные приговоры показываютъ, что г. сочинитель или не хотѣлъ слѣдовать своему собственному правилу, то есть удаляться похвалъ и критикъ, которыя заводятъ только споры, или же намѣренъ былъ объявить намъ, что онъ есть и Вольтеръ и Лагарпъ и законодатель въ письмѣ, а не дюжинный писатель. Къ сожалѣнію, подлинная мысль его остается для читателей загадкою; о семъ надлежало бы сказать ясно и вразумительно, чтобы послѣ никто незнаніемъ не смѣлъ отговариваться.

Слѣдующіе стихи излились, кажется, во время піитическаго восторга, и тотчасъ изъ подъ пера отосланы въ книгопечатню:

„ Жалѣли добраго Евстафья мы съ тобою,
„ Любуяся его прекрасною душою,
„ И стихотворною пріятною игрою,
„ Что грубо трудъ его критиковалъ *Зоилъ*,

„Иль паче *лоносилъ*,
„*Какого* намъ еще онъ самъ *не приносилъ*."

Г. сочинитель воленъ сказать, когда и гдѣ за благо разсудитъ, что писавшій критику на книгу г-на Станевича самъ не *приносилъ* подобнаго *труда* ни ему, ни г-жѣ Привѣтѣ; онъ можетъ даже вмѣсто *не приносилъ труда* поставить *не привозилъ*, и тому подобное; но да позволитъ напомнить, что называющій другаго *Зоиломъ* (хотя бы то было въ піитическомъ восторгѣ) даетъ право назвать самаго себя Геростратомъ, Папою Александромъ VI, или другимъ какимъ-либо лицемъ историческимъ, и что такія пренія гораздо лучше представить людямъ, у которыхъ нѣтъ другаго дѣла; еще да позволитъ напомнить себѣ, что выводить небылицу гораздо *грѣшнѣе и смѣшнѣе*, нежели *судить безъ права*. Критика на сочиненія г-на Станевича напечатана во второй книжкѣ *Вѣстника Европы* 1806 года. Всякому легко выправиться и увидѣть, что критикъ не касался нравовъ г-на Станевича, о которыхъ ничего не знаетъ, и говорить ничего не можетъ; онъ можетъ только недоумѣвать, какими путями выпущены въ свѣтъ слова, написанныя на удачу: „*Зоилъ* сочинитель критики *лоносилъ* такого-то!"

Изд.

ПОЛИТИКА.

I.

О новомъ Французскомъ катихизисѣ.

Извѣстно, что года за полтора передъ симъ введенъ въ употребленіе во Франціи новой катихизисъ, одобренный Папою. Въ вѣдомостяхъ писали тогда, что онъ переделанъ изъ стараго Боссюэтова. Явленіе сіе достойно особливаго вниманія по отношеніямъ политическимъ. Теперь еще никто не знаетъ, будетъ ли сей катихизисъ введенъ и въ Нѣмецкихъ государствахъ, равно какъ Судебникъ Наполеоновъ, которой вѣроятно сочиняемъ былъ не для Поляковъ и не для Нѣмцовъ. Книжка, о которой говоримъ здѣсь, называется: *Катихизисъ для употребленія при всѣхъ* (*) *церквахъ Французской Имперіи.* Подъ заглавіемъ стоитъ надпись: Unus Deus, una Fides, unum Baptisma, т. е. Единъ Богъ, едина Вѣра, едино Крещеніе. Слѣдующій отрывокъ означенъ звѣздочкою, для того чтобы всѣ учили его *наизусть.*

(*) Не исключая и протестантскихъ?

„*Вопросъ.* Въ чемъ состоятъ должности христіянина въ отношеніи къ государямъ, господствующимъ надъ ними, и въ чемъ состоятъ особливо наши должности въ отношеніи къ Наполеону первому, нашему Императору?“

„*Отвѣтъ.* Христіяне должны государямъ, которые господствуютъ надъ ними, а особливо мы Наполеону первому, нашему Императору, любовію, благоговѣніемъ, послушаніемъ, вѣрностію, военною службою и предписанными податями для сбереженія и защищенія Имперіи и престола его; потомъ должны мы усердно молиться о спасеніи его, также о временномъ и духовномъ благосостояніи Имперіи.“

„*Вопросъ.* Почему имѣемъ мы сіи повинности въ отношеніи къ нашему Императору?“

„*Отвѣтъ.* Вопервыхъ потому, что Богъ, творящій царства и дающій оныя кому восхощетъ, нашего Императора — котораго осыпалъ дарами какъ въ мирѣ (dans la paix), такъ и въ войнѣ — поставилъ нашимъ владыкою, содѣлалъ его исполнителемъ своей воли и своимъ образомъ на землѣ. Слѣдственно почитать нашего Императора и ему служить есть тоже что почитать Бога и служить ему.“

„*Вопросъ.* Нѣтъ ли еще особенныхъ причинъ, долженствующихъ вдохнуть въ насъ постоянную приверженность къ Наполеону первому, нашему Императору?“

„*Отвѣтъ.* Конечно есть, потому что Богъ при трудныхъ обстоятельствахъ подвигнулъ его возстановить и защитить вѣру отцовъ нашихъ. Онъ глубокою и дѣятельною своею мудростїю возстановилъ и охранилъ общественный порядокъ; онъ обороняетъ государство сильною своею рукою; онъ содѣлался помазанникомъ Господа по благословенїю Папы, верховнаго главы всемїрной (*) церкви.“

„*Вопросъ.* Что надлежитъ думать о тѣхъ, которые нарушили бы должности свои въ отношенїи къ нашему Императору?“

„*Отвѣтъ.* По изреченїю святаго Апостола Павла, они воспротивились бы порядку, самимъ Богомъ уставленному, и заслужили бы вѣчное осужденїе.“

„*Вопросъ.* Подвержены ли мы тѣмъ же повинностямъ и въ отношенїи законовъ нашего Императора наслѣдниковъ, утвержденныхъ законами Имперїи?“

(*) Всемїрной?

„ *Отвѣтъ.* О, безъ сомнѣнія! ибо читаемъ въ Священномъ Писаніи, что Богъ, Господь неба и земли, по высочайшей волѣ своей и провидѣнію даетъ царства не однимъ только лицамъ, но и семействамъ ихъ.“ — — — — —

II.

О янычарахъ.

Званіе янычаръ есть наслѣдственное. Турки, и большая часть ихъ, записываются въ любой полкъ, чтобы имѣть право пользоваться особенными выгодами, сопряженными со званіемъ янычарскимъ. Сіи особенныя выгоды состоятъ въ томъ, что янычаръ бьютъ палками по спинѣ, а не по подошвамъ, какъ дѣлаютъ съ другими, — и еще въ томъ, что ихъ не сажаютъ на колъ, но просто удавливаютъ въ потребномъ случаѣ.

Янычарскихъ полковъ считается сто одинъ; Султанъ записанъ въ первомъ. Число ихъ не опредѣляется. Желающіе являются въ войскѣ, и служатъ охотниками. Каждой янычаръ, опредѣлившійся въ роту, въ первые годы молодости своей повиненъ быть слугою артели. Каждая артель имѣетъ своего капрала, котораго повелѣнія исполняетъ въ точности.

Ученики или молодые янычары носятъ кожаной поясъ съ двумя мѣдными напереди дощечками, которыя крючкомъ застегиваются. Они разъѣзжаютъ дозоромъ, имѣя при себѣ палки, въ знакъ того что отправляютъ должность по службѣ; ибо при нихъ нѣтъ никакого оружія. Замѣтивши безпорядокъ имѣютъ право взять подъ караулъ безпокойныхъ людей, и даже бить ихъ своими поясами, ежели встрѣчаютъ сопротивленіе.

Послѣ ученичества, которое продолжается до тѣхъ поръ, пока усы выростутъ, ихъ производятъ въ чины; тогда они имѣютъ полное право именоваться янычарами, и дѣлаютъ на рукѣ у себя знакъ, показывающій, къ которому полку принадлежатъ. Луна есть знакъ перваго полку.

Сбереженіе знаменъ у янычаръ въ честь не вмѣняется; напротивъ того потеряніе котловъ поваренныхъ почитается величайшимъ несчастіемъ для полку и лишеніемъ чести. Янычаръ въ праздничное время носитъ высокую шапку войлочную съ длиннымъ и широкимъ лоскуткомъ матеріи, которая виситъ назади и закрываетъ спину до половины; надо лбомъ сдѣлана кожаная готовальня для вкладыванія деревянной ложки. Ни одинъ честной янычаръ не выхо-

дитъ на улицу безъ своей ложки; равно какъ Европейской солдатъ всегда носитъ при себѣ тесакъ или штыкъ свой.

Хотя янычары и почитаются лучшею пѣхотою въ Имперіи, однакожь у кого изъ нихъ есть лошадь, тотъ садится на нее, и спокойно ѣдетъ подлѣ своей роты. Такая смѣсь конныхъ людей съ пѣхотными есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ всегдашняго безпорядка въ семъ войскѣ.

Спаги составляютъ конницу, и раздѣляются на шестьнадцать полковъ. Они владѣютъ помѣстьями, и могутъ оставлять ихъ въ наслѣдство дѣтямъ своимъ мужескаго пола; ежелижь не имѣютъ дѣтей, то начальникъ располагаетъ помѣстьями по своему произволу. Правила службы ихъ не такъ строги какъ янычарскія. Они охотнѣе соглашаются потерять котлы нежели знамена. — Пушкарей считается нѣсколько тысячь; между ними есть и такіе, которые, бывъ научены Французскими Офицерами, умѣютъ проворно дѣйствовать огнестрѣльнымъ орудіемъ.

Бомбардиры имѣютъ у себя особаго начальника, и подобно спагамъ пользуются доходами съ богатыхъ помѣстьевъ, содержа на своемъ иждивеніи опредѣленное число дру-

гихъ бомбардировъ. Но люди сіи не искусны въ своемъ дѣлѣ, и не умѣютъ выгодно дѣйствовать тѣми орудіями, которыя имъ ввѣрены.

Изъ охотниковъ пѣшихъ и конныхъ составляются многіе корпусы подъ управленіемъ начальниковъ, ими самими избранныхъ на военное время. Они не берутъ никакого жалованья отъ правительства, и на походѣ не снабжаются припасами. Пришедши въ станъ получаютъ паекъ янычарской, и при дѣлежѣ добычи не забываютъ требовать себѣ доли.

У Турковъ одинакая одежда не въ употребленіи; разные корпусы отличаются головными уборами одинъ отъ другаго. Въ Турціи по чалмѣ узнаютъ, кто какое ремесло отправляетъ, кто какое званіе имѣетъ въ обществѣ, и проч.

(Съ Франц.)

III.

Объ умножающемся числѣ преступниковъ во Франціи (*).

Земля, коея жители съ давнихъ временъ были сильною пружиною въ судьбѣ дру-

(*) Статья сія писана безпристрастнымъ новѣйшихъ Французскихъ листковъ читате-

тихъ народовъ и приготовили богатой запасъ для исторіи людей и даже, можно сказать, всего человѣческаго рода, — Франція, сіе государство, щедро осыпанное дарами природы, по власти всемощной судьбы въ новѣйшія времена выставлена для такого примѣра, которой долженъ бы послужить хорошимъ наставленіемъ, еслибъ только люди способны были читать исторію не для забавы, но для науки. Разсматривать ужасную исторію Франціи новѣйшихъ временъ значило бы повторять всѣмъ уже извѣстное и не соотвѣтствовало бы предпринятому мною намѣренію. Я хочу занять читателей моихъ изображеніемъ новѣйшей исторіи *нравовъ* сего чудеснаго народа.

Къ сожалѣнію, послѣдніе годы представляютъ намъ страшную картину нравовъ развращенной Франціи. Здѣсь идетъ рѣчь не о злодѣйствахъ прежняго правительства и его клевретовъ, злодѣйствахъ всѣмъ извѣстныхъ, — не объ убійствахъ, содѣянныхъ для отвращенія невинныхъ препонъ замысламъ честолюбивыхъ властелиновъ, — не о не-

---

лемъ, которой не имѣлъ никакой посторонней причины изображать произшествія въ ужасномъ видѣ. Тихой и человѣколюбивой нравъ сочинителя, обстоятельства жизни его, и самыя событія ручаются за справедливость того, о чемъ здѣсь написано.

счастїяхъ, въ которыя недовѣрчивость и опасенїе повергли цѣлыя семейства подъ благовидными предлогами законовъ; нѣтъ, сїи произшествїя не принадлежатъ къ исторїи нравовъ народныхъ; онѣ показываютъ только слабость и своекорыстную покорность тѣхъ людей, которые согласшались быть орудїями злодѣянїй.

Совсемъ другїя разсужденїя наполняютъ душу друга человѣчества при возрѣнїи на новые листки Французскїе. Въ такое время, когда послѣ опустошительныхъ бурь внутренней войны, повидимому опять настала вожделѣнная тишина, и водворилась личная безопасность, — когда хитрая дальновидность и истинная нужда возстановили вѣру, — когда самая набожность и даже суевѣрїе заступили мѣсто вольнодумства и безбожїя, — въ такое время едва не каждой листокъ о произшествїяхъ изъ Францїи наполненъ извѣстїями о преступленїяхъ! И число ихъ столь велико, столь необычайно въ лѣтописяхъ просвѣщеннаго вѣка, что не возможно не трепетать отъ ужаса. Сїи преступленїя не должно почитать за одно съ пятнами, безъ которыхъ не льзя изобразить человѣка въ естественномъ видѣ; ихъ не должно смѣшивать и съ тѣми проступками, коихъ начала сокрыты или въ нерадивомъ воспитанїи, или въ сущности

устройства государственнаго, или въ бѣдности, или въ любостяжаніи, мщеніи и другихъ склонностяхъ всѣмъ людямъ общихъ; и такіе проступки неизвинительны, по крайней мѣрѣ понятны для всякаго. Сіи преступленія не такія только, какія находимъ въ лѣтописяхъ государствъ и городовъ обширныхъ; онѣ не такія только, какія свойственны людямъ возросшимъ въ училищѣ разврата, закоренѣлымъ въ порокахъ и наконецъ подпавшимъ мечу правосудія; онѣ не такія только, какія совершаются въ столицѣ и въ большихъ городахъ Французскихъ, гдѣ болѣе злодѣяній, нежели во всѣхъ провинціяхъ, взятыхъ вмѣстѣ. Нѣтъ! тамъ духъ ада распространилъ, кромѣ убійствъ, кромѣ грабежей, еще другія ужаснѣйшія злодѣйства, неслыханныя въ другихъ государствахъ. Отцы убиваютъ дѣтей своихъ; дѣти кинжаломъ и отравою низвергаютъ родителей своихъ во мракъ могилы: и все сіе часто дѣлается не въ изступленіи, но по обдуманному плану, по хладнокровномъ размышленіи! Постыдныя страсти, въ другихъ мѣстахъ по крайней мѣрѣ возрастомъ обуздываемыя, тамъ не имѣютъ предѣловъ: и дрожащій старикъ и нѣжной юноша равно подвержены разврату. Тамъ ни союзъ родства и сожитія, ни полъ, ни званіе не спасаютъ отъ погибели: кипящая страсть требуетъ удовлетворенія, — пер-

вая мысль въ минуту зарожденія своего становится зрѣлымъ намѣреніемъ, — одинъ мигъ — и жертва обагряется кровію. И сіи злодѣйства совершаются весьма не рѣдко; не взирая на казнь преступниковъ, почти ежедневную, — не взирая на ссылку, ужасную для Французовъ. Каждой день открываются новыя злодѣйства, и хотя очень малая часть ихъ доходитъ до свѣдѣнія общества, однакожь число извѣстныхъ показываетъ великое приращеніе въ послѣдніе годы. Злодѣйства сіи, какъ видно по вѣдомостямъ; совершаются не такими людьми, которые, будучи испорчены опытами и удачами, забыли стыдъ и совѣсть; но даже дѣти, которые недавно отстали отъ младенческихъ игрушекъ; оскверняютъ уже юную душу свою помыслами объ убійствѣ, и въ крови обагряютъ свои руки. Дѣвушки, въ такія лѣта, когда природа наполняетъ сердце нѣжными чувствіями, уже не уступаютъ въ жестокости закоренѣлымъ злодѣямъ.

Трудно искоренить причины столь пагубнаго развращенія нравовъ и нечестія. Обыкновенные въ другихъ земляхъ поводы къ распутству, также сила климата и государственнаго учрежденія сюда не принадлежатъ. Не хотимъ искать причинъ сихъ въ особливой наклонности Фран-

нузовъ къ злодѣйствамъ, какъ Цицеронъ говорилъ о Галлахъ, желая спасти друга своего Фонтея; не хотимъ думать, будто весь многочисленной народъ состоитъ изъ однихъ злодѣевъ, хотя негодованіе противъ свирѣпости нѣкоторыхъ и заставляетъ иногда худо заключать о цѣломъ народѣ. Можно бы искать причины злодѣяній въ легкомысліи и пылкости Французовъ; но сіи свойства и прежде они имѣли, а злодѣйствъ менѣе во Франціи было, нежели нынѣ. Прежнее правительство часто само подавало поводъ къ злодѣйствамъ и почти всегда награждало ихъ во время революціи; связи общежитія были совершенно расторгнуты; всѣ правила благонравія уничтожены, между тѣмъ какъ народъ пылкой и легкомысленной съ ряду нѣсколько лѣтъ смотрѣлъ на кровопролитія; внезапной переходъ отъ волненій къ спокойствію: вотъ что можетъ служить объясненіемъ пагубныхъ событій. Далѣе — совершенное небреженіе о воспитаніи дѣтей, и одичавшіе нравы молодыхъ людей, которые потомъ возмужали, суть другія причины распространившихся злодѣяній. Но главнѣйшая въ томъ состоитъ, что легкомысленные властелины подчиняли власти своей вѣру и благонравіе, что приноравливали ихъ къ господствующимъ обычаямъ, что по своему произволу низвергали Божество и опять посаждали его на прасто-

лѣ, и что приучили народъ неуважать ничего священнѣйшаго для человѣка. Какъ можно думать, чтобы человѣкъ — которому въ здѣшней жизни обойтись не льзя безъ непостижимыхъ впечатлѣній свыше — сталъ теперь дорожить утѣшеніемъ и наградою вѣры, или бояться укоризнъ ея и наказанія, когда вѣру сію представляли ему то смѣшною и ненужною, то достопочтенною и необходимою, — когда вѣру сію то отнимали у него, то опять насильно заставляли принять ее, смотря по выгодамъ и цѣли властелиновъ? Какое имѣть будетъ довѣріе гражданинъ къ правительству, сынъ къ родителю, слуга къ господину тамъ, гдѣ вѣру перемѣняли какъ платье, и гдѣ довели простой народъ до того, что онъ перестаръ уважать святыню, презрѣлъ благонравіе, безбоязненно отважился на всѣ злодѣйства, и погрязъ въ пропасти разврата, котораго слѣдствія столь часто описываются теперь въ листкахъ Французскихъ, и останутся навсегда пятномъ неизгладимымъ?

(Съ Нѣм.)

Историческія и Статистическія извѣстія о прежней Польшѣ (*).

Польша, до перваго раздѣлу оной въ 1773 году, сопредѣльна была на востокѣ съ Россіею, на югѣ съ Турціею, на западѣ съ Германіею, на сѣверѣ съ Балтійскимъ моремъ. Климатъ ея вообще холоденъ и здоровъ, и земля почти вездѣ чрезвычайно плодоносна. Хлѣба родится въ ней такъ много, что ежегодно отпускаемо было черезъ Данцигъ за границу отъ 150 до 180 милліоновъ шефелей. Луга отмѣнно тучны, а особливо въ Подоліи, гдѣ трава выростаетъ такая высокая, что иногда скрываетъ быковъ, въ ней пасущихся. Можно судить о плодородіи земли и объ изобиліи въ хлѣбѣ изъ того что въ продолженіе семьнадцати лѣтъ, въ которыя чужестранныя войска, одно послѣ другаго и всѣ вмѣстѣ, ходили по Польшѣ, ни одинъ разъ не было голоду. Не смотря на то путешественники жалуются, что въ постоялыхъ домахъ и корчмахъ ничего найти не льзя, и что не привезши съ собою запасу, надобно терпѣть голодъ.

(*) Взятыя изъ Архенгольцовой Минервы. Издатель сего Журнала, ссылаясь на Французскіе листки, пишетъ, что извѣстія сіи извлечены изъ бумагъ, найденныхъ Французами въ Берлинскихъ Архивахъ.

Польша лежитъ на ровной поверхности, и вмѣщаетъ въ себѣ множество лѣсовъ дубовыхъ, еловыхъ и буковыхъ. Легко статься можетъ, что въ ней родился бы и виноградъ; но тамъ не стараются размножать его. Въ Польшѣ разводятъ манну, употребляемую на поварняхъ; также червецъ, изъ котораго составляются краски и лѣкарства; собираютъ медъ, изъ котораго дѣлаютъ напитокъ, и воскъ, отпускаемый въ большомъ количествѣ за границу.

Кому неизвѣстно богатство земли сея, въ быкахъ и лошадяхъ состоящее? Послѣднія красивы и на бѣгу скоры. Въ Украйнѣ водятся дикія лошади; также и въ лосяхъ нѣтъ недостатка. Сіе животное ростомъ и видомъ походитъ на большую лошадь, выключая что имѣетъ рога, масть и ноги оленнія, уши ослиныя.

Соляныя рудокопни при Величкѣ, за восемь миль отъ Кракова, составляютъ богатство земли, и вмѣстѣ служатъ рѣдкимъ зрѣлищемъ для любопытныхъ. Въ нихъ спускаются чрезъ прямыя, весьма глубокія отверстія. Проходы подъ землею чрезвычайно обширны, и поддерживаются деревянными подпорами и соляными столбами. Есть домы, даже церкви изъ соляныхъ глыбъ построенныя; кажется однакожь, что путе-

шественники слишкомъ уже увеличиваютъ блескъ сихъ зданій. Ежегодный доходъ отъ соляныхъ рудокопень простирается до 600,000 Саксонскихъ рейхсъ-талеровъ. Добываемая соль не бѣла, но желѣзнаго цвѣта и качествомъ своимъ подходитъ къ той, которую собираютъ на берегахъ Мраморнаго моря противъ цѣпи горъ Карпатскихъ. Пространство соляной ямы содержитъ въ себѣ отъ востока къ западу 3,600, отъ юга къ сѣверу 200 футовъ. — Первые жители Польши, сколько извѣстно, были Сарматы или Славяне; въ прочемъ ея истинная исторія начинается отъ Пяста, то есть съ 842 года. — Христіянская вѣра введена 997 года.

Родъ Ягеллоновъ, князей Литовскихъ, вступилъ на престолъ Польскій въ 1384, и царствовалъ наслѣдственно до 1572 года. Спустя потомъ два года избранъ въ Короли Генрихъ Валуа, бывшій потомъ Королемъ Французскимъ подъ именемъ Генриха III. Въ 1683 году Іоаннъ Собіескій, Польскій Король, принудилъ Турковъ отступить отъ Вѣны. Это былъ послѣдній подвигъ мужества Польскаго внѣ королевства.

Польша, безпрестанно терзаемая внутренними несогласіями и безпокойствами, и слѣдственно всегда слабая, наконецъ умень-

шена въ 1773 году, когда многія обширныя провинціи присоединены къ Россіи, Австріи и Пруссіи. Спустя двадцать два года, въ 1795 Польша потеряла бытіе политическое.

Извѣстно, что въ послѣднее время правительство Польши было монархо-республиканское. Короля избирали голоса; но при каждомъ избраніи происходили безпокойства, соблазны и даже война междоусобная.

Въ Польшѣ есть множество городовъ, по большей части очень худо выстроенныхъ. Число жителей въ королевствѣ, прежде 1773 года, простиралось до 8,500,000; между ними Жидовъ было 600,000.

Польской народъ былъ раздѣленъ на три сословія: на дворянъ, мѣщанъ и крестьянъ. Оба послѣднія почти безъ исключенія принадлежали первому. Польское дворянство имѣло великія преимущества, которыя до того даже простирались, что помѣщикъ былъ властенъ въ жизни и смерти своего крестьянина. Одни дворяне могли владѣть недвижимымъ имѣніемъ; одни они могли выбирать Короля, или содѣйствовать избранію онаго.

Король долженъ былъ спрашиваться чиновъ при всѣхъ случаяхъ, касающихся до

блага, перемѣны или выгодъ государственныхъ. Безъ ихъ согласія онъ не могъ начинать войны, заключать мира, договариваться о союзѣ, сочинять новыхъ законовъ, налагать податей, жаловать землею и проч.

IV.

Извѣстія и замѣчанія.

Военное позорище представляется теперь на островѣ Зееландѣ и въ окрестностяхъ онаго. Судя по изданнымъ объявленіямъ отъ Датскаго правительства и по разнымъ извѣстіямъ о готовности жителей отражать непріятеля, казалось бы, что Англичане должны встрѣтить непреоборимыя препятства. Однакожъ въ Лондонѣ повидимому твердо надѣялись имѣть удачу, и нетерпѣливо ожидали извѣстія отъ главноначальствующаго Адмирала о начатіи дѣйствій. „Что будетъ — написано въ одномъ листкѣ Оппозиціи — ежели флотъ нашъ еще станетъ медлить? Датчане ожесточатся и *подниматъ оружіе*. Ежели мы и теперь ничего не предпримемъ противъ Датскаго флота и Коппенгагена; то оплошность сія послѣ заставитъ пролить болѣе крови. Не хотятъ ли развѣ наши Министры и здѣсь такую же *шутку* сдѣлать, какая сыграна подъ Константинополемъ?“

Вникнувши въ смыслъ сей статьи и другихъ извѣстій изъ Лондона, можно нѣкоторымъ образомъ догадываться, что между Англійскимъ и Датскимъ правительствами предварительно заключено тайное соглашеніе, или по крайней мѣрѣ что Датчане охотнѣе отдаются подъ покровительство Англіи, нежели Франціи.

Въ Монитерѣ напечатанъ разговоръ, происходившій между Наслѣднымъ Принцомъ Датскимъ и Англійскимъ посланникомъ г-мъ Джаксономъ. На извѣстное предложеніе посланника Принцъ отвѣчалъ, что въ исторіи нѣтъ примѣра подобнаго столь вѣроломному нападенію, какимъ угрожаютъ Даніи, и что на Варварійскихъ разбойниковъ въ честности можно понадѣяться болѣе нежели на Англичанъ. Вы предлагаете союзъ, — прибавилъ Наслѣдный Принцъ — развѣ мы не знаемъ, каково быть въ союзѣ съ вами? Ваши союзники, тщетно цѣлой годъ ожидавшіе помощи, научили насъ дорожить вашимъ союзомъ.“ Когда г. Джаксонъ напомнилъ, что Принцъ говоритъ грубо, Е. В. отвѣчалъ: „Кто отваживается дѣлать подобныя предложенія, тотъ долженъ готовъ быть все слушать.“ Посланникъ примолвилъ, что Англія заплатитъ за всѣ убытки. Принцъ отвѣчалъ: „Но чѣмъ заплатитъ она за честь?“ Слѣду-

ющія слова Принца въ разговорѣ помѣщенныя заслуживаютъ вниманіе: „Ежели измѣна поможетъ Англичанамъ овладѣть столицею; то я въ нынѣшнюю же зиму сдѣлаю то, что Густавъ сдѣлалъ, и замерзшій Белтъ будетъ надежною для меня дорогою.“

Теперь помѣстимъ договоръ, подписанный уполномоченными отъ главноначальствующихъ Датскаго и Англійскаго. Пускай сами читатели соглашаютъ противурѣчія, и выводятъ свои заключенія:

Статьи договора о сдачѣ города Копенгагена и цитадели между Генералъ-Майоромъ Валтерсдорфомъ, Контръ-Адмираломъ Литкеномъ и Королевскимъ Генералъ-Адъютантомъ Киркгоффомъ, уполномоченными отъ Генералъ-Майора *Пеймана*, Главноначальствующаго надъ войсками Его Датскаго Величества съ одной стороны, а съ другой между Генералъ-Майоромъ Сиромъ Артуромъ Веллеслеемъ, Капитаномъ флота Сиромъ Гомомъ Понгамомъ, и Подполковникомъ Джоржомъ Мурраемъ, уполномоченными отъ Адмирала синяго флага *Джемеса Гамбіера*, Главноначальствующаго надъ Балтійскимъ флотомъ Его Британскаго Величества, также отъ Генералъ-Лейтенанта Лорда Каткар-

та, Главноначальствующаго Англійскими сухопутными силами на островѣ Зееландѣ.

Статья I. Немедленно по подписаніи и подтвержденіи сего договора цитадель будетъ сдана войскамъ Е. В. Короля Великобританскаго.

Статья II. Въ морскомъ арсеналѣ поставленъ будетъ караулъ Е. В. Короля Великобриттанскаго.

Статья III. Корабли и военныя суда всякаго рода со всѣми ихъ мореплавательными снастями, принадлежащія Е. В. Королю Датскому, будутъ отданы коммиссарамъ назначеннымъ отъ Главноначальствующихъ морскими и сухопутными силами Е. В. Короля Великобриттанскаго; сіи коммисары сперва примутъ въ свое вѣдомство арсеналы и верфи, также всѣ магазины и строенія въ нихъ находящіяся.

Статья IV. Перевознымъ судамъ Е. В. Короля Великобриттанскаго дозволено будетъ въ потребномъ случаѣ входить въ пристань для нагруженія оныхъ военными припасами и людьми, находящимися теперь на островѣ.

Статья V. Какъ скоро корабли отведены будутъ изъ внутренней пристани, въ шесть ли недѣль по подписаніи сего договора, или если можно скорѣе, войска Е. В. Короля Великобриттанскаго обратно отдадутъ войскамъ Е. В Короля Датскаго цитадель въ такомъ точно состояніи, въ какомъ нынѣ займутъ ее. Равнымъ образомъ войска Англійскія оставятъ островъ Зееландъ въ означенный срокъ или, ежели можно скорѣе.

Статья VI. Со времени подписанія сего договора непріятельскія дѣйствія прекратятся на всемъ островѣ Зееландѣ.

Статья VII. Всѣ лица и всякая собственность, общественная и частная останутся не прикосновенными, исключая выше упомянутые корабли, военныя суда и мореплавательные припасы, принадлежащіе Е. В. Королю Датскому. Всѣ власти военныя и гражданскія, въ службѣ Е. В. Короля Датскаго состоящія, будутъ отправлять должности свои по прежнему на островѣ Зееландѣ, и все стараніе приложено будетъ о возстановленіи союза и добраго согласія между обоими народами.

Статья VIII. Плѣнные обѣихъ сторонъ будутъ взаимно отданы безъ условій, и

Офицеры, обязавшіеся честнымъ словомъ, получатъ разрѣшеніе.

Статья IX. Всякаго рода собственность Англичанъ, взятая и описанная по причинѣ дѣйствій непріятельскихъ, будетъ обратно отдана хозяевамъ по принадлежности.

Сей договоръ будетъ подтвержденъ Главноначальствующими обѣихъ сторонъ и размѣненъ сего числа прежде полудня. Копенгагенъ, 7 Сентября, 1807.

По извѣстіямъ изъ Сѣвернаго Журнала видно, что Шведы оставили островъ Рюгенъ въ то самое время, когда Англичане овладѣли Копенгагеномъ, и что Е. В. Король Шведскій переправился въ Карлскрону. — Между Рюгеномъ и Стралзундомъ есть маленькой островъ Денгольмъ, съ котораго Шведы бросали бомбы, ядра, гаубицы и картечи въ Стралзундъ. Французы овладѣли упомянутымъ островомъ, и — судя по дѣлаемымъ приготовленіямъ — кажется, хотятъ напасть на островъ Рюгенъ.

❖

Изъ рѣчи, произнесенной Императоромъ Наполеономъ къ членамъ Законодательнаго корпуса, выписываемъ для нашихъ читателей слѣдующее: „Что Бранденбургской домъ

еще царствуетъ, за это онъ долженъ благодарить Могущественному ИМПЕРАТОРУ Сѣвера . . . . . Я желаю мира на моряхъ. Памятозлобіе не управляетъ моими намѣреніями; не хочу сердиться на народъ, которой бываетъ жертвою крамолъ, и которой обманывается въ разсужденіи какъ собственныхъ своихъ обстоятельствъ, такъ и своихъ сосѣдей," и проч.

*

Для наполненія остающагося мѣста выпишемъ изъ Рижскихъ листковъ, что на глаза попадется. — Генералъ Бершье отправился изъ Неаполя для принятія Семи острововъ, чаятелвно подъ вѣдомство Короля Неапольскаго Іосифа. Изъ Отранто поплылъ корпусъ войскъ Французскихъ къ острову Корфу. — Турки осмѣлились 18 Іюля напасть на флотъ Россійскій при Тенедосѣ. Капитанъ-Паша отважно плылъ къ Вице-Адмиралу Сенявину. Но храбрые Россіяне, какъ нѣкогда при островѣ Скіо и въ заливѣ Чесмы, удержали при себѣ прежнюю свою славу: Четыре линейные корабля непріятельскіе взлетѣли на воздухъ; прочіе или взяты побѣдителями; или убѣжали въ каналъ. Турецкій Адмиральскій корабль сѣлъ на дно. — О семъ или о другомъ сраженіи въ Вѣнскихъ придворныхъ вѣдомостяхъ 22 Августа напечатано слѣдующее: „Битва на морѣ между Лемносомъ и Монтефанто

1 Іюля продолжалась 8 часовъ, и кончилась побѣдою на сторонѣ Россіянъ. Потеря Турковъ простирается до 1200 человѣкъ. Вице-Адмиралъ Бекиръ-Бей взятъ въ плѣнъ съ кораблемъ. Великій Адмиралъ Сендъ-Али-Паша сражался весьма храбро; при концѣ битвы онъ окруженъ былъ пятью Россійскими кораблями; однакожъ успѣлъ ускользнуть отъ нихъ къ острову Имвросу. Побѣдители взяли четыре корабля, а три сожгли. Турецкому Контръ-Адмиралу Шеремет-Бею и шремъ Капитанамъ его тотчасъ послѣ сраженія отрублены головы за неисправность. Сія побѣда равняться можетъ съ тою, которую нѣкогда Графъ Орловъ одержалъ при Чесмѣ." Еще по другому извѣстію видно, что послѣ сраженія заключено перемиріе. Все сіе происходило, вѣроятно, до полученія извѣстія о мирномъ договорѣ Тильзитскомъ.

*

Нечаянно случилось мнѣ замѣтить двѣ ошибки въ напечатанномъ 18 нумерѣ Вѣстника. На страницѣ 107 въ строкѣ 5 читать должно: не можетъ не прибавить; на страницѣ 129 въ строкѣ 18: сочинительница повѣсти о Валеріи, и проч.

Сентября 27.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ОКТЯБРЬ, 1807.

№ 20.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

РѢЧЬ,

произнесенная въ публичномъ Собраніи Московскаго Общества Испытателей природы 18 Сентября сего года Членомъ Общества, Ст. Совѣтникомъ и Кавалеромъ В. Н. Каразинымъ, по случаю представленія нѣсколькихъ окаменѣлостей, найденныхъ имъ въ окрестностяхъ Москвы.

Мы видѣли, почтеннѣйшее Собраніе, успѣхи нашего Общества въ короткое время его существованія (*). Ревность къ просвѣщенію

(*) Въ семъ Собраніи Господа Директоръ и Секретари исторически предлагали годовой отчетъ Обществу во всемъ до него принадлежащемъ.

и отечественная любовь, которыя его основали, благосклонное воззрѣніе МОНАРХА-ПАТРІОТА, которое его утвердило, и усердіе его Членовъ, особливо же почтеннѣйшаго Президента, въ сословіяхъ учености не менѣе какъ и въ кругу Вельможъ именитаго, разливаютъ радостную надежду, что оно продолжитъ дѣйствовать съ тою же рѣшительною пользою для своего предмета. Вкусъ къ изслѣдованію Природы, и къ наукамъ тѣмъ, кои открывая ея тайны, передаютъ ихъ земледѣлію и художествамъ, сдѣлается болѣе и болѣе общимъ въ пространной Россіи. Великая наша столица, которая издревле приводила въ движеніе всѣ концы Государства, которая издревле была и еще есть преимущественнымъ вмѣстилищемъ Россійскаго духа и подлиннымъ средоточіемъ всего *Россійскаго*, — *она* дастъ примѣръ собою. *Она* положитъ начало къ собиранію сокровищъ *собственныхъ*, — и Россіяне, совративъ взоръ свой отъ блеска чуждаго, перестанутъ на послѣдокъ попирать ногами *своя благая*.

Любопытство наше перестанетъ искать для себя предметовъ за морями лишь и за предѣлами своей земли; тогда какъ Всемогущій Богъ разлилъ вокругъ насъ изобиліе, невѣдомое въ другихъ странахъ, и окружилъ насъ чудесами.

Признаемся, просвѣщенные Слушатели, что многимъ общимъ истиннамъ въ Исторіи природы научился каждой изъ насъ по преданію токмо иностранныхъ писателей, и что на семъ одномъ преданіи иногда основывается познаніе наше о истиннахъ такихъ, въ которыхъ бы мы съ младенчества нашего собственными очами могли удостовѣриться (*). Признаемся, что хранилища рѣдкостей нашихъ составлены наиболѣе изъ чужеземныхъ произведеній, между тѣмъ какъ наши собственныя, несравненно достойнѣйшія примѣчанія, напрасно ищутъ обратить на себя вниманіе наше. Признаемся, что благодаря господствующему — или къ утѣшенію своему скажу, господствовавшему доселѣ — образу нашего воспитанія,

(*) Это сущая правда! Не только свѣдѣніе о самыхъ обыкновенныхъ естественныхъ произведеніяхъ, о разныхъ ремеслахъ и рукодѣліяхъ именно Россіи свойственныхъ заимствуемъ мы изъ иностранныхъ книгъ; но я знаю примѣры, что даже Россійской Географіи и Исторіи учатъ господа Аббаты по негоднымъ своимъ компендіямъ, выписаннымъ изъ стародавнихъ сочиненій ихъ соотчичей, и наполненныхъ еще грубѣйшими ошибками. — *Примѣч. приславшаго Рѣчь къ Изд. Вѣст.*

страны чужія намъ извѣстнѣе, нежели наше отечество.

И дабы усовершить *такія* познанія, *таковымъ* воспитаніемъ приобрѣтенныя, не щадимъ мы иждивеній; предпринимаемъ путешествія, снѣдающія избытки наши; и плодъ многопотнаго труда нашихъ добрыхъ земледѣльцовъ несемъ на жертву призракамъ чужой земли, вмѣсто того что онъ тысячекратно успѣшнѣе могъ бы обращенъ быть на пользу нашей родины.

Сколько Россійскихъ милліоновъ, Милостивые Государи, разсыпано въ суетномъ намѣреніи удивить Парижъ или Лондонъ! Сколько употреблено ихъ на вывозъ изъ Италіи, такъ называемыхъ, антиковъ, или другихъ художественныхъ произведеній, въ которыхъ время, поборая искуство, давно уже не оставило въ немъ ничего достойнаго вниманія, кромѣ себя самаго! Безъ сомнѣнія, половины суммъ, издержанныхъ нами симъ, или сему подобнымъ образомъ въ прошедшій XVIII вѣкъ, было бы достаточно на многія полезнѣйшія изслѣдованія внутреннихъ богатствъ, на собиранія, ободренія, однимъ словомъ на сооруженіе у насъ, на родимой землѣ, великолѣпнѣйшаго храма природы и искуствъ, —

искуствЪ, прибавимЪ, непосредственно кЪ сей природѣ, *каковою она у насЪ является, приложенныхЪ.*

Россія наша извѣстна намЪ только вЪ самомалѣйшей ея части: и вЪ семЪ, какЪ и вЪ прочихЪ отношеніяхЪ, она можетЪ быть уподоблена богатѣйшему руднику, котораго поверхность одна едва едва раскрыта работающими, — и уже огромные комы самороднаго золота поражаетЪ ихЪ зрѣніе. Чтожь будетЪ тогда, если дѣятельность разширитЪ входЪ внутрь его, и пойдетЪ во глубины по всѣмЪ излучинамЪ металлоносныхЪ жилЪ! .. Мы имѣли уже Гмелина, Крашенинникова, Рычкова, Озерецковскаго, Лепехина, Палласа; заслуги сихЪ почтенныхЪ мужей конечно велики и достойны всей благодарности нашей; но они — простите мнѣ простоту сравненія, Милостивые Государи! — не болѣе сдѣлали для познанія исполинскаго тѣла нашего Царства, какЪ бы могли сдѣлать нѣсколько трудолюбивыхЪ древосѣковЪ, отправленныхЪ вЪ дремучіе Вятскіе лѣса для расчищенія ихЪ на пашню. Они проложили вЪ разныя стороны малое число тропинокЪ, между коими необЪятныя пространства еще остались! Соединенными токмо силами многихЪ людей, горящихЪ кЪ истинѣ и отечеству,

разсѣянныхъ по мѣсту, раздѣленныхъ по предметамъ, но подобно намъ соединенныхъ по цѣли, ободряемыхъ и взаимно себя ободряющихъ, управляемыхъ умоначертаніемъ общимъ, сносящихъ приобрѣтенное каждымъ во едино, не иначе М. Г. возможно приобрѣсти въ продолженіе времени достаточныя познанія о Россіи. Въ примѣръ, сколь понынѣ еще скудны мы и *ближайшими* къ намъ свѣденіями, осмѣлюсь я представить одно обстоятельство, которое бывъ упомянуто славнымъ путешествователемъ въ 1768 году (*), съ тѣхъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, не подпало никакому точнѣйшему ученому изслѣдованію, хотя обнаруживается оно въ самыхъ окрестностяхъ сей столицы. Я разумѣю здѣсь окаменѣлости такихъ организованныхъ тѣлъ, которыя *лишь морскому дну свойственны*, но которыя составляютъ въ смѣшеніи съ другими породами земель цѣлыя горы по теченію Москвы и нѣкоторыхъ малыхъ впадающихъ въ нее рѣкъ. Онѣ, какъ узналъ я, начинаютъ уже обнаруживаться въ разныхъ слояхъ земли непосредственно у Валдайскаго хребта, на той плоскости къ нему примыкающей, которую знаменитый нашъ Ломоносовъ почиталъ однимъ изъ четырехъ глав-

(*) Путешествіе Палласа по Россіи, изданія 1773 года, Томъ I стр. 20.

ныхъ возвышенїй въ Европѣ (*). Я нашелъ случайно неподалеку отъ Звенигорода на крутизнѣ берега одного ручья, втекающаго въ Москву и въ 25 саженяхъ отвѣсной высоты отъ обыкновеннаго въ томъ мѣстѣ теченїя сей рѣки, нѣсколько таковыхъ окаменѣлостей. Съ другими породами, между прочимъ и съ тѣми, кои принадлежатъ къ существу сгнедышущихъ горъ, перемѣшаны онѣ самымъ удивительнѣйшимъ образомъ, такъ что все представляемое мною теперь собрано на разстоянїи десяти, или не болѣе 15 саженей. Я за обязанность себѣ сочту въ одно изъ слѣдующихъ засѣданїй предложить о происхожденїи вообще подобныхъ окаменѣлостей мои мысли, которыя можетъ быть окажутся новыми. Въ нынѣшнеежь торжественное собранїе, первое еще, въ которомъ имѣю честь находиться среди сего просвѣщеннаго Общества, да позволено мнѣ будетъ сократить мою рѣчь, и кончить ее засвидѣтельствованїемъ моей глубочайшей благодарности за честь, оказанную мнѣ избранїемъ въ сочлены, и моей готовности заслуживать оную, дѣйствуя соотвѣтственно важному предначертанїю Общества.

(*) Соч. Ломоносова, изданїе 1794 въ четвертку, Часть III стр. 178 въ прибавленїи второмъ къ Металлургїи.

Записка представленныхъ окаменѣлостей и породъ.

I. Кремнистаго существа, дающіе искры отъ удара огнивомъ.

1. Большой астроитъ шестиугольниками, обратившійся въ роговикъ, отчасти черноватый, отчасти бѣлесоватый, со стороны, гдѣ оный сего послѣдняго цвѣта, засѣлъ хрусталями чистой кварцъ.

2. Мадрепоритъ съ прямыми слоями, въ бѣлесоватой роговикъ обратившійся.

3. Мадрепоритъ съ волнистыми слоями, обратившійся въ черноватой роговикъ.

4. Каралліолитъ, или можетъ быть особливаго образованія каріофилитъ, обратившійся въ красноватый роговикъ.

5. Енкринитъ колѣнчатой, обратившійся въ кварцъ.

6. Подобной же безъ хрусталей, слѣдственно болѣе роговиковаго, нежели кварцоваго свойства.

7. Комъ морскихъ раковинъ, роду сердцевыхъ, обратившихся въ красноватой роговикъ.

8. Часть сердцевой раковины прозрачной и почти совсѣмъ перешедшей въ халцедонъ.

9. Окаменѣлая раковина съ ея внутренностію, которая послѣдняя осыпана мѣлкими прекрасными кварцовыми хруста-

лями. Она найдена по разбитіи большаго извязьковаго камня внутри онаго.

10. Белемниты съ мѣлкими раковинами, обратившіеся въ кварцовую породу съ насѣдомъ хрусталей.

II. Извязьковаго существа.

11. Весьма нѣжной извязьковой камень, представляющій однако еще слѣды организованныхъ тѣлъ.

III. Смѣшаннаго существа.

12. Извязьковой камень со вдавленными въ него раковинами, обратившимися въ роговикъ; Изъ нутри нѣкоторыхъ просвѣчиваютъ хрустали.

13. Отломки охрусталованныхъ окаменѣлостей, заплывшія въ желѣзную желтоватую охру.

14. Извязьковой камень со вдавленною въ него сердковою раковиною, которая перешла въ роговикъ.

15. Комъ мѣлчайшихъ раковинъ, перешедшихъ въ красноватую изязь; промежду ими видно нѣсколько большихъ роговиковаго свойства.

IV. Породы непринадлежащія къ окаменѣлостямъ.

16. Кварцовая матка (Géocle de Quartz), наполненная хрусталями, которые представляютъ только одну свою вершину, а между

ими видѣнъ колчаданъ. Она снаружи покрыта охристою глиною.

17. Почковая глинистая желѣзная руда.

18. Таковаяжь, но на поверхности ея обнаруживается желѣзной колчаданъ, которой уже отъ воздуха началъ вывѣтриваться.

19. Зеленоватой агатъ.

20. Кремнистый шиферъ.

21. Лиѳитъ (что предъ симъ называли сѣрнымъ агатомъ).

22. Желтоватой роговикъ, переходящій съ одной стороны въ агатъ, съ другой же въ сердоликъ.

23. Зеолитъ

24. Красной Финляндской гранитъ.

25. Бѣлой гранитъ, котораго преимущественная составная часть слюда.

26. Кусокъ легковѣсной бѣловатой земли, которая по предварительному испытанію кажется магнезіальною.

II.

Титъ-Ливій и Тацитъ.

(Окончаніе.)

Искуство писать исторію принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ древніе превосходятъ новыхъ. Не льзя сказать, чтобы тому былъ виною недостатокъ въ произшествіяхъ; ибо, вопреки разнымъ мнѣ-

ніямъ, новѣйшія времена столько же обильны достопамятными случаями, какъ и древнія: и такъ недостатокъ состоитъ не въ содержаніи, но въ искуствѣ.

Я думаю, что древніе предписали себѣ особливыя правила, которыя дѣлали исторію заманчивою, и что мнѣнія ихъ, въ прочемъ ослабѣвшія отъ времени, и теперь еще справедливы. Первобытные люди управлялись болѣе воображеніемъ, нежели разумомъ. Чтобы растрогать воображеніе, въ старину наполняли исторію чудесными случаями; уклоняясь отъ строгой истины, сдѣлали исторію, какъ замѣчаетъ Сенека (*), болѣе пріятною для народа. Самъ Титъ-Ливій требуетъ извиненія для глубокой древности, которая смѣшиваетъ дѣла божескія съ человѣческими, для того чтобы началу городовъ придать болѣе священной важности. Онъ признается, что въ повѣствованіяхъ о времени, до основанія Рима истекшемъ, находится болѣе піитическихъ вымысловъ, нежели истины (**).

Почти вообще думаютъ, что древнѣйшія лѣтописи были сочиняемы стихами.

(*) Natur. Quaeſt. VII, 16.

(**) Livius proœm. Въ другомъ мѣстѣ историкъ сей повидимому думаетъ, что случаи, предшествовавшіе покоренію Рима Галлами, не были ни кѣмъ описаны.

Рѣчи, по размѣру составленныя, удобнѣе печатлѣлись въ памяти людей до изобрѣтенія письма: это было единственное средство сохранить дѣянія вѣковъ протекшихъ. Начавши собирать сіи преданія, не позаботились отличить вымысел отъ истины, и мечты піитическаго воображенія приняты за справедливыя произшествія.

Сверхъ того, чтобы сдѣлать исторію болѣе вѣрною картиною повѣствуемыхъ событій, часто давали ей форму драматическую, то есть заставляли говорить выводимыя лица. Сему доказательствомъ служатъ древнѣйшія книги библейскія.

Геродотъ нѣчто удержалъ изъ сего порядка. Ученые утверждали даже, что онъ умышленно подражалъ Гомеру, у котораго лица говорятъ весьма часто и продолжительно, и который въ этомъ былъ образцомъ для драматическихъ поэтовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Геродотъ точно подражалъ Гомеру, когда, вопреки обыкновенію историковъ, не держась порядка времени, онъ спѣшитъ разсказывать главное произшествіе, потомъ опять возвращается къ тому что пропущено, и повѣствуетъ посредствомъ искусно вводимыхъ эпизодовъ. Обвиняли сего историка въ нарушеніи по-

рядка; но мнимая погрѣшность сїя есть доказательство превосходнѣйшаго дарованїя.

Однакожь только Геродотъ былъ такъ смѣлымъ. Когда пылкое воображенїе людей утихло, когда разумъ ихъ и вкусъ образовались; тогда признано за нужное держаться порядка времени въ историческихъ повѣствованїяхъ; въ прочемъ Греки не всегда строго исполняли сїе правило. Также начали остерегаться отъ чудесъ, которыми прежде старались украшать исторїю; начали вѣрнѣе описывать произшествїя; научились представлять оныя въ лучшемъ видѣ и въ соразмѣрности.

Наконецъ примѣтивши, что въ теченїи дѣлъ намѣренїя предшествуютъ исполненїю, стали требовать отъ историка, чтобы онъ давалъ отчетъ не только въ произшествїяхъ, но и въ причинахъ побудительныхъ, и чтобы повѣствуя о томъ *что* сдѣлалось, онъ изъяснялъ, *какъ* и *для чего*, по случаю ли, или по обдуманному предначертанїю. Это одно изъ тѣхъ правилъ, которыя предположилъ себѣ Тацитъ, сообразно мнѣнїю Цицеронову (*).

Но сїе пособїе искуства можетъ быть сдѣлало бы исторїю еще болѣе сухою и утомительною

(*) Cicer. de Orat. II. 15. Tacit. Annal.

мительною, еслибъ дарованіе дѣеписателя не оживляло его повѣствованія; и еслибъ истиннымъ событіямъ не умѣлъ онъ дать заманчивости произшествій необычайныхъ.

Писатель говоритъ или воображенію, или сердцу, или тому и другому вмѣстѣ, и въ семъ послѣднемъ состоитъ совершенство дарованія — совершенство, до котораго весьма не многіе достигли. Съ давнихъ временъ поэзія присвоила себѣ власть дѣлать сильныя впечатлѣнія въ человѣческомъ сердцѣ; она торжествуетъ на театрахъ, гдѣ, посредствомъ удачнаго обмана, представляетъ глазамъ зрителя дѣянія и самыя лица дѣйствующія.

Историкъ не можетъ пользоваться симъ пособіемъ; и недостатокъ сей дополняется только чрезвычайнымъ усиліемъ природной способности, когда повѣствованіе оживлено драматическою внѣшностію. Первобытные историки, движимые однимъ только вдохновеніемъ, нѣкоторымъ образомъ по предчувствію узнали важность сего пособія, какъ выше упомянуто.

Неизвѣстно, какой видъ имѣла исторія у Римлянъ, когда они сочинять ее начали; знаемъ только, что у нихъ были сперва

лѣтописи annales (*), то есть годовыя записки, какъ самое названіе показываетъ. Отъ сихъ лѣтописей не осталось ниже одного отрывка, по которому намъ увидѣть было бы можно, какимъ образомъ ихъ сочиняли. По всѣмъ вѣроятностямъ кажется, что онѣ долженствовали быть сухи, утомительны, и что произшествія были въ нихъ перемѣшаны и запутаны.

Греки сообщили Римлянамъ образцы благородные и правильные; научили ихъ предлагать дѣянія въ связи и порядкѣ, которыхъ не было въ обыкновенныхъ лѣтописяхъ. Кажется, что Титъ-Ливій руководствовался упомянутыми образцами; но великое дарованіе такъ умѣетъ вознестись выше правилъ, что Тацитъ написалъ и лѣтописи и исторію, которыя равно почитаются образцовыми произведеніями.

Мы упомянули, сколь великое дѣло предпринялъ Титъ-Ливій: исторія его вмѣщала въ себѣ семь столѣтій, то есть отъ основанія Рима до Актійской битвы.

Можно раздѣлить ее на двѣ части; изъ нихъ одна содержитъ время, въ которое, по словамъ Цицерона, Римъ сражался за

(*) Cicer. de orator. II. 12.

бытіе свое, и которое продолжается до окончанія второй войны Пунической. Другая гораздо короче; начинаясь отъ сей эпохи она оканчивается при царствованіи Августа, то есть когда Римъ, не боясь уже опасностей, сражался для славы, для распространенія и укрѣпленія Имперіи, надъ основаніемъ коея много и долго трудились.

Что касается до заманчивости, первая часть гораздо ниже послѣдней. Борьба Римлянъ съ малочисленными народами Италійскими, сосѣдями ихъ, пять сотъ лѣтъ продолжившаяся, представляетъ картину однообразную, утомительную. При всемъ краснорѣчіи историка не льзя было бы терпѣливо читать его сочиненія, еслибъ внутренніе безпокойства не оживляли вниманія, и еслибъ читатель могъ забыть, что Римъ сдѣлался наконецъ столицею міра.

Изъ сей части потеряно описаніе войны противъ Пирра и первой Пунической. Исторія второй Пунической войны по счастію дошла до насъ въ цѣлости. Явленіе столь важнаго лица, каковъ Аннибалъ, необходимо придаетъ много заманчивости описанію, и здѣсь-то дарованіе историка сіяетъ во всемъ своемъ величіи.

Титъ-Ливій, начиная вторую часть, поздравляетъ себя съ окончаніемъ сей пагубной

войны; въ которой онъ, какъ самъ говоритъ; дѣлилъ съ другими труды и опасности. Но здѣсь опять онъ видитъ передъ собою поприще обширнѣйшее, и работа увеличивается для него въ то самое время, когда онъ думалъ, что она уменьшается (*).

Римъ тогда владѣлъ только южною Италіею. На сѣверѣ Цисальпины и Лигурійцы еще сопротивлялись ему. Галлія Трансальпинская оставалась еще свободною. Въ Испаніи Римляне обладали только селеніями, похищенными у Карѳагенцовъ.

На сторонѣ восточной предлежали завоеванія менѣе трудныя. Греки, близкіе сосѣди Римлянамъ, жившіе въ безпрестанномъ несогласіи между собою, все еще говорили о свободѣ, а въ самомъ дѣлѣ ожидали къ себѣ господина. Цари Македонскіе и Сирійскіе, соединивши свои силы, легко могли бы положить преграду Римскому властолюбію. Но они не умѣли согласиться; и когда общая опасность заставила ихъ заключить союзъ, въ то время дѣйствія ихъ были каждой разъ или худо обдуманы, или не у мѣста. Царь Антіохъ цѣлую зиму праздновалъ бракъ свой съ дочерью одного Халкидскаго художника (**). Ему показались подозрительными

(*) Liv. XXXI. 1.
(**) Liv. XXXVI. 11.

совѣты Аннибала, котораго прислала къ нему благосклонная судьба, — и сей великой мужъ долженъ былъ доказать, что онъ не другъ Римлянамъ!

Хитрые Римляне умѣли воспользоваться и неопытностію сильныхъ государей и завистію слабыхъ. Цари Египта, Пергама, Виѳиніи помогли имъ побѣдить царей Македонскаго и Сирійскаго. Тогда-то Римлянамъ удалось самыхъ царей сдѣлать, какъ говоритъ Тацитъ, орудіемъ порабощенія (*).

Прузій, царь Виѳиніи, даже тщеславился, именуя себя отпущенникомъ Римскаго народа. Титъ-Ливій упоминаетъ съ негодованіемъ о семъ ласкательствѣ, которое онъ, слѣдуя примѣру Полибія, почитаетъ крайнею степенью подлости.

И сопротивленіе и покорность имѣли одинакую участь; менѣе нежели во сто лѣтъ союзники и непріятели покорены Римской власти.

Исторія Тита-Ливія, до насъ дошедшая, оканчивается повѣствованіемъ о покореніи Македоніи Павломъ Эмиліемъ. Какъ

(*) Ut haberet inſtrumenta ſervitutis et reges. *In Vit. Agric. 14.*

жаль, что утрачено описанїе важныхъ произшествїй, послѣ того времени случившихся!

Тациту досталось описывать промежутокъ времени не столь обширный и не столь разнообразный, какъ Титу-Ливїю. Онъ продолжается не болѣе ста лѣтъ. Августъ, по благоразумной осторожности или по зависти, какъ говоритъ Тацитъ (*), въ завѣщанїи своемъ запретилъ распространять границы Имперїи. По смерти его Римъ приобрѣлъ только Бриттанїю, — которую Цесарь началъ покорять, Агрикола покорилъ совершенно, потомъ нѣсколько провинцїй завоеванныхъ Траяномъ въ Дакїи и надъ рѣкою Евфратомъ. Повѣствованїе о войнахъ Имперїи короткихъ и оборонительныхъ не имѣютъ той заманчивости, какую заключаетъ въ себѣ война Республики почти безпрерывная и наступательная. Внутреннїя произшествїя, ежели только выключить междоусобныя брани по смерти Нерона, представляютъ картину однообразную, отвратительную по ея жестокостямъ. Только искуство историка могло сдѣлать заманчивымъ такую матерїю.

Дарованїя Тита-Ливїя и Тацита, какъ мы замѣтили выше, соотвѣтствовали произ-

(*) Annal. I. 11.

шествїямъ, которыя каждому изъ нихъ досталось описывать. Они по возможности своей старались сохранить прежнюю форму исторїи, и всегда при удобномъ случаѣ заставляли говорить выводимыя лица.

Новые критики не одобряютъ рѣчей, не рѣдко произносимыхъ въ сочиненїяхъ древнихъ историковъ, а особливо Тита-Ливїя и Тацита. Они думаютъ, что рѣчи сїи вымышлены сочинителями, и что такїе вымыслы нарушаютъ истину и даже правдоподобїе.

Древнїе имѣли вкусъ не столь строгой, или лучше сказать, болѣе образованной. Они предпочитали драматическую форму, которая, сохраняя сущность произшествїй, придавала болѣе живости повѣствованїю историческому, и дѣлала его занимательнѣе. Сверхъ того, главное дѣло исторїи есть показать людей, ихъ нравы, свойства и страсти; и такъ сїи люди, будучи выведены на сцену, гораздо лучше изобразятъ самихъ себя, нежели историкъ въ простомъ повѣствованїи. Благоразумный читатель судитъ ихъ пренїя, и можетъ съ большею точностїю опредѣлить имъ цѣну. И тамъ, гдѣ историкъ отъ себя выдумалъ рѣчь, каждое лицо говоритъ соотвѣтственно своему свойству и преданїямъ, сохранившимся въ памятникахъ древности.

Въ прочемъ несправедливо было бы утверждать, будто всѣ рѣчи, помѣщенныя въ исторіяхъ Тита-Ливія и Тацита, вымышлены сочинителями. Цицеронъ свидѣтельствуетъ, что въ его время существовали многія рѣчи, произнесенныя гораздо прежде. Потомки хранили рѣчи предковъ своихъ, и почитали оныя памятниками своей знатности. Отъ Катона старшаго осталось ихъ до ста пятидесяти (*).

Историки, помѣщая рѣчи въ своихъ сочиненіяхъ, не перемѣняли основы, но только выправляли слогъ, чтобы избѣжать разнообразія.

Титъ-Ливій нашелъ богатой запасъ рѣчей въ лѣтописяхъ республики; ибо въ то время дѣла общественныя отправляемы были въ народныхъ собраніяхъ.

Для Тацита остались рѣчи сенаторовъ и полководцовъ. Въ подлинности ихъ нѣтъ причины сомнѣваться. Описывая дѣянія почти современныя, о которыхъ всѣ знали и помнили, осмѣлился ли бы онъ вмѣшать свои вымыслы?

Кромѣ того, мы имѣемъ вѣрное доказательство, совершенно оправдывающее исто-

(**) Brutus sive de claris Orator. 16. 17.

рика, а именно въ рѣчи Императора Клавдія, произнесенной въ Сенатѣ по дѣлу о дарованіи права Римскаго гражданства жителямъ Галліи Нарбонской. Подлинникъ сей рѣчи, вырѣзанный на мѣдныхъ доскахъ, сохранился въ Ліонѣ. Сравнивши ее съ находящеюся въ исторіи, можно видѣть, что Тацитъ ничего не перемѣнилъ въ ней, кромѣ слога (*).

Будущіе сочинители исторіи Французской революціи непремѣнно должны такимъ же образомъ включить рѣчи, изображающія тѣхъ людей, которые произносили ихъ, и отъ которыхъ весьма часто зависѣли важнѣйшія произшествія.

Хотя Тацитъ не былъ столько счастливъ, какъ Титъ-Ливій, и не имѣлъ столь богатаго запасу рѣчей, которыми онъ могъ бы разпестрить свои повѣствованія, и чрезъ то дать имъ драматическую форму, обыкновенную у древнихъ историковъ; однакожь дарованіе его наградило сей недостатокъ. Тацитъ по сей части превзошелъ всѣхъ историковъ, и самаго Тита-Ливія.

Квинтиліанъ ставитъ Тита-Ливія на равнѣ съ Цицерономъ, говоря, что молодымъ людямъ надлежитъ читать сихъ двухъ пи-

(*) Annal. XI. 24.

сателей преимущественно предъ прочими (*). „Повѣствованіе его — говоритъ „Квинтиліянъ въ другомъ мѣстѣ — весьма „пріятно, ясно и чисто. Невозможно выразить, сколь витійственны его рѣчи: все „въ нихъ принаровлено къ лицамъ и обстоятельствамъ. Онъ лучше всѣхъ историковъ изображаетъ чувствованія (**) „нѣжныя и трогательныя.“

Титъ-Ливій иногда трогаетъ сердце; но никогда не приводитъ его въ сильное движеніе. Вообще, въ немъ нѣтъ того жару, которой льется изъ души, и которой служитъ вѣрнымъ способомъ возбуждать страсти.

Въ Тацитовыхъ сочиненіяхъ нѣтъ краснорѣчиваго пустословія, нѣтъ разительныхъ противуположностей (antithèse), нѣтъ суетнаго искуства риторскаго, которое иногда помогаетъ дарованію, но никогда не замѣняетъ его собою. Его повѣствованіе просто, непринужденно; его слогъ сильный и стремительный, удивительно выражаетъ всѣ благородныя чувствованія добродѣтели. Тацитъ умѣетъ принаравливаться ко всѣмъ тонамъ; каждое лице говоритъ у него особливымъ образомъ, приличнымъ своему свой-

(*) Lib. 2. cap. 5.
(**) Quintil. X. 1.

ству, своимъ нравамъ, своимъ обстоятельствамъ. Искусство историка сего столь велико, что онъ увлекаетъ читателя, приводитъ въ движенїе душу, терзаетъ ее, наполняетъ восторгомъ, и заставляетъ чувствовать все то, что въ его собственной душѣ происходитъ.

Не должно, вмѣстѣ съ Лагарпомъ, искать причины столь чрезвычайнаго дарованїя въ низкой породѣ Тацита, также въ политическомъ безмолвїи, когда онъ въ царствованїе Домицїаново принужденъ былъ вести жизнь уединенную, наконецъ въ тиранскихъ поступкахъ и въ угнетенїи, коихъ былъ онъ очевиднымъ свидѣтелемъ.

Все равно для славы Тацитовой, отъ низкой ли произошелъ онъ породы, или отъ знаменитой; однакожь во всемъ надлежитъ наблюдать точность.

Родъ Тацитовъ принадлежалъ къ сословїю рыцарскому, которое занимало вторую степень въ Римѣ и отправляло нѣкоторыя изъ важныхъ должностей государственныхъ. Самъ Тацитъ получилъ всѣ почести. Траянъ, котораго великая душа вмѣняла себѣ въ славу наградить отличную доблесть, возвелъ его въ достоинство консула. Еслижь для приобрѣтенїя знаменитыхъ

дарованій требуется только быть свидѣтелемъ ужасныхъ бѣдствій; то въ наше время великихъ людей надлежало бы считать тысячами.

Тацитъ былъ вдохновенъ чрезвычайною чувствительностію души гордой и пылкой, непреложною любовію къ справедливости, и непреклонною ненавистію къ мучительному насильству.

Постараюсь мнѣніе свое объ историкахъ оправдать немногими примѣрами. Титъ-Ливій часто имѣлъ случай возбуждать страсти въ читателѣ, а особливо въ судебной рѣчи старика Горація, которой хотѣлъ избавить своего сына, осужденнаго на смерть за убіеніе сестры его (*). Рѣчь сія, послужившая образцемъ для Корнеля въ его трагедіи Горацiяхъ, краснорѣчива и написана благороднымъ слогомъ Тита-Ливія; но въ ней такъ все размѣрено, что читатель тотчасъ видитъ говорящаго самаго Тита-Ливія, а не старика Горація.

Тѣ же красоты и тѣ же недостатки встрѣчаются въ рѣчи Ветуріи, матери Коріолановой, когда она, будучи отправлена къ нему отъ Сената, заставила его освободить Римъ отъ осады. Не спорю, что

(*) Liv. I. 26.

въ сей рѣчи есть нѣсколько словъ излившихся изъ сердца; только сомнѣваюсь, чтобы Римскія госпожи въ то время уже могли щеголять остроумїемъ, и чтобы въ состоянїи были произносить фразы, сей подобныя: *еслибъ у меня не было сына, то я умерла бы свободною въ свободномъ городѣ.*

Замѣтить должно, что хотя упомянуто о Витурїиной невѣсткѣ, женѣ Корїолана и дѣтяхъ его, вышедшихъ въ станъ военной; однакожь ничего не сказано, на какомъ мѣстѣ находились онѣ, и что чувствовали въ продолженїе разговора. Напротивъ того Тацитъ никогда не пропускаетъ случая показать мѣста занимаемыя лицами, которыя принадлежатъ къ описываемому трогательному произшествїю, никогда не пропускаетъ случая сказать, въ какомъ положенїи находились онѣ, и что чувствовали. Расинъ называетъ Тацита великимъ живописцемъ древности — и новѣйшихъ временъ, надлежало бы прибавить. Сїе мнѣнїе тѣмъ болѣе достойно вниманїя, что знаменитый трагикъ произнесъ его въ то время, когда разсматривалъ одну изъ величественнѣйшихъ картинъ Тацитовыхъ, а именно смерть Британника. Расположенїе въ ней чудесно по искуству: не забыто ни одно обстоятельство, могущее тронуть сердце читателя. Бывши свидѣтелемъ всего описываемаго, не

льзя ни видѣть, ни чувствовать болѣе того, что видите и чувствуете при чтенїи.

Всего удивительнѣе въ Тацитѣ достоинство, которымъ онъ отличается отъ всѣхъ другихъ писателей безъ изъятїя, и которое состоитъ въ томъ, что онъ говоритъ не одному только воображенїю, но по большой части относится къ чувствительности. Ни одинъ трагикъ лучше его не умѣлъ трогать сердца. Тита-Ливїя можно читать не останавливаясь, и восхищаться прекраснымъ его слогомъ; напротивъ того при чтенїи Тацита сердце ваше терзается, и вы по неволѣ останавливаетесь. Можно ли, напримѣръ, безъ сильнаго потрясенїя читать исторїю Вибїя Серена, обвиненнаго сыномъ его въ оскорбленїи величества? Какую картину представляютъ сїи лица! Съ одной стороны изнуренный старецъ, недавно возвратившїйся изъ ссылки, обремененный цѣпями, покрытый рубищами и нечистотою; съ другой — юноша нарядно одѣтый, и съ улыбкою на устахъ произносящїй обвинительное слово.

Злополучной отецъ не старается защищать себя; съ твердостїю обратясь къ своему сыну, онъ потрясаетъ оковами, и проситъ боговъ мстителей, чтобы опять послали его въ заточенїе, гдѣ не будетъ свидѣ-

шелемъ толикаго нечестія, и чтобы поразили отцеубійцу праведнымъ своимъ гнѣвомъ (*).

Что можетъ быть трогательнѣе разговора между Тиверіемъ и Горталомъ, внукомъ Гортенсія, знаменитаго оратора? Августъ, желая чтобы потомство столь великаго мужа не прекратилось, убѣдилъ Горшала жениться, и оказалъ ему свою щедрость. Не смотря на то, Горшалъ, обремененный большою семьею, впалъ въ крайнее убожество. Будучи въ семъ положеніи, онъ приводитъ дѣтей своихъ въ Сенатъ, ставитъ ихъ у дверей храмины, и произноситъ рѣчь къ Тиверію, обращая взоры свои попеременно на статуи Августову и Гортенсіеву. Рѣчь его привела въ жалость всѣхъ сенаторовъ; и сіе-то самое, говоритъ историкъ, было причиною, что Тиверій далъ Горшалу отвѣтъ весьма жестокій, хотя въ прочемъ украшенный предлогомъ общественнаго блага (**).

Я не скоро окончилъ бы, еслибъ сталъ упоминать здѣсь всѣ мѣста, гдѣ дарованія Тацитовы сіяютъ въ полномъ величіи. Ссылаюсь на картины, случайно мнѣ на глаза попавшіяся — на прибытіе въ Брундузій Агрип-

(*) Annal. IV. 28.
(**) Annal. II. 37. et seqq.

пинны съ дѣтьми, держащей въ рукахъ своихъ урну съ прахомъ Германика, — на смерть Британника, о которой упомянуто выше, — на повѣствованіе о послѣднихъ неистовствахъ и смерти Мессалины, и проч. и проч.

Но ежели гдѣ-либо Тацитъ превзошелъ самъ себя, такъ это въ повѣствованіи объ осужденіи Ѳразея, Гельвидія и Сорана, обвиненныхъ за оскорбленіе величества въ царствованіе Нероново. Сперва дѣйствіе происходитъ въ Сенатѣ. Къ числу главныхъ лицъ принадлежитъ Сервилія, дочь Сораноза, девятнадцатилѣтняя женщина, которая, недавно лишась мужа сосланнаго въ заточеніе, и видя новую опасность родителю ея угрожавшую, нетерпѣливо хотѣла узнать, чѣмъ окончится обвиненіе, и стала совѣноваться о томъ съ волхвами: ее предали суду подъ симъ предлогомъ. Читатель видитъ сперва безмолвную печаль сей несчастной женщины, несмѣющей взглянуть на отца, котораго бремя увеличила своею безразсудностію; видитъ потомъ порывы отчаянія, когда начали ее допрашивать, ея усилія то оправдывать отца, то повергаться въ его объятія, не смотря на препятство удерживающихъ ликторовъ: все сіе изображено такимъ способомъ, что сердце раздирается и слезы изъ глазъ выпекаютъ.

Удивленіе присоединяется къ ужасу, когда читатель переносится въ садъ, гдѣ Ѳразей, не захотѣвшій оправдываться, бесѣдуетъ съ друзьями о свойствѣ души и о разлученіи ея съ тѣломъ. Услышавъ о смертномъ приговорѣ, онъ отсылаетъ бывшихъ съ нимъ людей, боясь чтобъ не навлечь на нихъ опасности; изъявляетъ радость свою, когда сказали ему, что Гельвидій зять его осужденъ не на смерть, но только на заточеніе. Жена его, дочь славной Аріи, хочетъ послѣдовать примѣру матери своей и умереть вмѣстѣ съ супругомъ. Онъ убѣждаетъ ее остаться на свѣтѣ, чтобы не отнять единственной подпоры у дочери; потомъ отворяетъ себѣ жилы, и въ ту минуту, когда кровь полилась на землю, велитъ приближиться Квестору, принесшему осужденіе на смерть: *Смотри!* — сказалъ ему умирающій — *Дай Богъ, чтобы съ тобою не случилось подобнаго; но ты рожденъ въ такое время, когда нужно подкрѣплять бодрость свою примѣрами твердости душевной* (*). Это разительнѣйшая сцена изъ всѣхъ, какія только найти можно въ древнихъ и новыхъ писателяхъ.

Тацитъ превзошелъ Тита-Ливія не только заманчивостію и разительнымъ повѣствованіемъ, но даже наставленіемъ, ко-

(*) Annal. XVI. 21 et sequ.

торое почерпать можно изъ его исторіи. Титъ-Ливій иногда изображаетъ страсти политическія, подлежащія перемѣнамъ, потому что онѣ зависятъ отъ перемѣны въ образѣ правительства. Напротивъ того Тацитъ изображаетъ частныхъ людей страсти, которыя всегда одинаковы, потому что нераздѣльны съ природою человѣческою. Удивительно, какъ возможно было головѣ одного человѣка изобрѣсть такое множество нравоучительныхъ правилъ то сопряженныхъ съ повѣствованіемъ, то особо написанныхъ, но всегда столь разительныхъ по причинѣ силы ихъ и точности, что онѣ сдѣлались пословицами. Жалуются, что правилъ сихъ слишкомъ уже много; я хотѣлъ бы, чтобъ показали, какія изъ нихъ можно отставить.

Чтобы удостовѣриться, сколь далеко Тацитъ превосходитъ Тита-Ливія относительно глубокомыслія и поучительности, надобно только увидѣть, какъ они разсуждаютъ о дѣлахъ политическихъ, а именно напримѣръ о законахъ противъ расточенія. Титъ-Ливій пишетъ о семъ предметѣ по случаю уничтоженія закона *Оппіева*, чему сильно противился старшій Катонъ, бывшій тогда консуломъ. Рѣчь сего консула отличается особливыми качествами; историкъ не выдумалъ ее. Она достойна строгаго Римлянина, мужа кроткаго и добродѣтельнаго,

но въ словахъ жесткаго и язвительнаго. Консулъ и трибунъ, противникъ перваго, говоря о дѣлѣ, упоминали только о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя подали къ нему поводъ; а до сужденій посторонних вовсе не касались (*). Напротивъ того Тацитъ поступаетъ иначе, повѣствуя, какимъ образомъ разсуждали при Тиберіѣ, должно ли издать законъ о прекращеніи роскоши. Какая важность, какое величіе, какая дальновидность въ отвѣтѣ Тиберія, отъ котораго Сенатъ ждалъ рѣшенія (**)! Историкъ въ коротких словахъ потомъ описываетъ успѣхи роскоши отъ Актійской битвы до Веспасіана, и заключаетъ слѣдующимъ глубокомысленнымъ разсужденіемъ: „Можетъ быть „нравы подвержены такимъ же перемѣнамъ, „какимъ все прочее. При нашихъ предкахъ „не все было хорошо; въ наше время также „есть много хвалы достойнаго и такого, „что можетъ послужить образцомъ для „потомства.“

Всего удивительнѣе, въ Тацитѣ особенной слогъ, которымъ не подходитъ къ нему ни одинъ писатель какъ изъ древнихъ, такъ и изъ новѣйшихъ. Кто хоть мало размышлялъ объ искуствѣ писать; тотъ

(*) Liv. XXXIV. 2, et sequ.
(**) Annal. III. 52 et sequ.

безъ сомнѣнія замѣтилъ, сколь трудно выразить всю полноту мыслей Тацитовыхъ, сколько бы языкъ богатъ ни былъ. Мы говоримъ каждой день: это легче понять, нежели выразить. По сей-то причинѣ люди, одаренные великими способностями, иногда осмѣливаются употреблять слова не въ обыкновенномъ ихъ смыслѣ. Только великимъ способностямъ прощаютъ сію вольность, и Тацитъ часто осмѣливался ею пользоваться.

Тацитъ пишетъ, что Агрикола *своими* добродѣтелями и *чужими* пороками *былъ брошенъ* въ славу (in ipſam gloriam praeceps agebatur (*). Слово сіе удивительнымъ образомъ выражаетъ опасность, которой подвергался Агрикола по причинѣ славы своей въ правленіе такого Государя, каковъ Домиціанъ, и потому что непріятели его умышленно старались прославить его имя.

Желая выразить, что боги отреклись покровительствовать Императора Гальбу, Тацитъ пишетъ: Сей Государь, не зная о томъ, что произходило, приносилъ жертвы, и *надокучалъ богамъ уже не своей имперіи* (*).

Отонъ, принявъ намѣреніе умертвить себя, просилъ, чтобы тотчасъ похоронили

(*) Agricol. 41.
(*) Ignarus Galba et ſacris intentus fatigabat alieni jam imperii deos. *Hiſt.* I. 29.

его тѣло, боясь чтобы не отдѣлили головы его отъ туловища, и не выставили бы ее на посмѣянїе. Тацитъ называетъ сїю прозьбу *высокомѣрною* (*). Какой обширной смыслъ въ одномъ словѣ!

Извѣстны слова Тацитовы о Брутѣ и Кассїѣ, когда при похоронахъ Юнїи, сестры перваго и супруги втораго, не были выставлены ихъ изображенїя. Кассїй и Брутъ, говоритъ нашъ историкъ (**), *сїяли свѣтлѣе*, именно потому, что не видно было ихъ изображенїй. Выраженїе очень смѣлое; но въ немъ точность не нарушена.

Упомянуто выше, что Тацитъ изображаетъ не только для ума, но и для внутренняго чувства. Вотъ примѣры:

Повѣствуя о похоронахъ Германика онъ пишетъ: „Въ тотъ день, въ которой положили прахъ его въ Августову могилу, городъ то наполнялся воплями и рыданїями, то уподоблялся тишиною обширной пустынѣ (***).“ Сїя пустынная тишина, которая уподобляется молчанїю многочисленнаго

(*) Ambitiosis id precibus petierat. *Hist. II. 49.*

(**) Viginti clarissimarum familiarum imagines antelatae sunt, Manlii, Quinctii, aliaque ejusdem nobilitatis nomina: sed praefulgebant Cassius atque Brutus eo ipso, quod effigies eorum non visebantur. *Hist. III. 76.*

(***) Въ подлинникѣ: Dies quo reliquiae tumulo Augusti inferebantur, modo per silentium vastus, modo ploratibus inquies.

народа, дѣлаетъ въ душѣ сильное впечатлѣнїе.

Въ другомъ мѣстѣ описываетъ отчаянїе Гальбы и всѣхъ жителей Рима слѣдующимъ образомъ: „Гальба, увлекаемый волнами толпы, носился въ разныя стороны; „наполненные храмы и чертоги представляли печальное позорище. Не слышно было „воплей между гражданами и народомъ; но „изступленїе изображалось на лицахъ, и „каждой прислушивался. Не было мятежа, „не было и спокойствїя; господствовало молчанїе, знаменующее ужасъ и ярость (*).“

Сїи мѣста выписаны на удачу; я былъ бы въ крайнемъ замѣшательствѣ, еслибъ мнѣ выбирать надлежало. Гдѣ все равно хорошо, тамъ не легко находить лучшее.

Тацитъ превосходитъ Тита-Ливїя не только силою и глубокомыслїемъ, но и разнообразїемъ въ дарованїяхъ. Ни почему не видно, написалъ ли Титъ-Ливїй что-нибудь кромѣ Исторїи; правда что и сїя рабо-

(*) Agebatur huc illuc Galba, vario turbae fluctuantis impulſu: completis undique basilicis ac templis, luguburi proſpectu; neque populi, aut plebis ulla vox; ſed attoniti vultus et converſae ad omnia aures; non tumultus, non quies; quale magni metus et magnae irae silentium eſt. *Hiſt. I. 40.*

та требуетъ цѣлой жизни человѣческой. Тацитъ былъ превосходный ораторъ; кромѣ историческихъ сочиненій онъ написалъ похвальное слово Агриколѣ, своему тестю, — и сіе слово есть образцовое въ своемъ родѣ. Еще осталось намъ отъ него описаніе нравовъ Германскихъ. Думали, что въ похвалахъ, коими онъ превозноситъ Германцовъ, скрывается сатира на Римлянъ; это несправедливо. Многіе изъ новѣйшихъ писателей выхваляли дикихъ людей, чтобы унизить просвѣщенныя общества. Теперь мы очень знаемъ, кто таковы были Германцы, покорившіе южную Европу, и посѣявшіе въ ней невѣжество, котораго тысяча четыреста лѣтъ еще не могли истребить совершенно: но въ этомъ только и виноватъ Тацитъ; въ прочемъ нравы Германцовъ описаны очень вѣрно.

Древнія и новыя времена произвели многихъ писателей, которые въ ясности, въ чистотѣ, въ возвышенности слога могутъ равняться съ Титомъ-Ливіемъ: дарованіе Тацитово есть такое чудо, которое одинъ только разъ являлось въ ученомъ свѣтѣ.

(Соч. Г-на Бернарди. Сокращ. пер. съ Фр.)

III.

ЭЛЕГІЯ

на кончину Михайла Матвѣевича Хераскова, основателя Университетскаго Благороднаго Пансіона, послѣдовавшую сего 1807 года, Сентября 27 дня.

Прими печальное, Херасковъ, приношенье!
Прими послѣдню дань отъ Музы моея!
И въ тѣхъ святыхъ мѣстахъ, гдѣ царствуетъ нетлѣнье,
Гдѣ ты витаешь днесь, услыши стонъ ея!

И ты оставилъ насъ, *Херасковъ*, наконецъ!
И ты, любимецъ Музъ, и добрыхъ другъ сердецъ!
Еще мы осушить слезъ горькихъ не успѣли,
Какъ стрѣлы рока вновь надъ нами возшумѣли.

*

Давно ли *Муравьевъ* насъ кротостью плѣнялъ,
Изъ рукъ твоихъ пріявъ, лелѣилъ, охранялъ,
Послѣдователь твой Піеридъ надъ садами!
Онъ скрылся! — скрылся ты! — мы стали сиротами!

*

О Боже праведный! таинственъ промыслъ Твой!
Коль доблесть, правота угодны предъ Тобой;

Когда къ отечеству, къ Царю любовь свя-
щенна,
И вѣра чистая, Тобою вдохновенна,

*

Въ сердцахъ дѣтей Твоихъ должны всегда
блистать: —
Почтожь наставниковъ, примѣровъ насъ
лишать? —
Они Тебя любить, любить Царя учили;
Твой органъ на землѣ, совѣты мудрыхъ были!

*

О участь слезная! — о бѣдный человѣкъ!
На что родишься ты? — въ страданьи кон-
чить вѣкъ! —
Отъ грозныхъ рока стрѣлъ ни что не защи-
щаетъ!
И умъ, и красота, и доблесть умираетъ!

*

Херасковъ! пробудись на скорбный лиры звонъ!
Оставленныхъ друзей внемли рыданье, стонъ!
Воззри на слезы ихъ! склонись на ихъ мо-
ленье!
Возчувствуй горесть ихъ! яви къ нимъ со-
жалѣнье!

*

Но ты не внемлешь намъ! — но ты не
зришь на насъ! —
Тебя не трогаетъ друзей стенящихъ гласъ,
И звукъ твоей трубы уже не раздается!
Увы, твой крѣпкій сонъ вовѣки не прервется!

*

Оплачьте, Музы, смерть любимца своего;
Угасло кроткое свѣтило дней его!
Рыдайте Доблесть, Честь, Религія святая:
Умолкнулъ вашъ пѣвецъ и лира золотая!

*

Для духа горняго наградъ въ семъ мірѣ нѣтъ, —
Херасковъ! — твой удѣлъ — безсмертной славы свѣтъ!
Но дружба, но любовь, но чадъ благодаренье
Возмогутъ ли сокрыть сердечныхъ чувствъ стремленье? —

*

Сей мирный храмъ наукъ, воздвигнутый тобой,
Пребудетъ навсегда вѣнецъ нетлѣнный твой; —
Благотворитель нашъ! съ высотъ небесъ блаженныхъ
Склоняйся на цвѣты тобою насажденны!

Н. Граммашинъ.

IV.

Вязъ и Репейникъ

(Басня)

Ты зацѣпляешь всѣхъ прохожихъ,
Дурныхъ собою, и пригожихъ! —
Кудрявый, толстый Вязъ Репейнику сказалъ:
Какую прибыль въ томъ находишь
Что ты ихъ на сердце наводишь? —
„Ахъ! право никакой — Репейникъ отвѣчалъ:

„И ежели иногда я поступаю грубо,
„То это отъ того, что мнѣ царапать любо.“

Вас. Пушкинъ.

V.

Договоръ съ Нисою.

Безъ околичностей и безъ приказныхъ словъ,
Съ тобою договоръ я подписать готовъ.
Амура въ маклеры теперь же выбираю.
Однако я во всемъ порядокъ наблюдаю;
Подай перо — пишу — *хочу на свѣтѣ жить,*
Чтобъ Нису мнѣ любить.
А ты къ тому прибавь: *хочу его любить,*
Чтобъ могъ онъ жить.

Вас. Пушкинъ.

VI.

НА БАСНЮ

Соловей и Малиновка.

Друзья! не самъ ли намъ печальной Соловей
Пропѣлъ о вѣтреной Малиновкѣ своей —
Какъ онъ забытъ, оставленъ ею?
Ахъ! только можно пѣть *Орфею*
Объ *Эвридикѣ* и судьбѣ,
Любви, надеждѣ, сердцу льстившей,
Потомъ съ любезною жестоко разлучившей!
Я вѣрю *въ истинѣ*, Соловушке, тебѣ!

Такъ живо горестей *чужихъ* не выражаютъ,
Одни несчастные несчастье прямо знаютъ!

К. Ш — въ.

VII.

Доброй помѣщикъ.

Бхавши нынѣшнимъ лѣтомъ въ Воронежскую Губернїю, случилось мнѣ гостить у стариннаго прїятеля своего, Полковника Г* *. Когда служили мы въ N. N. полку, я завидовалъ порядку и устройству въ ротѣ, въ которой былъ онъ начальникомъ. Тогда еще предсказывалъ я, что онъ осчастливитъ будущихъ крестьянъ своихъ, и не ошибся. Солдаты, любившїе моего прїятеля, какъ дѣти отца любятъ, охотно бросались за нимъ въ толпу разъяренныхъ Турковъ, и въ самомъ пылу сраженїя болѣе объ его жизни, нежели о своей собственной заботились.

Въ селѣ его нашелъ я довольство, нашелъ счастїе, какимъ только могутъ наслаждаться крестьяне. Вопервыхъ мое вниманїе обратилось на ихъ жилища. Мужики помѣщались въ опрятныхъ каменныхъ домахъ, какъ достаточные горожане. „Получивъ увольненїе отъ службы — сказалъ между прочимъ почтенной мой хозяинъ — я уви-

дѣлъ, что село мое требуетъ большихъ поправокъ. Весьма не понравились мнѣ отвратительныя лачуги; ибо домами не льзя звать шалашей, въ которыхъ по большей части живутъ наши крестьяне. Не уже ли, подумалъ я, въ томъ только состоитъ сельское хозяйство, чтобы знать, когда и какъ сѣять и собирать хлѣбъ въ полѣ? Нѣтъ, полезное искуство сїе имѣетъ обширнѣйшїе предѣлы; оно заключаетъ въ себѣ столько частей различныхъ, что постигшїй таинства его, и употребляющїй ихъ на пользу, великую услугу оказываетъ обществу. Всякой помѣщикъ прежде долженъ позаботиться о людяхъ, потомъ уже о землѣ и скотинѣ, — прежде о выгодахъ крестьянъ, потомъ о своихъ доходахъ.

„Главнѣйшее богатство и большихъ государствъ и малыхъ владѣнїй помѣщичьихъ состоитъ въ многолюдствѣ. Какъ попечительный Монархъ заботится о населенїи земли своей; равнымъ образомъ помѣщикъ долженъ стараться объ умноженїи числа своихъ подданныхъ. Не корысть только предписываетъ намъ къ тому способы, но и долгъ человѣколюбїя. Мы знаемъ по опыту, какое множество крестьянскихъ дѣтей умираетъ во младенческихъ лѣтахъ. Не говорите о слабомъ ихъ сложенїи; нѣтъ, они родятся по большей части отъ людей здоровыхъ и

сильныхъ. Чтожь причиною потери сей? недосмотръ, бѣдность, вредныя жилища. Кому же другому отвратить можно сіи неудобства, ежели помѣщикъ о томъ не постараетися? Наши крестьяне обыкновенно живутъ въ низкихъ закопченыхъ дымомъ хижинахъ съ малыми окнами и безъ полу: нечистой воздухъ и влажность производятъ болѣзни, опасныя для взрослыхъ и всегда пагубныя для младенцовъ. Обдумавши свое намѣреніе, я выстроилъ для крестьянъ избы, какія видите. Каждой домъ поднятъ на полтора аршина отъ земли; въ избахъ подъ поломъ насыпанъ песокъ съ углемъ, для отвращенія влаги; соразмѣрныя окна пропускаютъ довольно свѣту и воздуху, когда надобно; порядочныя печи съ выведенными трубами предохраняютъ домы отъ пожара и закопчѣлости. Съ тѣхъ поръ, какъ выстроены клева, крестьяне перестали держать въ избахъ скотину.

„Сосѣди сперва шутили надо мною и говорили, что я хочу мужиковъ своихъ поселить въ чертогахъ; теперь насмѣявшись до сыта, нѣкоторые изъ нихъ уже начали и въ своихъ деревняхъ строить по моему. Издержки мои не пропали; въ послѣдніе годы оказалось, что число крестьянъ моихъ увеличилось вдвое.“

Прохаживаясь по селу вмѣстѣ съ Полковникомъ, я захотѣлъ побывать въ крестьянскомъ домѣ, и увидѣть то, о чемъ слышалъ. Мы вошли оба. Дѣти окружили добраго своего барина, которой приласкалъ ихъ, и съ каждымъ особо разговаривалъ. Мать стоя за ними плакала отъ радости. Обозрѣвши все въ домѣ я нашелъ, что помѣщикъ сказывалъ сущую правду. Всего пріятнѣе для меня было смотрѣть на малютокъ, прекрасныхъ, здоровыхъ и проворныхъ. Я спросилъ у матери: сколько умерло у тебя дѣтей? — *ни одного*, отвѣчала она, *благодаря Господа Бога и нашего батюшку барина.* Вышедши изъ дому, мало по малу завели мы рѣчь о томъ, какъ должны помѣщики обходиться съ своими крестьянами. „Наши дворяне были бы гораздо счастливѣе и богаче — сказалъ Полковникъ — когда бы помнили, что крестьяне ихъ точно такіе люди, какъ и они сами.“ — Сомнѣваюсь — отвѣчалъ я — чтобы въ наше время были еще такіе помѣщики, которые не знали бы различія между крестьянами ихъ и скотами. — „О мнѣніяхъ людей — сказалъ Полковникъ — судить должно по ихъ поступкамъ: я никакъ не могу повѣрить, чтобы тотъ почиталъ своего крестьянина человѣкомъ, кто обходится съ нимъ какъ съ безсловеснымъ животнымъ. Еслижъ я и ошибаюсь, если злые помѣщики знаютъ,

что крестьяне ихъ такіе же люди; то чѣмъ извинятъ они свою жестокость? Не мое дѣло входить въ изслѣдованіе, должно ли, можно ли, и какими средствами можно обезпечить состояніе поселянъ и оградить ихъ безопасностію отъ своевольныхъ притѣсненій. Помѣщикъ отъ того не потерпитъ ни малѣйшаго урону въ своихъ выгодахъ. Простаковы и подобные имъ пускай себѣ вопіютъ, что у нихъ отнимаютъ право побить крестьянина, *когда захочется*: слава и благоденствіе отечества не зависитъ отъ Простаковыхъ. Попечительное наше Правительство, какъ всякому извѣстно, уже обратило вниманіе свое и на сію часть государственнаго устройства, и состояніе *свободныхъ земледѣльцовъ* есть первый и важнѣйшій плодъ мудрыхъ начинаній.

„Злые помѣщики заставляютъ быть крестьянъ злыми. Угнѣтаемый крестьянинъ ненавидитъ господина своего, ибо почитаетъ его орудіемъ своего несчастія. При такомъ взаимномъ расположеніи какого можно ожидать усердія, какого доброхотства? Помѣщикъ, презирающій крестьянина, не печется о его благоденствіи; крестьянинъ, ненавидящій помѣщика, работаетъ ему принужденно. Вотъ источникъ многихъ безпорядковъ, опасныхъ для цѣлаго государства, опасныхъ говорю — ибо землепашество есть такая

подпора, безъ которой всѣ другія средства безполезны. Не одно человѣколюбіе, но и собственная польза должны бы заставить насъ хорошо обходиться съ крестьянами.

„Пріѣхавши въ село свое на хозяйство, я тотчасъ началъ заботиться о способахъ сдѣлать крестьянъ моихъ столь счастливыми, сколько возможно. Я не выписывалъ машинъ, не вводилъ Англійскаго земледѣлія, не расточалъ денегъ на затѣи жадныхъ мастеровъ чужестранныхъ. Дѣлая полезныя перемѣны, я соображался съ обычаями земляковъ своихъ, со свойствомъ пошвы и климата, съ мѣстными обстоятельствами. Богъ благословилъ мои начинанія, и сосѣди перестали надо мною смѣяться, видя желаемые во всемъ успѣхи.

„Въ обогащеніи крестьянъ должно знать мѣру. Излишнее богатство неприлично ихъ состоянію, и помѣщикъ худо дѣлаетъ, ежели самъ разоряется, желая доставить имъ ненужное изобиліе. Но не должно разорять и крестьянина, когда онъ трудами своими наживетъ болѣе нежели сколько имѣть ему нужно. Многіе помѣщики наши заштвердивши ненавистное правило, что *избытокъ портитъ крестьянина*, извиняютъ онымъ свои поступки. Не спорно, что избытокъ иногда портитъ человѣка; однакожь

это никому не даетъ права быть грабителемъ; а брать у крестьянина болѣе надлежащаго значитъ *грабить*. Чѣмъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ, тѣмъ болѣе чести помѣщику, которой всегда имѣетъ въ рукахъ способы предотвратить злоупотребленіе богатства.

„Защитники излишней строгости говорятъ, что съ крестьянами не надобно поступать ласково, будто бы потому, что грубые люди сіи нечувствительны, что имѣютъ врожденную ненависть къ господину, и что при малѣйшемъ послабленіи готовы сбросить яремъ зависимости. Кто виноватъ, что крестьяне грубы, нечувствительны, упрямы, недоброхотны? злые помѣщики. Природа надѣляетъ душевными качествами не разбирая состояній. Я зналъ господъ съ рабскими душами; зналъ и земледѣльцовъ, которымъ пристало бы титло сіятельства и превосходительства. Жестокіе поступки дѣлаютъ людей грубыми, нечувствительными и упорными. Кто можетъ любить своего мучителя! Пускай себя самихъ, а не крестьянъ обвиняютъ тѣ, которые видятъ въ нихъ такіе пороки. Мои мужики зажиточнѣе сосѣдскихъ; однакожь, смѣло скажу, любятъ меня, повинуются мнѣ охотно, и умѣютъ быть благодарными.

„Что касается до перваго упрека, будто крестьяне *грубы*; надобно сперва остановиться надъ значенїемъ слова. Ежели принять, что *грубость* значитъ непросвѣщенной разумъ, тупую понятливость, неловкую наружность: то и этого обо всѣхъ крестьянахъ вообще сказать нельзя; а хотя бы и можно было, я все не вижу тутъ причины жестоко обходиться съ ними: чѣмъ они виноваты, что природа отказала имъ въ сихъ способностяхъ, и когда природной недостатокъ вмѣняется въ преступленїе?

„Многїе господчики, выросшїе подъ развратнымъ надзоромъ иностранцовъ, и научившїеся говорить: *Comment vous portez-vous, pardonnez-moi*, и еще нѣсколько выраженїй, присягнули въ душѣ своей словомъ и дѣломъ унижать родъ свой, смиряться передъ всѣми зарейнскими нелѣпостями, и чистосердечно поносить все Русское. Они говорятъ, что съ *Русскимъ* человѣкомъ безъ дубины обойтись никакъ не можно, и что *Русской* мужикъ и лѣнивъ и глупъ. Къ счастїю крестьянъ, сїи господа недолго бываютъ *помѣщиками*; черезъ два или три года имѣнїе ихъ обыкновенно достается въ другїя руки.“

Такъ, или почти такъ говорилъ почтенной мой хозяинъ. Все, что я видѣлъ и

слышалъ, напечатлѣлось въ душѣ моей, и останется на всю жизнь правиломъ, которымъ буду руководствоваться въ случаѣ надобности.

Н. П — въ.

VIII.

Волшебной пиръ.

Въ Королевиной Оксфордской Коллегіи молодой Ричардъ Блунтъ сидѣлъ протянувши обѣ руки на столѣ, на которомъ лежали Космогоніи, Исторіи древнѣйшихъ народовъ, Таинства Египетской мудрости, и читалъ на досугѣ бредъ одного Лондонскаго мечтателя *о третьемъ небѣ.* Сбросивъ съ себя тѣлесное бремя, онъ перенесся въ страны эфирныя, и съ быстротою солнечнаго луча перелеталъ съ планеты на планету; то разрушалъ міры и превращалъ ихъ въ хаосъ первобытной, то созидалъ новые по несказанно-премудрымъ своимъ начертаніямъ, и наслаждался внутреннимъ удовольствіемъ, внимая одобрительные отзывы небожителей, которые бесѣдовали съ нимъ — не на словахъ, но посредствомъ благоуханій, нѣкоторымъ чудеснымъ образомъ сдѣланныхъ вразумительными.

Въ минуты столь сладостнаго восторга входитъ въ комнату Мовбрай, товарищъ его, человѣкъ съ ограниченными свѣдѣніями, которой не любилъ мысленно возноситься выше земной сферы, и получилъ въ удѣлъ себѣ отъ природы частицу здраваго смысла и нѣсколько пылкаго остроумія — не болѣе. Не могу сказать рѣшительно, что Блунтъ сдѣлалъ бы съ незваным гостемъ своимъ, еслибъ умѣлъ творить чудеса, — прогналъ ли бы его до отдаленнѣйшихъ звѣздъ неподвижныхъ, или поступилъ бы съ нимъ какъ-нибудь иначе; скажу только, что онъ принялъ Мовбрая очень сухо и съ такимъ видомъ, будто чувствовалъ боль головную.

Мовбрай подошедши къ столу отодвинулъ къ одной сторонѣ пару *Достовѣрныхъ записокъ о человѣческомъ родѣ*, къ другой нѣсколько *Ѳеорій о землѣ*, и очистилъ мѣсто для *замѣчаній Корнеліуса на Исаію*. — „Пріятель — сказалъ онъ потомъ — въ этихъ сухихъ замѣчаніяхъ я нашелъ исторію, которая кажется нарочно для тебя написана; она совершенно подходитъ къ твоему вкусу, и я почелъ для себя долгомъ сообщить ее тебѣ. Прерви на минуту свое чтеніе. Вижу, что ты очень занятъ и невеселъ; однакожь какъ хочешь, а выслушай.“

Долженъ выслушать — отвѣчалъ Блунтъ — если не льзя иначе; но признаюсь

тебѣ, что конецъ для меня былъ бы лучше начала. О чемъ эта исторія?

„О нѣкоторомъ пиршествѣ, любезной Блунтъ! о пиршествѣ такомъ великомъ и роскошномъ, какого не слыхано въ Европѣ. Оно было учреждено однимъ Голландскимъ дворяниномъ. Всего удивительнѣе, что на ту пору у хозяина ничего не было ни на кухнѣ, ни въ погребѣ, ни въ карманѣ. На пиршествѣ были всѣ знатнѣйшія фамиліи. Кромѣ Утрехтскаго Губернатора, которой ручается за нашего Корнеліуса, кромѣ начальниковъ города и кромѣ всѣхъ дворянъ сосѣдственныхъ“ . . . .

Богъ съ ними! вскричалъ Блунтъ; ты не окончишь до ночи; вижу что тебѣ хочется замучить меня своими разсказами. Послѣ гостей вѣрно очередь дойдетъ до блюдъ!

„Блюдъ, любезной пріятель, было такое множество, что и сказать нельзя. Умолчу о вкусныхъ фазанахъ и овсянкахъ, о свѣжихъ устрицахъ; но Индійскія птичьи гнѣзда! но черепахи жареныя и вареныя! ахъ, любезной Блунтъ! что это за лакомство!“ Онъ цѣловалъ концы своихъ пальцовъ, и увѣрялъ, что чувствуетъ во рту сладость отъ одного воспоминанія.

Блунтъ хотѣлъ встать со стула. — Этому конца не будетъ! вычислять всѣхъ гостей, всѣ блюда, всѣ вина!...

„Да, вина, вина, любезной Блунтъ! я было и забылъ о нихъ! спасибо тебѣ, что напомнилъ!“ — Онъ тихонько посадилъ нетерпѣливаго товарища своего на стулѣ, съ котораго Блунтъ поднялся-было, и продолжалъ: „Ты не можешь себѣ представить, какими прекрасными винами потчивали гостей. На полкахъ стояло множество бутылокъ съ Капскимъ виномъ, съ Мадерою, съ Грузинскими винами, съ Кипрскими, съ разными ликерами; внизу составляли большой кругъ бутылки съ винами Испанскими, Нѣмецкими, Французскими, Португальскими, Венгерскими, Италіянскими“...

Да скоро ли конецъ? Что изо всего этого будетъ?

„То, что гости лакомились, ѣли и пили, какъ Эпикурейцы.“

И только?

„Нѣтъ, любезной Блунтъ! это только начало. Гости, наѣвшись и напившись до сыта, встали, пробормотали хозяину по нѣскольку словъ прощальныхъ, и каждой изъ нихъ отправился въ путь свой.“

Имъ и тебѣ желаю счастливаго пути! Ты нашелъ прекрасной способъ мучить меня.

„Нѣтъ, право нѣтъ! Я теперь только приступаю къ дѣлу. У одного изъ гостей, которой ушелъ пѣшкомъ, на улицѣ закружилась голова, и мимоходящіе понесли его на рукахъ; другой, сидѣвши въ носилкахъ, разбилъ головою стекла, и изуродовалъ лице свое; третій повалился въ коляскѣ; короче, всѣ гости занемогли, и городскіе врачи бѣгали безъ памяти отъ одного къ другому, стараясь привести ихъ въ чувство. — Какъ ты думаешь? что было причиною такого несчастія?“

Я думаю, крѣпкіе ликеры.

Такъ, но не одни ликеры. Всѣ блюда приготовлены были изъ *лѣны*; всѣ напитки состояли изъ *воздуха*; языкъ ощущалъ пріятность, но желудку варить было нечего. Все это большаго вреда не сдѣлало бы; но *вѣтеръ*, впущенный въ желудокъ, былъ такой ядовитой, что истребилъ всѣ питательные соки, оставшіеся отъ прежнихъ обѣдовъ. Строгое воздержаніе нѣкоторымъ помогло вылѣчиться; но многіе, проглотившіе великое количество сего вреднаго *вѣтра* — умерли отъ чахотки. Теперь отгадай, кто состроилъ эту чудесную шутку?“

Вѣрно твой дорогой *Корнелїусъ*, или ты самъ! кому больше?

„О! много чести для насъ! Все это сдѣлалъ нѣкоторой Духъ, существо гораздо сильнѣйшее меня и *Корнелїуса*. Удивляюсь, какъ ты не могъ отгадать! Дворянинъ, подстрекаемый тщеславїемъ, захотѣлъ дать пиршество; я сказалъ, что въ кухнѣ его, въ погребѣ и въ карманѣ было пусто. Что оставалось дѣлать, какъ не заключить договоръ съ нечистымъ Духомъ?“

Вога ради, скажи мнѣ — произнесъ Блунтъ, сложивши руки, опустивъ ихъ внизъ, и устремивши взоръ къ небу — какимъ образомъ все это пришло тебѣ въ голову? Прилично ли умному человѣку разсказывать такїя нелѣпыя сказки?

Мовбрай, не отвѣчая ни слова, взялъ книги, лежавшїя на столѣ, и читалъ заглавїя ихъ одно послѣ другаго: *О началѣ всемїрнаго зданїя*, — *Разсужденїя о веселїи на третьемъ небѣ*, — *Египетскїя* . . . Тутъ вскочилъ онъ подобно человѣку, которой ощутилъ внезапной ужасъ; ухватилъ за руку Блунта; но сей съ досадою вырвался отъ него, чего прежде никогда не дѣлалъ.

„Какъ! — сказалъ Мовбрай — ты называешь сказку мою нелѣпою, а самъ не

стыдишься питаться подобными яствами? Всмотрись, не съ пѣною ли блюдо стоитъ передъ тобою? Не воздушными ли напитками наполняешь свой желудокъ?"

Блунтъ ничего не слушалъ, не хотѣлъ смотрѣть на Мовбрая, сидѣлъ молча въ углу и читалъ въ Разсужденіи о третьемъ небѣ то самое мѣсто, гдѣ описано наслажденіе праведныхъ душъ, съ высоты Сиріуса разсматривающихъ составъ земнаго насѣкомаго.

„Продолжай, продолжай — сказалъ Мовбрай: вижу, тебѣ хочется, чтобъ я поскорѣе ушелъ; оставайся въ покоѣ! Блюдо тебѣ очень понравилось? не правда ли?" Онъ просмотрѣлъ пристально на Блунта, и поднявши палецъ въ знакъ увѣщанія, сказалъ: „Не томи себя голодомъ; но берегись также и чахотки! Невѣріе, любезной пріятель, есть чахотка души; а воздухъ, которой ты глотаешь, въ минуту варенія въ желудкѣ истребляетъ и здоровую пищу. Не ты первой изъ вдохновеннаго мечтателя превратишься въ дерзкаго вольнодумца."

(*Изъ Свѣт. Филос.*)

ПОЛИТИКА.

I.

Важная молва о Берлинѣ.

Не задолго передъ симъ говорили, что Король Прусскій намѣренъ перенести свою столицу изъ Берлина. Г. Архенгольцъ по сему случаю 4 Августа отправилъ къ Е. Величеству сочиненную имъ слѣдующаго содержанія статью (*), которую скоро потомъ и напечаталъ. „Сія бумага осталась бы въ рукописи — говоритъ г. Архенгольцъ — и содержащіяся въ ней *важныя* причины были бы представлены единому благоусмотрѣнію Монарха, если бы не нужно было явно оспоривать молву, повсюду распространившуюся.“ — Сказать правду, я не вижу, какая крайняя надобность заставляетъ дѣлать извѣстнымъ сію бумагу. Нашъ Гекторъ съ мечемъ свинцовымъ сражается за Трою. Его доказательства слабы; однакожь онѣ открываютъ, какую потерю претерпѣлъ бы несчастный, великолѣпный Берлинъ при перемѣнѣ, которою ему угрожаютъ.

(*) Теперь пишутъ, что Е. В. письменно извѣвилъ сочинителю свою признательность.

Изд.

Если бы важныя государственныя причины требовали, чтобы Король не жилъ въ своей столицѣ; то кажется, лучше было бы представить невыгоды, отъ того произойти имѣющія, не въ столь ужасномъ видѣ.

„Носится странная молва, надъ которою сперва шутили, но которая часъ отъ часу становится вѣроятнѣйшею, и отъ весьма значительныхъ особъ выдается за истину. Молва сія въ томъ состоитъ, будто Король Фридрихъ Вильгельмъ намѣренъ — отъ чего Богъ да сохранитъ! — перенести свою столицу изъ Берлина. Упоминаютъ о побудительныхъ сего намѣренія причинахъ, о которыхъ умалчиваю; ибо онѣ, какъ несоотвѣтствующія другимъ причинамъ важнѣйшимъ, всѣ вмѣстѣ и каждая особенно, сами по себѣ исчезаютъ. Каждой Прусской и вообще Нѣмецкой патріотъ не въ силахъ представить въ умѣ своемъ, чтобы Король, столь много любимый своими подданными, рѣшился несчастному своему государству нанести ударъ гораздо жесточайшій, нежели какой претерпѣло оно во время войны изъ всѣхъ насчастнѣйшей.“

„Въ числѣ другихъ странныхъ причинъ, которыми оправдываютъ сію молву, представляютъ еще и ту, что Берлинъ по новымъ перемѣнамъ остается незакрытымъ

крѣпостями. Развѣ сосѣди у Пруссіи Киргизцы или Татаре, которые безпрестанно угрожаютъ набѣгами? и развѣ Берлинъ, большой городъ, запасенный арсеналами, казармами, магазинами (*) и всѣми потребностями, не можетъ на всякой случай имѣть многочисленнаго охраннаго войска для защищенія границъ отъ нашествія непріятельскаго? Съ многочисленнымъ войскомъ во время открытой войны не такъ-то скоро можно сдѣлать нападеніе. Для этого нужны большія приготовленія (?); а между тѣмъ противная сторона будетъ имѣть довольно времени для своихъ распоряженій. Берлинъ, незащищаемый крѣпостями, все останется въ такомъ же политическомъ положеніи, въ какомъ находился прежде; будетъ ли онъ столицею или нѣтъ, защита у него та же, которая была передъ симъ за сто лѣтъ (**). Не льзя сказать и того, чтобы сей великой городъ былъ совершенно открытымъ; важная крѣпость Шпандау лежитъ отъ него только въ двухъ миляхъ; Кистринъ не болѣе какъ въ десяти, и Штеттинъ въ десяти же. Въ потребномъ случаѣ можно заложить по близости Бер-

(*) Едва ли полезно оставлять магазины въ открытомъ пограничномъ городѣ. *Пр. Нѣм. Ж.*

(**) Но тѣ ли сосѣди? тѣ ли Саксонцы, Ганноверцы, Мекленбургцы? *Прим. Нѣм. Ж.*

лина новыя крѣпости, чему благопріятствуютъ и мѣстныя обстоятельства. — Сію достаточную причину можно бы изъяснить гораздо обширнѣе, еслибъ это было надобно."

„И такъ да исчезнетъ молва несправедливая, молва необдуманная тѣми людьми, которые прежде всѣхъ распустили ее! Какъ! одинъ изъ числа великолѣпнѣйшихъ городовъ Европы, чудо трудолюбія человѣческаго, воздвигнутое на песчаной степи, по рѣшительной волѣ добраго Короля должно превратиться въ ничтожество? Никогда! нѣтъ, этому статься не можно!"

„За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, путешествуя по прекраснѣйшимъ землямъ Европы, я удивлялся Берлину, удивлялся пышнымъ его зданіямъ, высокимъ чертогамъ, широкимъ площадямъ и улицамъ, красивымъ воротамъ, мостамъ и памятникамъ. Тогда (это было въ 1788 году) въ первой разъ употребилъ я въ своей *Исторіи о семилѣтней войнѣ* слѣдующее выраженіе: *Берлинъ, сія новая Пальмира, въ которой среди песчанаго моря великолѣпныя произведенія зодчества возносятся, и образуютъ необозримыя улицы* (*)."

(*) Не ужели и это достаточная причина? *Прим. Нѣм. Ж.*

„Ни одинъ чужестранецъ не вступалъ въ сей, часъ отъ часу болѣе украшающійся, городъ, безъ того чтобъ не удивляться ему; и сіе удивленіе увеличивалось по мѣрѣ того, чѣмъ болѣе онъ всматривался во многія прекрасныя, даже единственныя заведенія тамъ существующія. — Въ какомъ состояніи находился сей бѣдный, немноголюдный, наполненный деревянными домами городъ, когда Курфирстъ Фридрихъ Вильгельмъ первый въ 1640 году при окончаніи тридцатилѣтней войны принялъ правительство? Груда жилищь безобразныхъ, достойная песковъ, ее окружающихъ! Но когда Фридрихъ Вильгельмъ третій, спустя потомъ сто шестьдесять лѣтъ, вошелъ на престолъ, Берлинъ былъ уже великолѣпнымъ городомъ, неуступающимъ ни одному изъ прекраснѣйшихъ и знаменитѣйшихъ городовъ на земномъ шарѣ.“

„Въ послѣдній разъ, живучи въ Берлинѣ, откуда въ 1791 году выманили меня прелестныя мечты Французской революціи, часто сожалѣлъ я, для чего великій Курфирстъ послѣ тридцатилѣтней войны не оставилъ Берлина и песчаныхъ степей его, и для чего столицы своей не перенесъ въ Магдебургъ, окруженный прекрасными плодоносными полями и омываемый величайшею изъ рѣкъ Нѣмецкихъ? Мнѣ отвѣчали, что

сїе прелестное мѣсто надъ рѣкою Шпре тотчасъ сдѣлалось бы необитаемымъ, и можетъ быть на вѣки засыпалось бы песками. Доказательство сїе и очевидные примѣры, свидѣтельствующїе торжество трудолюбїя человѣческаго надъ упрямствомъ природы, убѣдили меня, и я замолчалъ. Печальной видъ песчаной степи конечно не веселитъ жителя за воротами; но онъ возвращается въ городъ, смотритъ на художественныя произведенїя, наслаждается утѣхами общежитїя съ людьми просвѣщенными, и забываетъ скупую природу."

„Въ Берлинѣ есть множество пышныхъ зданїй государственныхъ и такихъ, въ которыхъ помѣщаются разныя заведенїя; въ немъ есть множество зданїй съ фабриками и мануфактурами; есть множество чертоговъ, знатному дворянству принадлежащихъ. Содержанїе сихъ чертоговъ и въ хорошее время стоило не дешево, при нынѣшнихъ же досадныхъ обстоятельствахъ, а особливо по удаленїи двора, оно сдѣлается еще тягостнѣе; никто не будетъ въ силахъ возстановить, когда они обветшаютъ. Къ сему числу принадлежатъ многїя славныя по большей части образцовыя заведенїя, которыя держатся столицею, и должны будутъ пасть съ нею вмѣстѣ. Что послѣдуетъ съ величественнымъ Королевскимъ замкомъ и

съ другими дворцами въ Берлинѣ, Шарлоттенбургѣ и Потсдамѣ, съ академіями и гимназіями, съ пышнымъ арсеналомъ, великолѣпнымъ опернымъ домомъ, театромъ и проч. и проч.? Не горько ли будетъ разставаться съ мѣдною статуею Великаго Фридриха Вильгельма, съ мраморными памятниками Дессау, Шверина, Сейдлица, Кейта и проч. и проч.? а съ вашимъ Санъ-Суси, съ тамошними произведеніями, съ гробницею Фридриха (*)?"

„Гдѣ найти можно замѣну сей потери? Конечно не въ городахъ, въ которыхъ для *необходимой* пышности придворной во всемъ будетъ недостатокъ; гдѣ правительство прежде всего должно будетъ заботиться о построеніи обширныхъ необходимо нужныхъ зданій, и гдѣ дворянство, обѣднѣвшее въ послѣднемъ году, принуждено будетъ снова строить чертоги, или съ чужестранными посланниками помѣщаться въ тѣсныхъ домикахъ."

„Гдѣ столь важныя причины говорятъ за себя, тамъ не для чего упоминать о тѣхъ, которыя менѣе (?) важны; одна-

(*) Замки, дворцы, статуи и проч., развѣ принадлежатъ къ политическимъ причинамъ? *Прим. Нѣм. Ж.*

кожь не излишнимъ почитается сказать о государственныхъ доходахъ, и сослаться на великія денежныя суммы, ежегодно получаемыя казначействомъ отъ *одного* Берлина посредствомъ податей и налоговъ. Всѣмъ извѣстно, что доходъ сей важнѣе доходовъ нынѣшнихъ знаменитѣйшихъ великихъ Герцогствъ."

„Трудно изчислить, какой убытокъ въ цѣнахъ домовъ Берлинъ могъ бы понести при семъ несчастномъ случаѣ. Сколько милліоновъ фридрихсдоровъ потерялъ бы тогда городъ? Сотни хозяевъ, которые нынѣ живутъ не нуждаясь, при дешевизнѣ домовъ, будучи не въ состояніи платить проценты, впали бы въ крайнюю бѣдность. Въ теченіи осмнадцатаго столѣтія многія столицы перенесены изъ однихъ городовъ въ другіе — Дюссельдорфъ и Вольфенбиттель были послѣдніе по порядку времени, — но ни одинъ не былъ столь тѣсно соединенъ съ государствомъ, какъ Берлинъ, и никогда сія перемѣна не имѣла столь важныхъ слѣдствій для всего государства."

„Извѣстно, что Фридрихъ Великій всегда ревностно старался распространять въ Берлинѣ фабрики, мануфактуры и художественныя заведенія; извѣстно также, что ему это всегда хорошо удавалось. Захотятъ

ли сіи благодѣтельные, вездѣ полезные, но для Пруссіи безцѣнные люди, охотно жившіе въ цвѣтущемъ столичномъ городѣ, захотятъ ли и возмогутъ ли остаться въ опустѣвшемъ Берлинѣ? "

„Но надобно ли еще бороться съ призракомъ, надобно ли еще оспоривать молву, почитаемую за неосновательное предположеніе? Нѣтъ! такая мысль, гдѣ въ каждомъ слогѣ открывается несоотвѣтственность (wo Disharmonie in jeder Silbe liegt), конечно не могла созрѣть въ душѣ Короля столь добраго. Всѣ причины, къ ея оправданію служащія, при здравомъ разсужденіи какъ тѣнь исчезаютъ. "

„Исторія представляетъ намъ великій, для всѣхъ временъ достопамятный примѣръ перенесенія столицы и важныхъ его слѣдствій. Императоръ Константинъ, оставивъ Римъ, переселился въ Константинополь; и съ той минуты, когда уничтожились выгоды, существенно соединенныя съ благомъ государства, когда все пошло и должно было идти другимъ порядкомъ, Римское государство начало клониться къ упадку, и — невозвратно (*).

(*) Напротивъ того Петръ Великій, перенесши столицу, возвеличилъ свою Имперію.
Прим. Нѣм. Ж.

II.

Мой побѣгъ изъ Берлина въ Мемель въ концѣ 1806 года.

(Введеніе.)

Смертоносные удары страшнѣе въ нравственномъ и политическомъ мірѣ, нежели въ вещественномъ. Природа управляется неизмѣняемыми законами стихій; удары ея неотвратимы, неизбѣжны — и страдалецъ, собравши всѣ силы, рѣшительно борется за бытіе свое, или отдаетъ себя во власть природы, которая немедленно исполняетъ приговоръ надъ дѣтьми своими, когда видитъ, что беречь ихъ нѣтъ надобности. Напротивъ того политическія развязки — которыя всегда происходятъ отъ испорченности ума, воли или нравовъ, сіи развязки, которыми въ счастіи и несчастіи милліоновъ людей, повидимому, управляетъ не безусловная необходимость, но странной, непостоянной, иногда злой произволъ — не ужасаютъ до безпамятства; но сильно поражаютъ и наполняютъ души — какъ ураканъ или землетрясеніе — ужасомъ; мучатъ ее и терзаютъ. Бури утихли, огненныя рѣки волкана истощились; взорамъ представляются развалины, пустыни, мертвые трупы. Оставшіеся въ живыхъ уподобляются существамъ Клопштокова ада, — существамъ, которыя изъ сильныхъ внезапно

превратились въ сухіе остовы; но, увы! не лишились жизни.

По несчастію мнѣ суждено быть свидѣтелемъ рѣдкихъ, ужаснѣйшихъ произшествій. При моихъ глазахъ обрушилось сильное, прекрасно устроенное государство, которое долго управляло вѣсами Европы; въ моихъ глазахъ обрушилось твореніе Фридриха единственнаго — въ ту минуту, когдо оно, по видимому, необходимо возносилось къ точкѣ, давно уже предназначенной. Одинъ день истребилъ внутреннюю силу его, уничтожилъ славу его, и гражданъ гордившихся отечествомъ лишилъ всей дѣятельности.

Судьба государства увлекаетъ съ собою частнаго гражданина, какъ плывущій корабль несетъ странника. Настаетъ буря; отъ него не требуютъ дѣятельности: что лучше онъ можетъ сдѣлать, какъ найти себѣ спокойное мѣсто на палубѣ и замѣчать движенія? всегда ли хорошо направляли паруса кормщики, съ вѣтрами и волнами боровшіеся; всегда ли хорошо вели они корабль, странникъ рѣшительно утверждать не можетъ; онъ можетъ только разсказать, что видѣлъ и слышалъ. Умному человѣку предоставляется въ повѣствованіи найти для себя полезное.

И я могу *разсказывать*, что видѣлъ и слышалъ. Единственная польза, происхо-

дящая отъ сильныхъ потрясеній, въ томъ состоитъ, что при семъ случаѣ обыкновенно открываются слабыя мѣста въ составѣ тѣла государственнаго. Всякой гражданинъ, усмотрѣвши ихъ, повиненъ сдѣлать извѣстными. Для того-то — еще разъ повторю — и я хочу *разсказывать*. *Судить* будетъ потомство. Не знаю, кого оно обвинитъ въ несчастіяхъ государства; но кажется, если не ошибаюсь, съ одной стороны будетъ оно не столько хвалить чрезмѣрно-сильнаго непріятеля, сколько порицать побѣжденную сторону; съ другой — что слѣдствія ужасныхъ событій, долгое время колебавшихъ Европу и грозившихъ ей конечною погибелью, ничего другаго не означаютъ, какъ побѣду предпріимчивой разсчетливости надъ нерѣшительнымъ простодушіемъ.

Въ прочемъ — благосклонный читатель! можетъ быть нѣкоторыя описанія мои покажутся тебѣ слишкомъ подробными, многія разсужденія излишними; въ такомъ случаѣ дозволь мнѣ повторить нѣчто старое: не каждой разъ во время дождя видишь цвѣты радужные, потому что не каждой разъ удается тебѣ стоять на томъ мѣстѣ, съ котораго можно видѣть радугу.

Расположеніе умовъ въ Берлинѣ.

Расположеніе Берлинскихъ жителей передъ началомъ послѣдней войны обратило

на себя вниманіе всей Европы. Еслибъ война сія окончилась счастливо, то исторія прославила бы ихъ въ потомствѣ; война окончилась не-счастливо — и надъ Берлинцами посмѣялись. Но усердіе ихъ не насмѣшекъ было достойно. Никакой народъ, никакое племя не пылало любовію къ отечеству чистѣйшею той, которая одушевляла Берлинскихъ жителей въ Августѣ, въ Сентябрѣ и въ началѣ Октября 1806 года. Въ публичныхъ листкахъ подробно было писано объ ихъ восклицаніяхъ въ театрѣ, гдѣ почти каждой вечеръ они пѣли военныя пѣсни, и ловили всѣ слова дѣйствующихъ лицъ, политико-патріотическій смыслъ въ себѣ заключающія. Обыкновенно случается, что въ театрахъ или пылкіе молодые люди, или наемные крикуны *даютъ тонъ*, которой часто не нравится здравомыслящимъ, истиннымъ зрителямъ; но въ это время не юношество, а именно старшая, важнѣйшая и опытнѣйшая часть общества, та которая въ свѣжей памяти еще имѣла времена Фридриховы и съ ними сравнивала нынѣшнія обстоятельства, сія, говорю, часть изъявляла сильнѣйшіе порывы любви къ отечеству. Ожидаемую войну давно уже почитали необходимо нужною, чтобы честь и бытіе государства избавить отъ опасности. Въ 1805 году, даже послѣ произшествій въ Моравіи, желали сей войны, и не одинъ разъ обнару-

живали сїе желанїе. Въ 1806 та же часть общества видѣла, что начинать войну было уже опасно по причинѣ перемѣнившихся обстоятельствъ; но когда открылось, что рѣшительно положено воевать; то стали думать, что сдѣланы всѣ нужныя распоряженїя, чтобы замѣнить прежнїя выгоды другими; надѣялись на храбрость войска, и близкая опасность не только не подавила любви къ отечеству, но еще болѣе воспламенила оную. Со всѣхъ сторонъ доходили до Короля бумаги, изъявляющїя готовность подданныхъ всемъ жертвовать. Цѣлыя провинцїи, а особливо Вестфальскїя, объявили готовность свою къ поголовному вооруженїю. Старые, заслуженные Офицеры, съ давняго времени оставившїе службу, подали Королю умныя предначертанїя объ учрежденїи вольныхъ корпусовъ и земскаго ополченїя, которое долженствовало быть всегдашнимъ запасомъ людей для дѣйствующаго войска; они убѣдительно просили, чтобы ихъ самихъ записали въ земское войско, и даже согласились служить въ низшихъ чинахъ, нежели какїе имѣли прежде въ армїи (*).

(*) Такъ поступилъ, кромѣ другихъ, Майоръ Графъ В., любви и почтенїя достойный старецъ, котораго лично зналъ и уважалъ Вторый Фридрихъ. За предначертанїе и готовность служить ему дали

Однакожь не всѣ состоянія Берлинскаго общества равномѣрно одушевлялись любовію къ отечеству; не всѣ питались одинакими надеждами. Немалая часть Жидовской колоніи — которая по чрезвычайному снисхожденію правительства составляетъ, какъ извѣстно, богатѣйшую часть жителей въ Берлинѣ — приняла сердечное участіе въ выгодахъ Франціи. Парижской Сангедринъ и безстыдное предложеніе Брауншвейгскаго придворнаго банкира Якобсона вскружили Берлинскимъ Жидамъ головы, и дали поводъ мечтать, что сей Сангедринъ долженствуетъ быть верховнымъ правительствомъ надъ всѣми Жидами въ Европѣ. Сіи люди тѣшились несомнѣнною надеждою, что Французы одолѣютъ, и что сдѣлаютъ ихъ первостепенными гражданами въ Берлинѣ; но сію надежду они обнаруживали изъявленіемъ мучительнаго опасенія, между тѣмъ какъ радостная увѣренность во взорахъ изобличала ихъ притворство. Часть Французской колоніи (*) мыслила за одно съ Жидов-

---

крестъ; но Майоръ недоволенъ былъ сею наградою, потому что планъ его оставленъ безъ исполненія. — *Сог.*

(*) Извѣстно, что при Лудовикѣ XIV, во время гоненія на протестантовъ, многіе Французы выѣхали изъ отечества, и поселились въ Бранденбургскихъ областяхъ.

скою, или отъ того, что во Французѣ привязанность къ соплеменникамъ не ослабѣваетъ во второмъ и въ третьемъ колѣнѣ, и можетъ быть до тѣхъ поръ, пока правительство дозволяетъ ему носить Французское прозвище, — или же потому, что она предана была Французской сторонѣ кабинета, которая вся состояла изъ членовъ сей колоніи. И сіи люди, подобно Жидамъ, очень безпокоились; но въ безпокойствѣ ихъ также непримѣтно было *излишней* печали. Третья часть людей, нетерпѣливо желавшихъ войны, состояла изъ благомыслящихъ усердныхъ сыновъ отечества, изъ скромныхъ наблюдателей, которые съ давняго времени замѣчали ходъ Прусскаго кабинета, замѣчали прилѣжно и — не одобряли. Сообщаю сужденія людей сихъ; ибо онѣ очень важны. Между тѣмъ еще повторяю то, что сказано мною во вступленіи: я буду *разсказывать*, какъ человѣкъ безпристрастный. Во всемъ ли правы люди сіи, или не во всемъ — до того нѣтъ мнѣ нужды.

Сіи люди *утверждали*, что въ поступкахъ Прусскаго кабинета уже нѣсколько лѣтъ сряду ничего не видно было постояннаго, ничего вѣрнаго; потому что совѣтники кабинета Королевскаго отняли силу у кабинетныхъ министровъ, которые имѣя свой умъ и желая дѣйствовать, принуждены были сра-

жаться съ ними или явно, или тайными хитростями; гораздо было бы лучше удалить тѣхъ или другихъ. Они *утверждали*, что кабинета совѣтникъ Ломбардъ и министръ Гаугвицъ вовсе недостойны были довѣрія Королевскаго; ибо всѣмъ извѣстно, что сіи господа суть расточители и безчинники; особенно же подозрѣніе падаетъ на перваго (*). Они *сказывали*, что со времени поѣзд-

(*) Кабинетный совѣтникъ Ломбардъ есть сынъ Берлинскаго парикмахера. Въ немъ открылось остроуміе и способность хорошо говорить; что и подало случай г-ну Эрману, священнику Французской колоніи, препоручить его въ милость Фридриха Втораго, когда сей Государь искалъ себѣ человѣка, знающаго хорошо Французской языкъ. Ломбардъ служилъ при Фридрихѣ десять лѣтъ; но былъ употребляемъ для письма только по собственнымъ дѣламъ. При Фридрихѣ Вильгельмѣ II, сдѣлавшись повѣреннымъ извѣстной Рицъ или Лихтенау, приобрѣлъ онъ великую силу. Ему посчастливилось вкрасться въ довѣренность и нынѣшняго Короля, которою и пользовался до сраженія при Енѣ. — Ломбардъ часто, при смутныхъ обстоятельствахъ, умѣлъ недомогать, и потомъ опять выздоравливать, когда обстоятельства перемѣнялись. — *Сог.*

ки его въ Брессель — куда онъ былъ отправленъ передъ первымъ занятіемъ Ганновера, для предотвращенія сего случая — правила его совершенно перемѣнились, и что онъ съ тѣхъ поръ началъ мыслить совершенно по-французски; а это было очень опасно, потому что всѣмъ Отдѣленіемъ иностранныхъ дѣлъ управляли братья его и родственники. Они *утверждали*, что съ тѣхъ поръ всѣ произшествія, которыхъ онъ былъ причиною, къ тому клонились, чтобы у Прусскаго кабинета отнять все почтеніе и всю довѣренность дворовъ чужестранныхъ, и чтобы ослабить государство. Они *увѣряли*, что во время путешествія его въ Пизу 1806 году — когда Императоръ Французовъ велѣлъ вѣнчать себя Королемъ Италіи — болѣзнь его была притворная; что онъ отнюдь не думалъ лѣчиться водами въ Пизѣ, но поспѣшно отправился въ Лукку, гдѣ братъ Луккезинія былъ губернаторомъ отъ имени Императора Французскаго, и что онъ возвратился оттуда въ Германію въ вожделѣнномъ здравіи. Они *сказывали*, когда въ 1805 году Король, оскорбленный насильственнымъ вторженіемъ Французскаго войска въ Аншпахскую область, непремѣнно хотѣлъ начать войну, Ломбардъ поспѣшно отправился на Павлиной островъ, и тамъ употребилъ два дня на то, чтобъ убѣдить Короля от-

стать отъ принятаго достохвальнаго намѣренія. Наконецъ они *подозрѣвали*, что нынѣшняя война умышленно приготовлена, чтобы Пруссію, не имѣвшую союзниковъ, изобрѣтенными хитростями довести до погибели: вотъ почему Пруссія поссорилась съ Англіею! вотъ почему отклонила она помощь Россіи! вотъ почему только половина войска подвинута, и начальство надъ нею поручено такому полководцу, къ которому никто не имѣлъ довѣренности! Въ доказательство, что нынѣшнія событія предначертаны сими господами, *ссылались* на безстыдную ихъ непочтительность въ словахъ и поступкахъ (*).

(*) Вотъ примѣръ. Августа 3 1806 года, по обыкновенію былъ данъ праздникъ въ такъ называемомъ Georgische Reſſource. Два брата Кабинетнаго совѣтника Ломбарда, служащіе въ Отдѣленіи иностранныхъ дѣлъ, и жена одного изъ нихъ присутствовали на семъ праздникѣ. Передъ окончаніемъ обѣда всѣ пили за Королевское здоровье, поднявшись съ мѣстъ своихъ; только Ломбарды — изъ которыхъ одному доброй Король пожаловалъ важныя должности и богатые доходы — не пили и не вставали. Сказываютъ даже, что жена хотѣла подняться; но мужъ постарался удержать ее. Стали пить за здоровье

Нѣтъ сомнѣнія, что на все это было много противурѣчій; однакожь ни одного опроверженія мнѣ не удалось услышать.

(*Будетъ продолженіе.*)

III.

Извѣстія.

Изъ Лондона. Лордъ Кастлеригъ увѣдомилъ Лорда Мера о полученномъ отъ Генералъ-Лейтенанта Гвайтелока извѣстіи, что сей Генералъ 5 Іюля овладѣлъ было частію города Буэносъ-Айреса; но что потомъ принужденъ былъ начать переговоры съ непріятельскимъ Генераломъ Линьеромъ; что положено *вывести* Англійскія войска *изъ всей* южной Америки въ теченіи двухъ мѣсяцовъ, и что на семъ только условіи Англичане могутъ получить своихъ плѣнныхъ. Уронъ, понесенный при нападеніи на Буэносъ-Айресъ, состоитъ въ 306 человѣкахъ убитыми, 674 ранеными и 208 пропавшими.

Изъ Даніи. Въ Копенгагенъ бросали бомбы четыре ночи и три дни, то есть со 2

Королевы: Ломбарды также не позаботились! И вялое общество не посмѣло осыпать укоризнами дерзновенныхъ; но тихонько роптало! — *Сог.*

по 5 число Августа. Многіе улицы выгорѣли, и ни одинъ домъ не остался цѣлымъ; 1500 жителей погибло при семъ случаѣ; 400 раненыхъ отправлено въ главную больницу. Самъ начальникъ крѣпости, Генералъ Пейманъ, также раненъ. Сказываютъ, что Наслѣдный Принцъ Датскій не подтвердилъ договора о сдачѣ Копенгагена, и что Пейманъ осужденъ на смерть. Сей Генералъ, получивъ извѣстіе о немилости Принца, сказалъ: „Во время осады я стократно подвергалъ опасности жизнь свою для отечества; и такъ все равно, если умру послѣ осады. Смерть моя заставитъ Датчанъ быть еще усерднѣе.“ Датскій дворъ, какъ увѣряютъ, заключилъ союзной договоръ съ Франціею. Въ Англійскихъ листкахъ написано, что сей союзъ заключенъ еще до морскаго похода, и что онъ-то былъ причиною непріятельскихъ дѣйствій. — Датскій флотъ, доставшійся Англичанамъ, состоитъ изъ 20 линейныхъ кораблей, 16 фрегатовъ, 19 бригъ и нѣкотораго числа меньшихъ судовъ.

Изъ Вѣны, 19 Августа. Въ здѣшнихъ арсеналахъ работаютъ неутомимо; всѣ магазины запасаются съѣстными припасами; полки дополняются и должны быть каждую минуту готовы къ выступленію. Слухи носятся о новомъ рекрутскомъ наборѣ.

Изъ Гамбурга. Здѣсь говорятъ, что Порта уступитъ Россіи Бессарабію, Молдавію и Валлахію; Австріи малую Валлахію, Верхнюю Булгарію, Сербію и Боснію; Франціи всю Албанію, полуостровъ Морею и островъ Кандію.

12 *Октября*

КОНЕЦЪ XXXV ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРИДЦАТЬ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

СЕНТЯБРЬ, No. 17.

		Стран.
I.	*Елисавета Г*.* - - -	3
II.	*Извлеченіе изъ Путешествія г-на Оливье.* (*окончаніе*) - -	9
III.	*Голубка и Сорока.* - -	32
IV.	*Объ освобожденіи Москвы отъ Поляковъ.* - - -	34
V.	*Смѣсі.* - - -	54
VI.	*Область Ла-Плата, или Парагвай и Тукуманъ.* - -	57

Стран.

VII. *Мирныя Статьи договора между Францїею и Пруссїею.* - 67
VIII. *Извѣстїя и замѣчанїя.* - 77

СЕНТЯБРЬ, No. 18.

I. *Отрывки изъ Путешествїя г-на Шатобріана.* - - - 81
II. *Карлъ Великїй.* - - 90
III. *Обширность государства Россїйскаго при самомъ его началѣ.* 95
IV. *Соколъ и Филомела.* - - 102
V. *Правила для трагедїи.* - 103
VI. *Замѣчанїе для писателей.* - 127
VII. *О новыхъ иностранныхъ книгахъ.* 128
VIII. *Взглядъ на новѣйшїя произшествїя, на островѣ Сенъ-Доминго случившїяся.* - - 131
IX. *Статьи изъ уложенїя Варшавскаго Герцогства.* - - 139
X. *Историческое извѣстїе объ Али-Пашѣ, нынѣшнемъ правителѣ Эпира и сопредѣльныхъ округовъ сей области.* - - 149
XI. *Извѣстїя и замѣчанїя.* - - 155

Стран.

ОКТЯБРЬ, No. 19.

I. *Титъ-Ливій и Тацитъ.* - - 161
II. *Соловей и Малиновка.* (Басня) - 182
III. *Старой Котъ и молодой Мышенокъ.* - - - 185
IV. *Адамова гробница.* - - 187
V. *На кончину Михайла Никитича Муравьева.* - - - 189
VI. *Извѣстие о Россійскихъ пушкахъ.* 196
VII. *О посланіи къ Привѣтъ.* - 211
VIII. *О новомъ Французскомъ катихизисѣ.* - - - 216
IX. *О янычарахъ.* - - - 219
X. *Объ умножающемся числѣ преступниковъ во Франціи.* - 222
XI. *Историческія и Статистическія извѣстія о прежней Польшѣ.* 229
XII. *Извѣстія и замѣчанія.* - 233

ОКТЯБРЬ, No. 20.

I. *Рѣчь, произнесенная въ публичномъ Собраніи Московскаго Общества Испытателей природы* 18 *Сентября сего года Членомъ Общества; Ст. Совѣтникомъ и Кавалеромъ В. Н. Каразинымъ, по случаю представленія нѣсколькихъ*

Стран.

окаменѣлостей, найденныхъ или въ окрестностяхъ Москвы. - 241

II. *Титъ-Ливій и Тацитъ.* (Окончаніе) 250

III. *Элегія на кончину Михайла Матвѣевича Хераскова, основателя Университетскаго Благороднаго Пансіона, послѣдовавшую сего 1807 года, Сентября 27 дня.* 277

IV. *Вязъ и Репейникъ.* (Басня) - 279

V. *Договоръ съ Нисою.* - - 280

VI. *На басню Соловей и Малиновка.* —

VII. *Доброй помѣщикъ.* - - 281

VIII. *Волшебной пиръ.* - - 289

IX. *Важная молва о Берлинѣ.* - 306

X. *Мой побѣгъ изъ Берлина въ Мемель въ концѣ 1806 года.* 315

XI. *Извѣстія.* - - 325